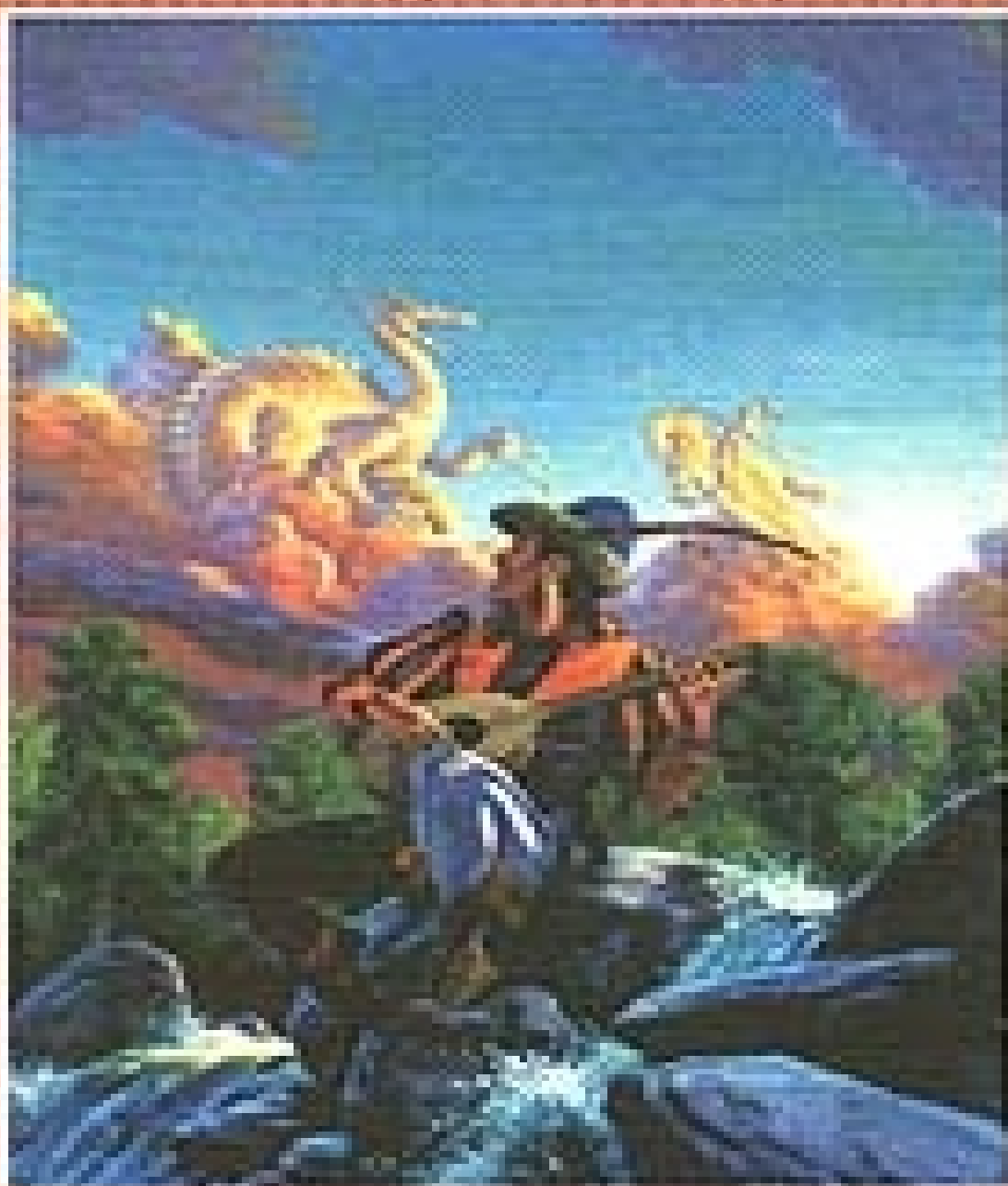

Мерседес ЛЭКИ

Долет стрелы

•Герольды Валдемара•

Annotation

Второй роман трилогии «Герольды Валдемара» из большого цикла о Валдемаре. В серии были изданы только первые два романа.

Содержание:

Полет стрелы (роман, перевод И. Брюн)

Мерседес Лэки

Полет стрелы

ПРОЛОГ

Давным-давно — так давно, что подробности позабылись и до нас Дошли только легенды, — мир Велгарта опустошили колцовские войны. Почти все население вымерло. Край быстро одичал, и его заполнили леса и порожденные чародейством твари, что использовались в тех войнах, а уцелевший люд бежал к восточному побережью, чтобы заново начать жизнь на новом месте. Однако человек — существо живучее, и в скором времени население уже снова стало расти, и переселенцы двинулись обратно на запад, создавая на месте глуши новые королевства.

Одним из таких королевств стал Валдемар. Основанный бывшим бароном Валдемаром и теми из его людей, кто предпочел последовать за ним в изгнание, чем испытать на себе гнев себялюбивого и жестокого монарха, он лежал на самой дальней северо-западной окраине цивилизованного мира. Отчасти

памятью о том, кто был основателем их королевства, правители Валдемара привечали беглецов и собратьев-изгнанников, и обычаи и нравы его обитателей с годами стали пестрыми, как лоскутное одеяло. Собственно говоря, основное правило, которым руководствовались в управлении державой государи Валдемара, гласило: «Единственно правильного пути не существует».

Управлять таким разношерстным составом подданных было бы невозможно — если бы не Герольды Валдемара.

Герольды выполняли множество обязанностей: осуществляли административный надзор, вершили правосудие, собирали сведения, даже служили временными военными советниками. Подчинялись они только государю и Кругу своих сотоварищей. Казалось бы, такая система должна открывать широкий простор злоупотреблениям — и открывала бы, если бы не Спутники.

Непосвященный увидел бы в Спутнике всего лишь необычайно грациозную белую лошадь.

На деле Спутники представляли собой нечто гораздо более необычное. Именно они, ниспосланные неведомой силой (или силами) в ответ на мольбу самого короля Валдемара, Избирали новых Герольдов, создавая меж собой и своими Избранныками мысленную связь, которую могла разорвать только смерть. Хотя никто в точности не знал, насколько они разумны, обычно считалось, что возможности Спутников по меньшей мере равны способностям их напарников-людей. Спутники могли Избирать (и Избирали) будущих Герольдов вне зависимости от возраста и пола, хотя обычно их выбор падал на подростков, едва вступающих в юношеский возраст, и чаще на мальчиков, чем на девочек. Единственной общей чертой всех Избранных (помимо особого склада характера: терпеливого, самоотверженного, ответственного и способного на героическую преданность долгу) являлся хотя бы намек на телепатическую одаренность. Контакт со Спутником и непрерывное упрочение связи с ним усиливали таившиеся в Избраннике паранормальные способности, каковы бы они ни были. Со временем, когда пришло лучшее понимание того, что собой представляют Дары Герольдов, были разработаны способы их развития и использования в полном объеме, доступном их обладателю. Постепенно Дары стали считаться более важными, чем та «настоящая магия», что еще сохранялась в Валдемаре, и в конце концов всякое упоминание о том, как вообще такая магия изучалась и применялась, исчезло.

Управление Валдемаром осуществлялось так: государь с помощью Совета издавал законы, а Герольды их распространяли и следили за тем, чтобы они соблюдались. Сами Герольды были практически неподкупны и совершенно неспособны злоупотребить своей временной властью: Избранные по самой своей природе отличались удивительной самоотверженностью — их подготовка только усиливала эту черту. Да иначе и нельзя было: для Герольда шансы погибнуть при исполнении своих служебных обязанностей превышали шансы остаться в живых. Но, невзирая ни на что, они оставались людьми — по большей части молодыми, постоянно глядящими в лицо опасности, поэтому вне службы они (что вполне естественно) проявляли некоторую склонность к гедонизму и отнюдь не отличались целомудрием. И очень редко случалось, чтобы Герольд вступил в связь, идущую дальше, чем узы братства или минутное увлечение — возможно, потому, что узы братства были чрезвычайно сильны; кроме того, связь Герольд — Спутник не оставляла места для каких-либо других долговременных привязанностей. Как правило, мало кто из простого люда или знати ставил им это в вину, зная, что, какому бы разгулу ни предавался Герольд на отдыхе, в момент, когда он надевает свою снежно-белую форму, он становится совершенно другим человеком, ибо Герольд в Белом — это Герольд при исполнении служебных обязанностей. А у Герольда, находящегося на службе, нет времени ни для чего, что к его обязанностям не относится, а уж тем более для флиртовых развлечений. И все же находились такие, кто придерживался другого мнения... В том числе среди весьма высокопоставленных лиц.

Закон, установленный первым королем Валдемара, гласил, что и сам государь также должен быть Герольдом. Такое правило служило порукой, что правитель Валдемара никогда не станет тираном вроде того, кто вынудил основателей королевства бежать из собственных домов.

Вторым по значению после государя являлся Герольд, известный как «Королевский Герольд». Избирал его особый Спутник, который, казалось, никогда не старел (хотя не был бессмертным) и всегда был жеребцом. Королевский Герольд занимал особое положение наперсника и наиболее доверенного друга и советника правителя. Таким образом государи Валдемара могли не сомневаться, что рядом всегда

будет хотя бы один человек, которому можно доверять и на которого можно положиться при любых обстоятельствах. Что, конечно, способствовало твердости и уверенности правителей — и, в конечном итоге, твердому и надежному управлению страной.

В течение многих поколений казалось, что король Валдемар предусмотрел все. Но даже самые лучшие планы могут расстроиться по вине случайности или из-за несчастного стечения обстоятельств.

В правление короля Сендара королевство Каре (граничившее с Валдемаром на юго-востоке) наняло племя воинов-кочевников, чтобы те напали на Валдемар. В последовавшей войне Сендар погиб, и трон заняла его дочь, Селенэй, лишь недавно закончившая обучение и ставшая Герольдом. Королевский Герольд, пожилой человек по имени Таламир, зачастую смущался и приходил в замешательство, оказавшись перед необходимостью давать советы столь юной, своевольной и очаровательной женщине. В результате Селенэй заключила неудачный брак, который едва не стоил ей и трона, и жизни.

От этого брака родился ребенок, Предполагаемый Наследник престола, — девочка, которую Селенэй назвала Элспет. Элспет подпала под влияние няни, которую муж Селенэй привез из своих краев, и превратилась в строптивое, избалованное Отродье. Стало очевидным, что если дела и дальше пойдут так же, девочка никогда не будет Избранным, а следовательно, никогда не сможет унаследовать трон. В таком случае перед Селенэй встанет выбор: снова выйти замуж (с сопутствующим новому браку риском) и попытаться произвести на свет еще одного, более удачного наследника или объявить наследником кого-то из уже Избранных, обладающего подходящим происхождением, либо же попытаться как-то спасти Предполагаемую Наследницу. Таламир предложил план, имевший, казалось, хорошие шансы на успех: отправить девочку на воспитание в отдаленную провинцию, прочь от влияния няни и двора, к людям, которые наверняка не потерпят с ее стороны никаких безобразий.

Потом Таламира убили, и все снова запуталось. Его Спутник, Ролан, Избрал нового Королевского Герольда — но вместо того, чтобы остановить свой выбор на взрослом человеке или даже на ком-то, уже имеющем ранг Герольда, он Избрал девочку-подростка по имени Тэлия.

Тэлия происходила из крепковеров — приграничной группы населения пуританского толка, которая всячески старалась отбить у своих членов охоту знать что-либо о жизни и законах тех, кто не принадлежит к их числу. Когда Спутник Герольда остановился возле нее, а затем унес ее прочь, Тэлия понятия не имела, что означает все происшедшее. Среди ее сородичей женщины считались низшими существами, а любая непокорность каралась — незамедлительно и сурово. А поскольку сама Тэлия плохо подходила для роли подчиненной, то ей постоянно внушалось, что все, что она говорит и делает, в лучшем случае не правильно, а в худшем — преступно. Она была плохо подготовлена к новому миру Герольдов и их Коллегии. Единственное, что она действительно умела хорошо, — это ладить с детьми и школить их, поскольку с девяти лет стала в родной Усадьбе наставницей младших.

Но Тэлия справилась: смогла обрести свою подлинную семью в лице Круга Герольдов и перевоспитать Королевское Отродье (так прозвали Элспет). Теперь ее ожидали полтора года полевой службы... и испытание, которое ей и не снилось.

Глава 1

Бац!

Учебный клинок Альбериха огрел Тэлию по плохо защищенному боку. Она не заметила, как готовился удар, ей-богу не заметила. Было больно, и Тэлия побилась бы об заклад, что несмотря на стеганую куртку, по большей части погасившую удар, на ребрах останется синяк. Что с того, что учебные мечи делались из дерева, — тем сильнее лупил учеников Альберих.

— Тьфу! — с отвращением сплюнул он и снова атаковал, прежде чем Тэлия успела оправиться от предыдущего удара. На сей раз преподаватель стукнул ее по руке, державшей нож, — точно по локтю. Тэлия охнула, рука онемела, и нож выпал из разжавшихся пальцев.

Альберих высказал ей все, что думал о ее действиях; его свирепые ястребиные глаза глядели на ученицу без всякого намека на жалость, а иссеченное шрамами лицо казалось демонической маской.

Альбериху было лет сорок пять, если не больше, но за те пять лет, что Тэлия его знала, ловкости и проворства у него не ubyло ни на йоту. Она едва переводила дух от усталости — учитель же выглядел так, словно совершал увеселительную прогулку. На потертой кожаной куртке (Альберих единственный из известных Тэлии Герольдов, находящихся на действительной службе, никогда не носил Белого) не проступило ни единого пятнышка пота. В ярком свете полуденного солнца учитель воинских искусств выглядел тонким и бестелесным, словно тень. И таким же неуловимым.

— Жаль, что Скиф тебя не видит. Наверняка бы умер со смеху! — рычал Альберих. — Тебе восемнадцать, а дерешься, как восьмилетний ребенок. Медлительна, неуклюжа и глупа! Фу! Будь я настоящим наемным убийцей...

— Я бы умерла от страха еще прежде, чем вы до меня дотронулись.

— Теперь она шуточки шутит! Здесь занятие по боевой подготовке, а не балаган! Если мне вздумается повеселиться, я найду шута. Еще раз — и теперь как следует.

Когда Тэлия уже падала от изнеможения, он оставил ее в покое и принялся за Элспет. Теперь, когда обе удостоились персонального обучения, Альберих перенес их занятия на другой час, свободный от прочих тренировок, дабы иметь возможность уделять Королевскому Герольду и Предполагаемой Наследнице Престола все свое внимание безраздельно. Тэлия и Элспет обычно упражнялись теперь не на учебной площадке под открытым небом, а в учебном зале. Зал представлял собой похожее на амбар строение с деревянным полом, посыпанным песком, зеркалами по стенам и высокими окнами-фонарями, чтобы пропускать как можно больше света. В непогоду занятия всегда проводились здесь, но для групповых упражнений и совместных тренировок студентов Коллегий Герольдов, Бардов и Целителей помещение было слишком тесным. Только «привилегированные», те, кто брал у Альбериха частные уроки, занимались в зале постоянно.

Теперь, когда Альберих оставил ее в покое, Тэлия смогла вернуться мыслями к поджидавшему ее нынче днем сюрпризу.

Она нетерпеливо дергалась и извивалась, пока не смогла просунуть голову в ворот тонкой туники из мягкой белой кожи. Натянув ее поверх белых же рубашки и кожаных штанов, Тэлия повернулась наконец, чтобы полюбоваться собой в полированное металлическое зеркало.

— Светлые Гавани! — со смехом сказала она, ничуть не удивленная. — Ну почему Серое никогда не смотрится так здорово?

— Потому что, — протяжно сказал из соседней комнаты резкий голос, — иначе вы, юнцы, думали бы о чем угодно, только не о занятиях!

Тэлия рассмеялась, снова повернулась к зеркалу и принялась охорашиваться. Сегодня была годовщина ее первого занятия в Коллегии Герольдов — факт, о котором она и не вспомнила, пока Керен и Шерил (обе — старшие Герольды, и обе, помимо того, что ее старинные подруги, еще и преподаватели Коллегии) не явились к ней в комнату с охапками белой одежды в руках и широкими улыбками на лицах.

Ибо Круг Герольдов решил — говорят, меньше чем за пять минут — проголосовал... и произвел Тэлию вместе с остальными ее однокурсниками в Герольды, — что не явилось неожиданностью ни для кого в Коллегии, хотя ученикам по традиции не полагалось знать о дне голосования до тех пор, пока оно не состоится и решение не будет принято.

Керен и Шерил потребовали предоставить им право первыми сообщить Талии добрую весть. Они даже не дали подруге опомниться, — просто возникли у нее в дверях, подхватили под руки и потащили по длинному, темному, отделанному деревянными панелями коридору спального отделения Коллегии вниз по лестнице на первый этаж и наконец через двустворчатые двери наружу.

В итоге она очутилась в кабинете сенешаля, которому полагалось подать заявку на новое жилое помещение. И вот теперь Тэлия стояла в спальне выбранных ею апартаментов и любовалась своим отражением в зеркале.

— Наконец-то я для разнообразия выгляжу действительно взрослой!

— Так и задумано! — весело расхохоталась Шерил.

Тэлия склонила голову набок, разглядывая отражающуюся в зеркале маленькую стройную фигурку. Непокорные рыжевато-каштановые кудри были, как всегда, взъерошены, но теперь каким-то образом создавалось впечатление, что они нарочно живописно взбиты. Прежнее простодушное выражение огромных темно-карих глаз сменилось едва ли не умудренным; сужающееся к подбородку лицо больше не выглядело детским. И все эти волшебные перемены принесла новая форма!

— Тэлия, если не поостережешься, то разбухнешь от самодовольства, как губчатая жаба в дождливую пору! — снова прервала Керен ход ее мыслей.

Тэлия вытянула шею, чтобы заглянуть за дверной косяк, и в поле ее зрения появилась преподавательница верховой езды — та сардонически усмехалась, растянувшись в соседней комнате на покрытой красными подушками кушетке с деревянной спинкой.

— Разве ты не знаешь, что гласит Книга Единого? — ханжеским голосом добавила Шерил через плечо своей подруги жизни. — «Великая гордыня принесет великое унижение».

Тэлия вышла из спальни. Керен и Шерил удобно расположились в ее не слишком обремененной мебелью гостиной, развалившись на единственной кушетке.

— Полагаю, вы обе станете утверждать, что ни минуточки не провели перед зеркалом, когда сами получили Белое, — язвительно сказала Тэлия, заложив руки за спину и, неторопливо направляясь к приятельницам.

— Кто? Я? — с наигранной невинностью отозвалась Шерил, грациозно поднимая руку и сбивая густые черные локоны на широко распахнутые карие глаза. — Чтобы я тешила свое тщеславие? Н-н-ну, может быть, самую чуточку.

— Так получилось, что я совершенно точно знаю, что ты провела за этим занятием полдня. Говорят, ты перепробовала все прически, в какие только могла скрутить свою черную гриву, выбирая, какая лучше подойдет к новому наряду, — сухо сообщила Керен, пробежав пальцами по собственным коротко стриженным, русым с проседью волосам.

Шерил только ухмыльнулась и, откинувшись на подушки, изящно скрестила ноги.

— Поскольку я не могу претендовать на такие же познания о том, что делала в такой же торжественный час ты, сей выпад едва ли можно назвать честным.

— Ну, норму любования собой перед зеркалом я выполнила, — признала Керен с шутливой неохотой. — Когда ты костлява, как борзая-однолетка, и плоска, как мальчишка, увидеть себя в наряде, который действительно тебя красит, — настоящее событие. Клянусь, я не знаю, как они добиваются такого эффекта, — покрой для всех одинаков и не так уж отличается от студенческого Серого...

— Но Боги, какая огромная разница! — закончила за нее Шерил. — Я не знаю никого, кто не смотрелся бы в Белом потрясающе. Даже Дирку удастся выглядеть презентабельно. Гнусно, но презентабельно.

— Ну, а обо мне что вы думаете? — спросила Тэлия, поворачиваясь на носках к ним лицом и лукаво улыбаясь Керен.

— Что думаю? Что ты выглядишь сказочно, юная чертовка. Но если будешь и дальше напрашиваться на комплименты, я, пожалуй, окуну тебя в конскую поилку. Насчет стажировки тебе что-нибудь сказали?

Тэлия покачала головой и снова сцепила руки за спиной.

— Нет. Сказали только, что Герольд, которому они хотят дать меня в пару, сейчас в поле, а кто он, не сообщили.

— Слишком многого хочешь. Им ни к чему, чтобы у тебя было время придумать, как произвести на него впечатление, — отозвалась Шерил. Внезапно ее глаза озорно блеснули. — О, но, кажется, есть один вариант, от которого Неррисса локти бы себе кусала!

— Кто? — спросила Тэлия, склонив голову набок.

— Через несколько недель должны вернуться Дирк и Крис, а последнего желторотика брал Дирк — ты-то должна это знать, поскольку им был Скиф — так что теперь черед Криса! Неррисса бы удавилась!

— Шери, речь идет всего лишь о назначении на стажировку.

— Полтора года объезжать Сектор, по большей части наедине с напарником, а ты говоришь, «всего лишь назначение»? Тэлия, у тебя, верно, ледяная вода вместо крови! Ты хоть знаешь, сколько часов Неррисса — да и половина всех женщин Круга, если уж на то пошло — провела на коленях, молясь о том, чтобы получить такое вот назначение? Ты уверена, что у тебя нет наклонностей вроде наших?

Тэлия со смешком наморщила нос.

— Совершенно уверена, дорогуши. Но так или иначе, на что Нессе сдался Крис? Большинство мужчин Круга и так гоняется за ней, высунув язык.

— Запретный плод сладок — по крайней мере, таково мое предположение, — заметила Керен, лениво полускрыв глаза. — Крис не давал обета целомудрия, но настолько скрытен, что о его интрижках ничего не узнаешь. Это доводит Нессу до умоисступления, а чем упорнее она его преследует, тем проворнее он удирает. Теперь она так же увлечена погоней, как и его мордашкой.

— Ну, она может бегать за ним, сколько влезет. На меня красивое лицо Криса не произвело никакого впечатления, — заявила Тэлия твердо.

— И роскошное тело?.. — воскликнула Шерил.

— И роскошное тело. По мне, так Несса может забирать все роскошные тела в Круге. Мужчины крепковеров — красивые особи, а я как-то обхожусь без них. Мой отец в молодости мог бы стать Крису серьезным соперником, а я вам рассказывала, каким мелочным деспотом он был. А мой покойный-но-не-оплакиваемый братец Юстас был даже красивее его, если вам нравятся блондины, а более мерзкой личности я в жизни не встречала. Я предпочитаю доброе сердце и неказистую наружность.

— Да, но Крис ведь Герольд, — заметила Шерил, постукивая по колену длинным пальцем, чтобы подчеркнуть свои слова. — Что гарантирует доброе сердце без непрямого условия неказистой внешности. В наших рядах нет смазливых улыбчивых ублюдков...

— Шери, все это только твои домыслы. Пока я не выясню, кто мой напарник по стажировке, я отказываюсь волноваться из-за пустяков, — твердо заявила Тэлия.

— Скучный ты человек.

— Я никогда и не утверждала, что веселый.

— Хм. У Дирка стажировается наш прохвост Скиф... — задумчиво сказала Керен. — Вы со Скифом одно время были неразлучны. В сущности, как я припоминаю, о вас с ним ходило несколько слухов. Тебя поэтому не интересует приятель Дирка?

— Возможно, — загадочно улыбнулась Тэлия. То, что их «роман» закончился совершенно безрезультатно, осталось их со Скифом тайной. Полоса невезения и несчастливых случайностей,

отравлявших их свидания, нисколько не отразилась на их дружбе — если не считать того, что им так и не удалось стать чем-то большим, чем просто друзьями. Однако странное дело: за вычетом краткого периода беспокойства, когда до нее дошла весть о том, что Скиф получил травму в первые же три месяца службы в поле, Тэлия вспоминала друга реже, чем его наставника. К ее собственному изумлению — и, насколько она могла судить, без всякой на то причины, будь то действительной или воображаемой, — стоило ей подумать о бывшем воришке и его стажировке, как мысли так и норовили перескочить на Дирка, что раздражало: в конце концов, Тэлия и видела-то наставника Скифа всего три раза в жизни и ни разу не провела в его обществе больше часа... в лучшем случае, двух. И все же некрасивое лицо и чудесные синие глаза Дирка упорно вторгались в ее мысли. Дурь какая-то!

Она тряхнула головой, чтобы прогнать наваждение. Времени и так мало, не хватает только тратить его на мечтания!

— Ну что ж, нынешняя маленькая перемена в твоём гардеробе должна удивить крошку Элспет, — сказала Шерил, меняя тему.

— Ох, Светлая Владычица... — Тэлия с маху села на одну из подушек; вся ее радость миглом испарилась. Ей даже почудилось на мгновение, что яркий солнечный свет, льющийся в окна, померк. — Бедная Элспет...

— Что-то случилось? — спросила Керен, приподняв бровь.

— Да нет, все как обычно.

— А что обычно? Ты же знаешь, я не возвращаюсь при дворе.

— Сплетни и стоящие за ними интриги. Ей почти четырнадцать, а она все еще не Избрана; при дворе шепчутся, что в глубине души она по-прежнему Отродье, и ее не Изберут никогда. Не проходит ни одного заседания Совета, чтобы один, а то и несколько советников не попытались заставить Селенэй назвать имя наследника — «временного», как они выражаются...

— Кто, — встревоженно спросила Шерил, садясь и выпрямляясь, — кто мутит воду?

— Ты же знаешь, что я не могу тебе сказать! В любом случае, дело не в конкретных советниках — так настроено больше половины всего двора. Элспет почти ничего не говорит, но такое положение ее очень угнетает, бедняжку. И время выбрано — хуже не придумаешь. Девчонка и так достаточно издергана обычными подростковыми заморочками, а тут еще эти дрязги регулярно доводят ее чуть ли не до слез. Когда она не рыдает у меня на плече, я обычно нахожу ее возле Спутникова Поля — она проводит там каждую свободную минуту, словно в засаде...

— В надежде, что в любую минуту ее могут Избрать. Боги, неудивительно, что, как я ее ни увижу, у нее всегда унылое лицо. А что говорит Ролан?

— Будь я проклята, если знаю! — Тэлия одарила Керен сердитым взглядом. — Тебе же известно, что он не может говорить со мной — во всяком случае, словами.

— Извини, — поморщилась Керен. — Все время забываю.

— Он обеспокоен, но его тревога с тем же успехом может быть вызвана кознями и интригами при дворе. На данный момент основными кандидатами являются Джери, Кемок и ваш ненаглядный Крис.

— Чудесные сами по себе люди, — заметила Керен, — но на ветвях их родословных древ расселись кое-какие не столь чудесные родственники. Казалось бы, с дядюшки Криса, лорда Орталлена, хватило бы и поста главного королевского советника, и ему незачем так рваться стать дядей наследника престола...

— Этому сколько власти ни дай, все будет мало, — желчно отрезала Тэлия.

Керен отреагировала на ее вспышку поднятием брови и продолжала:

— Кемоково стадо ленивых кузенов заполонило бы двор в погоне за синекурами — а Кемок такой мягкий малый, что постарался бы все им устроить. А Джери... Владычица Пресветлая! Ох уж у нее и мамаша!

— Джери и леди Индра каждый день устраивали бы рукопашные, споря, как Джери должна

голосовать в Совете. Хоть бы муж посадил ее под замок. Или купил ей кляп.

— Аминь. Жаль, что у каждого из претендентов есть свое приданое. В моем представлении ситуацию веселой не назовешь. А бедный котенок угодил в самую гущу.

Тэлия вздохнула, соглашаясь.

— Кстати о невеселой ситуации. Я, пожалуй, лучше поползу. Альберих совершенно недвусмысленно дал мне понять, что новый статус не освобождает меня от индивидуальных занятий. У меня такое тягостное чувство, что он намерен сбить с меня чересчур возросшую спесь до достуденческого уровня, причем, вероятно, посредством ударов клинком плашмя.

— А посмотреть можно? — ехидно спросила Керен.

— Смотрите на здоровье. Элспет всегда присутствует при экзекуции, а ничто так не вредит самомнению, как сознание того, что ты в чем-то уступаешь тринадцатилетней девчонке. Что ж, зато это должно хоть чуть-чуть улучшать ее мнение о себе. Ох, как жалко, что такому чудному новому наряду придется промокнуть сипота, да еще и вывозиться в грязи...

Пока они спускались по винтовой лестнице, где царила темнота и прохлада — Керен и Шерил шли впереди, непринужденно держась за руки, — Тэлия размышляла о том, что, сведя их вместе, она, возможно, совершила лучший поступок в своей жизни. Связавшие ее подруг узы были ничуть не слабее тех, что связывали когда-то Керен и Ильзу — и, будь Ильза жива, они могли бы образовать один из сравнительно редко встречающихся постоянных тройственных союзов. Не приходилось сомневаться, что они очень подходили друг другу. Бедная Ильза...

Выбранное Тэлией жилище находилось на самом верху башни в конце Крыла Герольдов. Расположенные в четырех башнях Крыла апартаменты обычно пустовали — быть может, потому, что не отличались удобством. Подъем и спуск по темной каменной лестнице отнимали немало времени, но Тэлия считала, что вид из окна и уединение того стоят.

Однако утомительный подъем неминуемо должен был вызвать жалобы со стороны ее друзей — и Керен высказала первую из многих.

— Вот что я тебе скажу, мой прелестный юный Герольд, — ворчливо заметила она, когда они наконец достигли подножия лестницы. — Регулярно навещая тебя, твои друзья смогут поддерживать хорошую физическую форму. Но вот почему ты пожелала гнездиться вместе с птицами — выше моего разума!

— Вы действительно хотите знать, почему я выбрала именно это жилье? — с усмешкой спросила Тэлия.

— Ну-ну?

— Умоляю вас, вспомните, будьте любезны, каков мой Дар: я эмпатка, а не мастер мысленной речи. А кто-нибудь из вас помнит, кто был моей соседкой?

— М-м... Дестрия, верно? — ответила Шерил, подумав. — Она оказалась хорошим полевым Герольдом, несмотря на свою...

— Блудливость, — подсказала Керен с тенью усмешки. — Ох уж и девка! Серое, Белое — все равно, лишь бы в штанах! Гавани, как только она находила время для учебы?

— Значит, вам обоим известно ее обыкновение «развлекаться» необычайно часто и с огромным... э... энтузиазмом. То, от чего мне удавалось заблокироваться, я попросту слышала. С одной стороны ее ночные похождения, с другой шашни Ролана, — я получила очень широкое образование, позвольте вас заверить! Тогда-то я и поклялась, что уединение для меня дороже любых удобств. Я не желаю больше никогда в жизни подслушивать, как развлекаются другие, и уж всяко не хочу, чтобы кто-нибудь подслушивал, как развлекаюсь я!

— Тэлия, ты врешь, как сивый мерин, — прыснула Шерил. — Тебе-то чего бояться чужих ушей? По сравнению с нами, остальными, ты просто-напросто храмовая девственница!

— Ничего подобного, я говорю чистую правду. Ну, тут мы расстаемся. Пожелайте мне удачи — она мне понадобится!

Жаль, что они так и не пожелали ей удачи — может, тогда она получила бы несколькими синяками меньше. Расхаживая взад-вперед, чтобы остывать постепенно, Тэлия обмахивалась полотенцем и с искренним удовольствием наблюдала за Элспет. Смотреть на девочку было одно наслаждение: она вела учебный бой с грацией и ловкостью танцовщицы; казалось, все дается ей легко, без усилий. Элспет превосходила успехами даже Джери, когда та была в ее возрасте, хотя, с другой стороны, ее четыре года безжалостно натаскивал Альберих, а у Джери были всего лишь самые лучшие и дорогие учителя боевых искусств. Мастерство же Альбериха нельзя было купить ни за какие деньги.

Элспет с небрежным изяществом выполнила все заданные упражнения. Затем, в конце учебной схватки, неожиданно провела атаку с кувырком и подкатом, которой Альберих тщетно пытался обучить Тэлию, — совсем не тот прием, которому мастер обучал ее. И нанесла укол.

Пораженный Альберих мгновение глядел на ученицу в немом изумлении, а Тэлия и Элспет, затаив дыхание, ждали громового разноса, который, несомненно, должен был последовать за таким самоуправством.

— Хорошо! — вымолвил он наконец, и у Элспет от удивления отвисла челюсть. — Очень хорошо! — Потом, чтобы она не вздумала чересчур возгордиться от похвалы, добавил:

— Но в следующий раз должно быть лучше.

Несмотря на этот неожиданный триумф, когда после окончания занятия Тэлия принесла Элспет влажное полотенце, она обнаружила, что девочка расстроена и подавлена.

— В чем дело, котенок? — спросила она, думая про себя, как похожа Элспет на мать, несмотря на темные волосы и глаза (Селенэй была синеглазой блондинкой). Сейчас на лице Наследницы лежала такая же тень, какая появлялась на лице королевы, когда ту что-то тревожило. Тэлия и так знала ответ, но девочке будет полезно выговориться еще раз.

— Я все делаю не правильно, — несчастным голосом ответила Элспет, — мне никогда не сравниться с тобой, сколько бы я ни старалась.

— Не может быть, что ты говоришь серьезно...

— Нет, правда! Посмотри на себя! Ты полжизни провела на хуторе где-то в глуши, а теперь тебя не отличишь от тех Герольдов, что родились в роскоши. Ты всегда получала хорошие оценки на занятиях, а я ни с одним из предметов не справляюсь. И мне не удастся даже заслужить Избрания...

— Подозреваю, что больше всего тебя гложет именно последнее.

Элспет кивнула, уныло опустив углы рта.

— Котенок, мы с тобой два разных человека с совершенно разными возможностями и интересами. За все пять лет, что я провела здесь, мне ни разу не удалось заслужить у Альбериха оценки «хорошо», не говоря уж об «очень хорошо»! А когда я танцую, я настолько скована, что говорят, что танцевать со мной — все равно что со шваброй.

— О, зато я чудо координации. Виват! Могу прикончить любого, кто ходит на двух ногах. Потрясающее качество для Наследницы престола.

— Котенок, у тебя есть все нужные для Наследницы качества. Слушай, доживи я хоть до двухсот лет, мне никогда не понять политики. Подумай-ка минутку. На прошлом заседании Совета я чувствовала, что лорд Кариадок раздражен, но именно ты не только поняла, почему и кем, но и смогла умаслить старого ворчуна прежде, чем он начал склоку. А твои учителя уверяют меня, что хотя ты, может, и не лучшая в классе, но никому и в голову не придет назвать тебя худшей. Что же до Избрания, котенок, тринадцать — всего лишь средний возраст для него. Вспомни Джедуса: его Избрали в шестнадцать, и он к тому времени уже три года проучился в Коллегии Бардов! Или, во имя Владычицы, вспомни Терена, Избранного будучи уже взрослым человеком с двумя детьми! Послушай, дело, вероятно, только в том, что твой Спутник еще недостаточно взрослый, а ты отлично знаешь, что они не Избирают до десяти лет, а то и дольше.

Похоже, настроение у Элспет понемногу улучшалось.

— Ну же, милая, развеселись и пойдем проведем Ролана. Если благодаря прогулке на нем день покажется тебе более солнечным, я уверена, что он не откажет.

Вытянутое лицо Элспет заметно просветлело. Верховую езду она любила не меньше, чем танцы и фехтование. Спутники редко соглашались нести на себе кого-либо, кроме своих Избранников, но Ролан в прошлом делал исключение для Элспет, и она явно причисляла такие случаи к лучшим моментам своей жизни. Конечно, это не то же самое, что иметь собственного Спутника, но хоть немного похоже. Элспет и Тэлия вышли из учебного зала и вместе направились к обнесенному изгородью лесистому участку, где жили состоящие при Коллегии Спутники (и уже имеющие напарников-людей, и еще не Избравшие, и жеребята) и где находилась также Роща, место, откуда Спутники впервые появились сотни лет назад.

Хотя Тэлия изо всех сил старалась не подать виду, она была сильно обеспокоена. Сложившееся положение не могло сохраняться долго. Статус Элспет висел на волоске; напряжение сказывалось и на королеве, и на девочке, и на всем Круге Герольдов.

Но Тэлия не лучше других знала, как решить проблему.

Вздрогнув, Тэлия проснулась и на мгновение растерялась от странного ощущения и раздававшихся в комнате звуков. Было темно, хоть глаз выколи, над головой что-то дребезжало...

Потом она вспомнила, где находится, и сообразила, что дребезжит оконный ставень прямо над изголовьем кровати. Тэлия забыла закрыть его на шпингалет, и теперь он раскачивался на ветру, который, должно быть, поднялся ночью.

Тэлия перевернулась и встала коленями на подушку, вглядываясь в темень за окном. Она по-прежнему мало что различала снаружи — только черные горбы листвы на чуть более светлом фоне травы вокруг деревьев. Месяц был на ущербе, в домах не горело ни огонька, а несущиеся по небу облака закрывали звезды и гасили лунный свет. В ветре, однако, чувствовался запах утра — видимо, близился рассвет.

Ветер накинудся на высунувшуюся из окна Тэлию; она задрожала от холода и уже собиралась нырнуть обратно под теплые одеяла, как вдруг заметила внизу какое-то движение.

Человек... небольшого роста... казавшийся всего лишь неясным силуэтом, шел по ту сторону забора, окружавшего Спутниково Поле.

Тэлия разглядела его только благодаря тому, что на неизвестном было надето что-то светлое. И с внезапной уверенностью поняла, что фигурка внизу — Элспет.

Тэлия выскользнула из постели, ежась от прикосновения босыми ногами к холодному деревянному полу, и, в спешке не став зажигать свечу, ощупь стала одеваться. Мысли металась, насканивая друг на друга. Девочка что, ходит во сне? Или заболела? Но когда Тэлия, не рассуждая, с помощью Дара осторожно потянулась к сознанию своей подопечной, то не обнаружила в нем ни сна, ни смятения — только острое и настойчивое ощущение некоей цели.

Следовало бы встревожиться — понимала Тэлия каким-то далеким, неясным уголком сознания. Однако стоило ей установить контакт с Элспет посредством Дара эмпатии, как ощущение спокойной целеустремленности и воли передалось и ей, и она не могла послушаться его веления точно так же, как не могла бы вылететь, словно птица, из окна башни.

Словно во сне, спотыкаясь на каждом шагу, Тэлия вышла в среднюю комнату, ощупью добралась до двери и стала впотьмах осторожно спускаться по винтовой лестнице, ведя одной рукой по холодной глади металлических перил, а другой — по шероховатому камню стены. Ее трясло так, что стучали зубы; вязкая тьма вокруг грозила подорвать ее решимость.

Однако у подножия лестницы мелькнул огонек: там горела прикрепленная к стене лампа. Тусклый желтый свет заливал лестничную площадку. А коридор, отделанный деревянными панелями, оказался так хорошо освещен светильниками, что Тэлия смогла смело пуститься бегом к ближайшей двери, выходящей на улицу.

Ветер налетел на нее с такой силой, что у Тэлии перехватило дыхание. Дверь чуть не вырвало из рук, и

мгновение пришлось, досадуя на непредвиденную задержку, сражаться с ней, чтобы затворить за собой. Тэлия поняла, что врывавшиеся в ее окно порывы ветра давали лишь слабое представление о его действительной силе: ее комнату в значительной степени заслоняло от ярости стихий здание дворца.

Тэлия находилась сейчас на внешнем углу Крыла Герольдов, имевшего форму буквы Г; совсем рядом чернели конюшни Спутников. Элспет нигде не было видно.

Теперь, почувствовав себя увереннее, чем в еще плохо знакомом крыле дворца, Тэлия побежала бы, если б смогла, но ветер не пускал. Одежда, хлопая, облепила тело, ветер швырял навстречу какие-то непонятные обломки, летевшие с убийственной силой арбалетных стрел. Вой в ушах заглушал все звуки; Тэлия знала, что, закричи она, никто не услышит. Вот теперь она почувствовала смутную тревогу: при таком сильном ветре, впотьмах Элспет легко могла оступиться и упасть в реку...

Она послала Ролану мысленный призыв о помощи — и не смогла до него дозваться...

Вернее, смогла, но Спутник не обратил на нее никакого внимания: он был всецело сосредоточен на... Тэлия не смогла определить на чем, но его таинственное занятие, видимо, требовало от Ролана полной концентрации, ибо он оказался настолько поглощен происходящим, что отгородился от всех и вся.

Значит, нужно действовать самой. Тэлия с трудом обогнула конюшни и вышла к мосту, ведущему через реку к основной части Спутникова Поля. С чувством невероятного облегчения она увидела впереди неясное пятно — Элспет, уже перешедшую через мост и неуклоннодвигающуюся по направлению к...

Только к одному месту она могла направляться — к Роще.

Тэлия, сколько могла, ускорила шаги, сильно наклоняясь вперед, навстречу ветру, но девочка значительно обогнала ее, и к тому времени, когда Тэлия перешла мост, она уже вступила в Рощу.

Вокруг нее сомкнулась листва, и бледное пятно пропало из виду, а Тэлия, спотыкаясь, все шла по неровному полю. Не раз она падала и обдирала руки и колени о скрытые в траве камни. Высокая трава хлестала по голенищам сапог, на каждом шагу опутывала ноги. Тэлия находилась еще на полпути к Роще, когда, упав в очередной раз, подняла голову и увидела, что та — о боги! — слабо светится изнутри.

Тэлия потрясла головой и заморгала, уверенная, что это какой-то обман зрения. Свечение осталось; оно не намного превосходило яркостью то, что дают в темноте гнилушки, но вне всякого сомнения было.

Тэлия начала подниматься, как вдруг весь мир, казалось, накренился так, что внутри у нее что-то оборвалось, и она полностью утратила ориентировку в пространстве. Почти не чувствуя боли в ободренных ладонях, Тэлия вцепилась руками в траву, словно единственную реальность в ставшем внезапно нереальным мире. Казалось, вокруг нее все кружится — так Тэлия чувствовала себя в тот единственный раз, когда теряла сознание; ее поглотила тьма и ветер, смерчем крутящийся вокруг нее и Рощи. Одно тошнотворное мгновение — или вечность — все представлялось ей ирреальным.

Потом мир встал на место, и с почти слышимым щелчком все снова пришло в норму: полностью стих ветер, вернулись звуки, исчезла дезориентация — все за какую-то долю секунды.

Тэлия открыла глаза, только сейчас заметив, что сидела, стиснув зубы и зажмурившись так крепко, что заболели веки. Меньше чем в пяти шагах от нее стояла Элспет, опираясь на холки двух высявшихся по бокам Спутников Тем, что слева, оказался Ролан, и Тэлия вновь ощутила его присутствие в своем сознании: он устал, очень устал, однако был чрезвычайно чем-то доволен.

Тэлия, шатаясь, поднялась на ноги; небо чуть освещал заходящий месяц, и в его сереньком свете ей удалось разглядеть лицо Элспет. Девочка выглядела ошеломленной, и — если контраст между темной копной ее волос и бледностью кожи что-нибудь значил — вымоталась так, что была белей бумаги.

Тэлия, спотыкаясь, прошла разделявшие их несколько шагов, сгребла Элспет за плечи и встряхнула: Наследница, похоже, до сих пор не замечала ее присутствия.

— Элспет... — с трудом выдавила Тэлия, трясась от слабости.

— Тэлия? — Элспет моргнула, а затем повергла наставницу в полное ошеломление, внезапно, по-видимому, полностью очнувшись и с улыбкой обняв ее за плечи. — Тэлия... Я... — Она радостно, почти истерически рассмеялась, и на одно короткое мгновение Тэлия испугалась, что девочка потеряла рассудок.

Потом Элспет отпустила подругу и обеими руками обхватила за шею Спутника, стоявшего справа от нее.

— Тэлия, Тэлия, свершилось! Гвена Избрала меня! Она позвала меня, когда я спала, и я пришла, и она Избрала меня!

Гвена!

Тэлия знала каждого Спутника в Коллегии, поскольку проводила с ними почти столько же времени, сколько и Керен, и много раз помогала принимать роды. Спутника с таким именем среди них не было.

Что могло означать только одно: Гвена, как и Ролан — и в отличие от всех остальных ныне живущих Спутников, — Рощерожденная. Но почему? В течение многих столетий лишь Спутники Королевских Герольдов появлялись из Роши, подобно Спутникам былых времен.

Тэлия начала что-то говорить — и тут внезапно ощутила, как Ролан вторгся в ее сознание, завладел им... почувствовала его мягкое сожаление...

Тэлия тряхнула головой, изумленная чувством, будто что-то исчезло из ее памяти, потом отогнала непрошеное ощущение. Элспет Избрана — вот что главное. Теперь Тэлия смутно припоминала Избравшую девочку кобылу: Гвена всегда была одной из самых пугливых кобыл-Спутников и старалась держаться вдали от посетителей. Теперь, похоже, вся ее робость прошла, и она с гордостью собственницы тыкалась носом в волосы Элспет. Ролан, поддерживавший Элспет слева, вышел вперед — как раз вовремя, чтобы подставить Тэлии плечо для опоры: у той наступила реакция — начали подгибаться колени. Она почувствовала, что выжата, словно после трехчасовой тренировки у Альбериха. Вокруг со всех сторон заводи́ли утренние трели птицы, небо на востоке окрасилось полоской зари, словно меж облаков прордну́ли яркие праздничные ленты.

— Ах, котенок! — Тэлия выпустила гриву Ролана, за которую держалась, и обняла Элспет, чуть не плача от радости.

Ни одной из них даже не пришло в голову удивиться, почему никого больше не поднял с постели повелительный зов, на который откликнулись они обе — и почему никто, кроме них, не заметил абсолютно ничего необычного.

Тэлии удалось уговорить Элспет — не вернуться в постель, что было совершенно невозможно, а устроиться вместе с Гвенной в маленькой укромной лощине, набросив на плечи позаимствованное из конюшни одеяло. Тэлия надеялась, что, когда возбуждение спадет, девочка снова задремлет: видят боги, она будет в полной безопасности на Поле, да еще с собственным Спутником, стоящим рядом на страже. Тэлии очень хотелось вздремнуть самой, но слишком уж о многом требовалось позаботиться.

Первым — и самым главным — делом было известить королеву. Даже в такой ранний час Селенэй, наверно, уже встала и работает; вероятно, у нее сейчас находится кто-то из членов Совета, а может, и не один. Следовательно, придется делать официальное сообщение, а не то, чего Тэлии действительно хотелось, а именно — ворваться в покои Селенэй, распевая во все горло от счастья.

Как бы ни обрадовалась Селенэй, такой образ действий привел бы только к тому, что у советников сложилось бы весьма невысокое мнение о зрелости и выдержке Королевского Герольда.

Посему Тэлия, овеваемая нежным рассветным ветерком, окруженная хором птичьих голосов, чей щебет казался лишь далеким и слабым отголоском поющей в ее сердце радости, снова поплелась, спотыкаясь, к себе наверх — переодеваться. И на сей раз оделась так тщательно и опрятно, как только могла, внутренне ежась при виде травяных пятен, оставшихся на коленках только что скинутых штанов. А потом двинулась — именно двинулась, чинно и степенно — через еще спящее крыло Герольдов к так называемому «новому дворцовому крылу, где располагались покои королевы и помещения придворных.

Как обычно, у дверей королевских покоев стояли два облаченных в синее Стража. Тэлия кивнула им — смуглому Иону справа, сухопарому Фессу слева: она хорошо знала обоих, и ей страшно хотелось шепнуть им на ушко новость, но так не годилось. Это было бы недостаточно торжественно и полностью

противоречило бы этикету.

Как Королевский Герольд, Тэлия имела право входить в покои королевы в любое время дня и ночи, так что ее быстро пропустили за тяжелые двери из золотого дуба. Как она и ожидала, Селенэй, уже одетая по-дневному, в официальное Белое, находилась в своей обитой темным деревом приемной и была погружена в работу: массивный письменный стол перед ней ломился от бумаг, по бокам стояли лорд Орталлен и сенешаль. Когда вошла Тэлия, королева удивленно подняла голову; ее синие глаза даже в столь ранний утренний час смотрели устало. Что бы ни привело к ней чуть свет двух членов Совета, не похоже, чтобы причина была приятной...

Быть может, принесенная Тэлией новость изменит общее настроение.

Тэлия намеревалась Селенэй на серьезность события тем, что еще при входе отвесила официальный полупоклон, а на то, что известие доброе — веселым подмигиванием, рассчитанным на то, чтобы его заметила одна королева. Этикет требовал сделать точно пять шагов по темно-синему ковру; отсчитав их, Тэлия очутилась как раз на удобном для разговора расстоянии от письменного стола. Затем она опустилась на одно колено, стараясь не скривиться, когда покрывавшие его синяки и ссадины коснулись паркета. Селенэй, отведя за ухо прядь золотистых волос и выпрямившись, кивнула в знак того, что Тэлия может говорить.

— Ваше величество, я пришла ходатайствовать о даровании ученику права поступления в Коллегию, — торжественно сказала Тэлия, сложив руки на колене, в то время как глаза ее смеялись над нелепостью всех этих церемоний.

Теперь она привлекла внимание не только Селенэй, но и обоих советников. Только высокородные ученики нуждались в ходатайстве перед короной, поскольку превращение в Герольда зачастую означало отказ от титулов и владений — имеющих или долженствующих перейти по наследству.

Тэлия видела замешательство в глазах советников — и зарождающуюся надежду в глазах Селенэй.

— Какой Спутник Избрал, и каково имя и звание кандидата? — так же официально спросила Селенэй, стиснув стоящий перед ней кубок с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

— Избрала Спутник Гвена, — Тэлия едва удержалась, чтобы не пропеть следующие слова, — а ее Избранница — Предполагаемая, а отныне Законная Наследница, леди Элспет. Могу ли я получить соизволение королевы на то, чтобы включить ученицу в списки Коллегии?

Через час двор и Коллегия гудели от пересудов, а Тэлия с головой ушла в дела, связанные с переводом Элспет из-под материнской опеки на попечение Коллегии. Элспет пребывала в блаженном неведении относительно всей суматохи — что было только справедливо. Первые несколько часов являлись решающими для формирования связи Герольд — Спутник, и в это время их следовало беспокоить как можно меньше. Поэтому задача сделать так, чтобы к тому моменту, когда Элспет наконец выйдет, как во сне, из ворот Спутникова Поля, все — от выбора новой комнаты до перевозки ее вещей — было уже сделано, ложилась на Тэлию.

А когда день стал клониться к вечеру, Тэлию осенило, что ей надлежит сегодня обедать не в Коллегии, а при дворе. Королева могла за обедом объявить об Избрании Наследницы престола.

Закончив составлять с деканом Элкартом расписание занятий Элспет, Тэлия кинулась к своей башне и вверх по лестнице так быстро, как только позволяли ободренные коленки. Наскоро ополоснувшись, она принялась рыться в деревянном платяном шкафу, стучась головой о полки и чертыхаясь. Наконец, выбрав то, что, как она надеялась, подходило к случаю, она торопливо облачилась в один из найденных бархатных нарядов. Одной рукой расчесывая волосы и одновременно нетерпеливо подскакивая в попытках всунуть ноги в мягкие туфли, полагавшиеся к парадному туалету, Тэлия свободной рукой выхватила из лежавшей на пыльном письменном столе стопки нужную книгу об этикете. Изгибаясь, чтобы как следует одернуть тунику, и приглаживая волосы уже обеими руками, перечитала описание краткой церемонии коронации наследника. Затем, бросив быстрый взгляд на свое отражение в зеркале, Тэлия отправилась в Большую Залу.

Она торопливо юркнула в свое обычно пустовавшее кресло между Элспет и королевой и шепнула:

— Ну что?

— Она собирается начать, как только все соберутся, — выдохнула Элспет в ответ. — По-моему, я умру...

— Не умрешь, — заговорщическим тоном ответствовала Тэлия, — ты сотни раз проделывала такие вещи. Вот я могу теперь умереть спокойно!

Теперь, когда рядом сидела Тэлия, готовая разделить с ней испытание, Элспет стала заметно успокаиваться.

С тех пор как Тэлия появилась в Коллегии, она обедала при дворе всего несколько раз, и Большая Зала не переставала восхищать ее. Это было самое большое помещение дворца. Высокий сводчатый потолок поддерживали кажущиеся хрупкими колонны из железного дуба, золотисто мерцающие в лучах солнца, льющих из окон, и в свете светильников и канделябров. Со стропил свисали боевые знамена и геральдические вымпелы, явно восходившие к временам основания королевства. Место Тэлии находилось за столом, установленном на возвышении, под прямым углом ко всем остальным столам в Зале. Сквозь высокие узкие окна в западной стене еще струился вечерний свет, но те, что выходили на восток, уже начинали темнеть, возвещая наступление сумерек. Столы внизу с сидящими вдоль них придворными выглядели пестро и красочно, словно клумбы, засаженные полевыми цветами; праздничные наряды очень красиво смотрелись на фоне панелей и столов из золотистого железного дуба.

Когда Большая Зала заполнилась, распорядители призвали присутствующих к тишине, и королева поднялась со своего места. Стоило ей заговорить, как тишина воцарилась такая, что слышно было, как муха пролетит. Глаза всех в Зале устремились на гордую, облаченную в Белое фигуру с узким обручем червонного золота (единственном знаке королевского сана, который Селенэй обычно носила) на волосах цвета золотых осенних листьев.

— С тех пор, как умер мой отец, у нас не было наследника престола. Я понимаю и сочувствую тем из вас, кто находил такое положение тревожным и пугающим. Возрадуйтесь же, ибо вся неопределенность теперь в прошлом. Сегодня дочь моя Элспет была Избрана Спутником Гвенной, что делает ее полностью правомочным кандидатом на звание Наследницы Престола. Встань, дочь моя.

Поднялись двое, Элспет и Тэлия: Элспет — чтобы встать перед матерью, Тэлия — чтобы взять из рук распорядителя серебряный венец Наследницы. Вручив его королеве, она отступила на обычное место Королевского Герольда — позади Селенэй и чуть правее. Тэлия с удовольствием отметила, что, хотя руки Элспет дрожали, голос ее, когда она повторяла слова присяги, звучал сильно и чисто. Элспет встретила с ней глазами и не отпускала взгляд Тэлии, цепляясь за него, словно за спасительный якорь.

Несмотря на то что Элспет всю жизнь готовилась к этой минуте, она чувствовала себя полумертвой от страха. Она видела ободряющее выражение лица Тэлии, и присутствие Королевского Герольда утешало ее и вселяло мужество. На один полный ужаса миг она на середине клятвы вдруг забыла, что только что, секунду назад, сказала ее мать, и ощутила прилив благодарности, увидев, как Тэлия беззвучно шевелит губами, и поняв, что та подсказывает ей слова.

Дело было не только в том, что рядом находился верный друг: Избрание обострило и усилило телепатические способности Элспет, и она смутно ощущала присутствие Тэлии, как что-то прочное, надежное, подобное глубоко вросшему в почву дереву. Даже в самую жестокую бурю она всегда сможет укрыться под его ветвями. Повторяя последние слова присяги, Элспет вдруг поняла, как жизненно необходимо, наверно, такое прибежище для правителей — ведь они неизбежно должны противостоять бурям, и чаще всего в одиночку. Не менее важным оказалось и отчетливое, хоть и слабое ощущение, что Тэлия любит ее ради ее самой, любит как друга. Оно само по себе давало поддержку. Когда Элспет произнесла последние слова и мать возложила ей на голову серебряный венец, девочка улыбнулась Тэлии, попытавшись вложить в улыбку всю свою благодарность.

Когда королева возложила венец на волосы дочери, по Зале прокатились стихийные радостные

клики, необычайно порадовавшие Тэлию. Быть может, теперь наконец Отродье будет позабыто.

Но, когда они снова уселись на свои места и слуги начали разносить кушанья, редкостные яства королевского стола внезапно утратили для Тэлии всякую соблазнительность: до нее дошло, что ей предстоит выдержать еще одну церемонию, причем такую, о которой она не знает ровным счетом ничего. Как только удастся собрать вместе всех вельмож королевства, должна состояться торжественная церемония принесения вассальной клятвы, в которой Королевскому Герольду отводится важная роль. Тэлия, как слепая, потянулась за кубком, чтобы смочить пересохшее от страха горло.

Потом она решительно взяла себя в руки:

Кирил и Элкарт, как Герольд сенешаля и декан Коллегии, наверняка должны знать все, что нужно, — и так же несомненно должны понимать, что Тэлии не известно ничего. Бояться нечего. Пока, по крайней мере.

Обед продвигался, казалось, тягостно медленно. Это был первый Большой Пир в жизни Тэлии — и она нашла его невероятно скучным. Она вздохнула, и ее вздох услышала королева.

— Надоело? — шепнула она краешком рта.

— О нет! — с принужденной улыбкой отозвалась Тэлия.

— Вруша! — сказала королева, подмигнув. — Такое не надоеет только придурку. Сидишь и сидишь, улыбаешься и улыбаешься, пока не затекут и лицо, и задница. После чего сидишь и улыбаешься еще некоторое время.

— Как же вы такое выносите изо дня в день? — спросила Тэлия, борясь со смехом.

— Отец научил меня одной игре; теперь в нее играем мы с Элспет. Что у нас сегодня, котенок?

— Снова животные, — ответила Элспет, пока ее мать кивала пожилому герцогу в ответ на какое-то ворчливое замечание. — Нужно решить, на какое животное больше всего похож тот или иной придворный. Иногда — на какой цветок, дерево, камень, фрагмент местности... даже погоду. Сегодня — звери, и вот он — барсук.

— Ну, если он барсук, то его супруга — цепная собака. Погляди, как она ощеривается всякий раз, как он улыбается вон той хорошенькой служаночке, — сказала Тэлия.

— О, я бы в жизни не додумалась! — воскликнула Элспет. — Из тебя выйдет отличный игрок!

Им все же удалось сохранить серьезность на лицах, но это стоило превеликого труда.

На следующий день перед заседанием Совета, которое проводилось трижды в неделю, Тэлия разыскала Кирила и узнала, что у нее есть три недели на подготовку к официальному возведению Элспет в сан Наследницы. Он и Элкарт клятвенно пообещали натаскивать Тэлию каждый день, обучая всему, что ей нужно знать — от этикета до политики.

Само по себе заседание Совета тоже явилось немалым испытанием. Их с Элспет места находились на дальнем конце имеющего форму подковы стола Совета, почти напротив Селенэй и пустующего места возле нее. Пустующее кресло предназначалось для Королевского Герольда, но по закону Тэлия не могла занять его до тех пор, пока не окончит стажировку. Им с Элспет позволялось высказываться на Совете, но в голосованиях они не участвовали. Сама Элспет тоже не получит права голоса до окончания своей стажировки. Обычно члены Совета игнорировали их, поскольку они не голосовали при принятии решений. Обычно, но не сегодня.

Сегодня они расспрашивали обеих, Тэлию и Элспет, с плохо скрытым, почти жадным интересом. Как скоро Тэлия рассчитывает отправиться в поле, можно ли сократить срок стажировки до года? Или, учитывая важность ее поста и недостаток опыта, не следует ли продлить стажировку сверх обычных полутора лет? Можно ли ускорить обучение Элспет? Что еще, помимо обычной программы Коллегии, надлежит ей изучать? Чувствует ли она себя готовой к своему новому положению Наследницы престола? И так далее, и тому подобное...

Со стороны большинства советников Тэлия ощущала только самое благонамеренное (хоть и раздражающее) рвение, желание помочь «детям» (и она уже не в первый раз прокляла свое хрупкое

телосложение, из-за которого выглядела подростком). Но вот остальные...

Лорд Орталлен, один из ближайших советников Селенэй (как прежде ее отца), смотрел на них с Элспет взглядом прохладным, чтобы не сказать холодным. И Тэлия чувствовала себя первым обнаруженным экземпляром какого-то редкого жука, пришпиленным к столу препаратора. Она не воспринимала от Орталлена совершенно никаких эмоций — и так было всегда. У человека, чей Дар — эмпатия, такое обстоятельство не могло не вызывать сильной тревоги, а еще больше тревожило смутное ощущение, что Орталлен не рад тому, что Элспет наконец Избрали.

От Барда Хирона, представителя Круга Бардов, Тэлия восприняла отчетливое чувство, что все делается чересчур поспешно. И принимается недостаточно предосторожностей. И что он не совсем доверяет ей, Тэлии.

Чувства лорда Гартезера говорили о том, что он недоволен всем происходящим в целом, но Тэлии не удалось точно определить почему. Кроме того, присутствовал слабый оттенок разочарования: Гартезер приходился родней Кемоку, одному из троих кандидатов в наследники престола. Однако только ли в этом дело? Или имеются и более глубокие причины?

Леди Вайрист была откровенно раздосадована, но почему — Тэлия понять не смогла. Ее недовольство могло быть вызвано простой боязнью, что Тэлия начнет покровительствовать своим сородичам, крепковерам, живущим в области, представительницей которой она, леди Вайрист, является. Едва ли советница знала, что вероятность такого поворота событий крайне мала!

Больше всего Тэлию беспокоил Орталлен, но, когда заседание закончилось, она поняла, что никому ничего не скажет. Она не могла представить никаких фактов, а между Орталленом и ею уже как-то случилась размолвка из-за ее друга Скифа (Орталлен едва не добился его исключения из Коллегии). Тэлия была не так глупа, чтобы дать в руки Орталлену — если он действительно враг — такое мощное оружие, как возможность утверждать, что она якобы затаила на него зло. Она сладко улыбнулась и поблагодарила почтенного советника за добрые пожелания. Пусть себе считает ее доверчивой дурочкой. А она уж позаботится о том, чтобы не спускать с него глаз.

Но скоро, теперь уже очень скоро, ей предстояло уехать на полугодовую стажировку и, следовательно, полностью отойти от дворцовых дел. И у нее уже не будет никакой возможности бороться со здешними интригами. Если Гартезер, Орталлен или кто-то еще станет строить козни, то рядом с Элспет не окажется никого, кто смог бы заметить, что происходит.

Тэлии не будет — и кто тогда станет за ними присматривать?

Глава 2

Три недели до церемонии инвеституры¹. Всего три недели, но показались они тремя годами — по крайней мере, Тэлии.

Требовалось выучить сложную процедуру принесения клятв и присяг, но это еще не самое худшее. Главной задачей Тэлии в ходе ритуала, очевидно, являлось исполнение исконных обязанностей Герольдов, присутствующих им в те дни, когда барон Валдемар еще не основал своего королевства, а именно — провозглашать имена и все звания и титулы каждого сановника, а затем сопровождать его к подножию трона.

Конечно, то была лишь меньшая часть стоявшей перед Тэлией двойной задачи. В действительности более важным будет использовать ее Дар эмпатии для выявления — и, надо надеяться, устранения — любой угрозы королеве и Наследнице со стороны каждого, кто соберется приблизиться к ним на расстояние броска или удара. Принятые при дворе полные парадные костюмы включали широкий набор потенциальных орудий членовредительства и убийства.

Тут возникала одна маленькая проблема:

Тэлия воспитывалась на хуторе, а не при дворе. Гербы на расшитых золотом табардах², которые отпрыски знатных семейств читали, как открытую книгу, ее глазам представлялись не более чем невразумительными узорами. А ведь Тэлии предстояло иметь дело с вельможами, очень щепетильными во всем, что касается их титулов, и способными оскорбиться, стоит ей упустить малейший пустяк.

Пришлось ей безвылазно проводить долгие часы в кабинете Кирила, отсиживая себе мягкое место на одном из его излюбленных жестких деревянных стульев и запоминая таблицу за таблицей из книги государственных гербов, пока не начинали слезиться глаза. Когда Тэлия засыпала, перед глазами у нее кружились в буйной пляске аляповато раскрашенные фантастические звери, птицы и растения. Когда просыпалась, в ушах звучал преследовавший ее даже во сне голос Кирила, перечисляющего владения и звания.

Ежедневно она самое меньшее полдня проводила в душной зале Совета, слушая советников, занятых бессмысленными препирательствами по поводу того или иного пункта протокола предстоящей церемонии, пока Тэлии не начинало хотеться завизжать от усталости и злости.

Элспет, по крайней мере, была избавлена от подобной чепухи: теперь, когда у нее начались занятия и дежурства в Коллегии, девочке и без того хватало забот. После того как церемония завершится, ближайšie пять лет или около того Элспет предстоит быть не более и не менее важной персоной, чем любая другая ученица-Герольд — с некоторыми оговорками. Она по-прежнему будет посещать заседания Совета, коль скоро уже введена в него, и исполнять некоторые придворные обязанности. Однако все это являлось скорее повинностью, нежели удовольствием, и Тэлия подозревала, что на самом деле как раз от придворных дел Элспет с удовольствием отказалась бы, будь у нее выбор.

Когда Тэлии удавалось провести ее, девочка выглядела вполне довольной жизнью. Она явно наслаждалась новообретенной связью со своим Спутником, Гвенной. Керен говорила Тэлии, что, по ее наблюдениям, каждую свободную минуту Элспет и Гвена проводят вместе на Спутниковом Поле — что и требовалось.

Однако на заседаниях Совета присутствовала какая-то беспокоящая странность, благодаря которой Тэлии удавалось на них не засыпать, — странность, которая в действительности являлась одной из причин тревоги, не вязавшейся с общей праздничной атмосферой, царившей при дворе и в Коллегии.

Тэлия ловила изумленные, почти боязливые взгляды, которые исподтишка бросали на нее и советники, и придворные. Если бы это не повторялось так часто, она могла бы подумать, что ей просто мерещится, но и дня не проходило, чтобы кто-нибудь не уставился на нее, словно на какую-то диковинную тварь, которая вполне может оказаться опасной. Тэлию столь непонятное поведение окружающих беспокоило, и она не раз вспоминала о Скифе с его пронырливостью и даром выведывать и разнюхивать. Но Скиф находился на расстоянии многих верст от столицы, так что оставалось только как-то терпеть подозрительные взгляды и надеяться, что какие бы слухи о ней ни ходили (а в том, что слухи ходят, Тэлия

не сомневалась), они в конце концов либо заглохнут сами собой, либо выйдут наружу, и она сможет их опровергнуть.

Другую немалую часть дня она посвящала тому, что помогала обучать юную Целительницу, Райни, которой предстояло замещать Тэлию, пока та будет в поле, на стажировке. Подобно Тэлии, Райни являлась Целительницей душ; полностью заменить Тэлию она не могла, не будучи Герольдом сама, зато могла (и собиралась) определять, кто из Герольдов находится в напряжении или охвачен душевной болью или горем, и оказывать ему помощь.

И наконец (последние по счету, но отнюдь не по тяжести), оставались еще изнурительные тренировки у Альбериха, со специальной целью — подготовить обеих, и Тэлию, и Элспет, отразить любую возможную попытку убийства.

— Я вправду не понимаю, зачем это, — сказала Элспет как-то раз, примерно за неделю до церемонии. — В конце концов, из нас двоих лучше дерусь я. — Она наблюдала за боем со стороны, сидя, скрестив ноги, у стены зала на одной из скамей, чтобы лучше видеть. Тэлия была совершенно взмылена и покрыта синяками в стольких местах, что даже думать не хотелось, и — о диво! — Альберих выглядел не лучше.

Альберих жестом показал Тэлии, что она может отдохнуть, и она, где стояла, там и осела на пол.

— Ради видимости, — ответил он. — Отчасти. Я не хочу, чтобы кто-нибудь, кроме Герольдов, знал, насколько ты искусна на самом деле. Когда-нибудь это может спасти тебе жизнь. К тому же по традиции коронованные особы не защищают себя сами, защищать их — обязанность других.

— Значит, драться можно, только если нет другого выбора? Альберих кивнул.

— Я уже начинаю жалеть, что я Наследница, — вздохнула Элспет. — Похоже, мне не положено вообще никаких развлечений!

— Котенок, — вымолвила, задыхаясь, Тэлия, — если это, по-твоему, развлечение — прошу!

Элспет и Альберих обменялись жалостливыми взглядами, яснее слов говорившими «ей ни за что не понять», и так похоже пожали плечами, что Тэлия едва не расхохоталась.

И наконец настал день долгожданного — и пугающего — обряда официального возведения Элспет в сан Наследницы престола. Церемония принесения вассальной присяги с последующим пиром была назначена на вечер. Тэлия, как всегда, опаздывала.

С последнего урока у Кирила она кинулась в умывальную, затем, прыгая через две ступеньки, наверх в свои апартаменты. Она возблагодарила богов, увидев, что у одного из слуг хватило прозорливости приготовить для нее парадное одеяние и все положенные к нему причиндалы, не то она опоздала бы еще больше.

С трепетом душевным Тэлия натянула на себя роскошное сооружение из шелка и бархата. Хотя она достаточно часто помогала Элспет облачаться в парадный придворный наряд, сама она никогда в жизни его не надевала.

Она встала перед зеркалом, балансируя на одной ноге и завязывая ленты туфель вокруг щиколотки другой.

— Ох, холера чертова, — вздохнула она. Тэлия знала, как должна выглядеть придворная дама; она так не выглядела. — Ну что ж, придется довольствоваться тем, что есть. Если бы только...

— Если бы только — что?

Джери и Керен легонько постучались в дверь ее покоев и просунули головы внутрь. Тэлия застонала: Джери выглядела именно так, как она сама мечтала выглядеть, — изысканно одетая и причесанная, каждый каштановый волосок убран придворными украшениями и лежит точно на своем месте.

— Если бы я могла выглядеть, как ты, — обалденно, а не обалдело.

Джери рассмеялась; глядя на нее, никто бы не догадался, что сия юная дама почти не уступает Альбериху в умении аккуратно расчленив противника любым подручным оружием.

— Все дело в практике, милочка. Помочь? — Ее зеленые глаза заискрились. — Я занимаюсь этой ерундистикой с тех пор, как научилась ходить, а поскольку мамочка обычно реквизирует всех слуг в доме, чтобы они прислуживали при ее туалете, мне пришлось научиться делать все самой.

— Если тебе удастся сделать меня менее похожей на юного пахаря, я буду любить тебя по гроб жизни!

— Думаю, — весело отозвалась Джери, — что столь скромного результата мы точно достигнем.

Следующие полчаса Тэлия в нервном ожидании сидела на кровати, а Джери и Керен колдовали над ее волосами и лицом, обмениваясь таинственными замечаниями. Наконец Джери вручила ей зеркало.

— Это я? — в изумлении спросила Тэлия, уставясь на отражение утонченной светской дамы. Она почти не находила следов работы Джери, и все же та как-то ухитрилась прибавить ее лицу выражения солидности и некоторого достоинства, не сделав старше и не лишив свежести. На месте всегдашней беспорядочно взъерошенной копны кудрей красовалась модная прическа, в которую искусница вплела серебряную ленту. — Дохнуть боюсь. Все сразу рассыплется?

— Гавани, нет же! — засмеялась Джери. — Лента для того и нужна, милочка. Вряд ли такое случится на сей раз, хвала Господу, но ты отлично знаешь, каковы твои обязанности в случае чрезвычайного происшествия. Королевский Герольд должен быть в состоянии защитить монарха с оружием в руках, затем преспокойно вытереть клинок о камзол неудачливого убийцы и как ни в чем не бывало продолжить церемонию. Вот почему твоё платье доходит только до щиколоток, а не до полу, лишено шлейфа, а рукава отрываются, чуть потяни — да-да, не сомневайся! Уж я-то знаю: я руководила его шитьем. У нас давно не было Королевского Герольда-женщины, и никто толком не знал, как приспособить к делу придворный наряд. Так или иначе, сейчас ты могла бы выдержать занятие у Альбериха, не растрепавшись и не потеряв ни одной ценной части туалета. Только не три глаза, не то будешь выглядеть так, словно тебя избили. — Она собрала свои вещи. — Нам лучше отправляться, если не хотим застрять в толпе.

— А ты лучше позаботься о самой важной части своего туалета, детка, — предупредила Керен, когда они двинулись вниз по лестнице.

Тэлия не нуждалась в напоминании. Оставшееся снаряжение было уже разложено и ждало. Первым она надела длинный кинжал в ножнах, пристегивающийся к поясу и висящий вдоль правого бедра так, чтобы она могла достать до него — как Тэлия тщательно удостоверилась — через прорезь в платье. За ним последовали парные метательные ножи в специальных ножнах, откуда их можно было быстро выхватить, для обеих рук — подарок Скифа, с которым он давным-давно научил ее обращаться. Даже Альберих признавал, что Скифу нет равных, когда дело касается его излюбленного вида оружия. Завершили список два изящных, украшенных сверкающими драгоценностями стилета, которые она осторожно воткнула в сотворенную Джери прическу.

Как напомнила Тэлии Керен, ни один Герольд никогда не ходил безоружным, особенно Королевский Герольд. Именно такие предосторожности спасли жизнь не одному монарху.

Тэлия как раз собиралась выходить, когда в ее дверь постучали. Она отворила и увидела на пороге декана Элкарта. Слева и справа от него возвышались, озаренные пламенем висящего возле двери светильника, черноволосый Крис и белокурый Дирк, словно живые олицетворения Дня и Ночи. Тэлия не слыхала, чтобы кто-нибудь из них вернулся с поля, и, онемев от удивления, уставилась на неожиданных визитеров.

— Ни у одного из сих кавалеров, похоже, нет дамы, — сообщил декан; глаза его лукаво поблескивали. — И, поскольку у тебя нет сопровождающих, я сразу подумал о тебе.

— Очень трогательно, — сухо сказала Тэлия, собравшись наконец, с мыслями и поняв, что за светской любезностью кроется что-то еще. — Никаких других соображений у вас, разумеется, не было?

— Ну, поскольку ты как-никак стажировешься под руководством Криса, я подумал, что вам, наверно,

захочется познакомиться в более спокойной обстановке, нежели та, в которой вы встречались в прошлый раз.

Итак, ее руководителем действительно будет Крис. Шерил не ошиблась.

— Более спокойной? — пискнула Тэлия. — Вы называете это спокойной обстановкой?

— Говоря относительно.

— Элкарт! — нетерпеливо воскликнул Дирк. — Герольд Тэлия, он вас дразнит. Он попросил нас с Крисом помочь вам, потому что мы знаем большинство сегодняшних гостей в лицо и сможем подсказать, кто есть кто, если вы растеряетесь.

— Мы знаем также всех возможных смутьянов... не то чтобы мы ожидали какой-либо каверзы, — подхватил Крис, чьи небесно-голубые глаза тепло улыбались, — но неприятности менее вероятны, если за спиной королевы будут стоять два здоровенных облома вроде нас.

— Ох, слава богу! — воскликнула Тэлия с облегчением. — Я до смерти боялась, что скажу что-нибудь не то или провозглашу не то имя и тем нанесу кому-нибудь смертельное оскорбление. — Она тщательно избегала упоминать о покушениях, хотя знала, что все четверо думают о том, как пригодится сия парочка в такой ситуации.

Крис широко улыбнулся, а Дирк отвесил придворный поклон, который не показался нелепым только благодаря искорке, мелькнувшей в его глазах, когда он снизу вверх взглянул на Тэлию.

— Мы твои слуги, о прекраснейшая из Герольдов, — нараспев произнес он, искусно подражая переигрывающему актеру в какой-то кошмарной романтической драме.

— Не ваяйте дурака. — Тэлия покраснела, чувствуя себя странно польщенной и вместе с тем сконфуженной. — Вы отлично знаете, что рядом с Нессой и Джери я выгляжу как драная кошка, а в последний раз, когда вы меня видели, я грохнулась вам под ноги, как дитя неразумное, а цветом лица, верно, живо напомнила прокисшую овсянку. Дружья зовут меня Тэлия. Просто Тэлия.

Декан развернулся и потрусил вниз по лестнице, по-видимому крайне довольный собой. Крис хмыкнул, Дирк ухмыльнулся; оба подали Тэлии руку. Она приняла обе, чувствуя себя карлицей между двумя великанами. Втроем они еле умещались на ступеньке.

— Ну, дьявол ты окаянный, ты опять провернул тот же фокус, — через ее голову сказал Дирк партнеру, щурясь, когда они вынырнули из полумрака лестницы на свет коридора. — Я получаю в стажеры костлявого воришку, прожорливого, как голодная лошадь, а смотри, кого дают тебе! Никакой справедливости. — Он поглядел на Тэлию с гордой высоты своих шести с половиной футов роста и скорбно сказал ей:

— Полагаю, теперь, когда ты хорошенько разглядела заслуженно прославленную физиономию моего напарника, у остальных присутствующих не осталось никаких шансов.

— На вашем месте я не стала бы биться об заклад, — ответила Тэлия с ноткой раздражения в голосе. — Я, знаете ли, уже видела его прежде, а вы пока не заметили, чтобы я простерлась ниц у его ног, ведь так? Мои отец и братья обладали не менее красивой наружностью. Не в обиду вам будь сказано, Крис, но у меня есть множество причин не доверять красавцам. Я бы предпочла, чтобы вы оказались косоглазым, или бородавчатым, или что-нибудь в таком роде. Я бы чувствовала себя гораздо спокойнее в вашем обществе, будь вы хоть чуточку менее хороши собой.

Дирк рыдал от хохота, глядя на ошеломленное лицо напарника.

— Такое для тебя внове, мой драгоценный! Отвергнут женщиной! Ну, каково тебе в моей шкуре?

— Непривычно, — добродушно отвечал Крис, — совершенно непривычно. Однако должен сказать, что испытываю изрядное облегчение. Я боялся, что Элкарт умом тронулся, назначив мне стажера-женщину. Не забывай, Тэлия, я видел тебя только пару раз, и мы тогда не особенно обменивались сведениями личного порядка! Я думал, что ты можешь оказаться вроде Нессы. Рядом с ней я чувствую себя загнанным оленем. — Внезапно ему, казалось, стало не по себе. — Кажется, я ляпнул лишнее; надеюсь, ты не против откровенности?

— Нисколько. Сама ею страдаю.

— Ну что же, ты кажешься неожиданно благоразумной. Думаю, мы поладим.

— При условии, что я не невзлюблю вас. — Тэлию слегка задела его беззаботная уверенность, что она станет легкой жертвой его признанно чарующего обхождения. — Вам никогда не говорили, что цыплят по осени считают?

Судя по выражению лица Криса, такая возможность ему в голову не приходила, и он изрядно растерялся. Дирк нисколько не помог делу, впад от хохота в истерику.

— Тут она тебя поймала, старик! — задыхался он. — Хвала Звездам, я все-таки дожил до того дня, когда по носу щелкнули тебя, а не меня!

— Ох, Светлые Гавани, да не расстраивайтесь вы так, — сказала, сжавшись над Крисом, Тэлия. — Помилуйте, мы же оба Герольды. Как-нибудь притерпимся. Это ведь только на полтора года. В конце концов, меня ведь не заставляют выйти за вас замуж!

Выражение лица Криса, когда Тэлия упомянула о перспективе брака с ним, как о чем-то омерзительном, было непередаваемым.

— Я, в общем-то, уверен, что ты меня не оскорбляла, но на комплимент твои слова определенно не похожи! — уныло пожаловался он. — Я начинаю думать, что в конечном итоге отношение Нессы мне нравится больше!

Тут им пришлось остановиться посреди коридора, поскольку Дирк сложился пополам, рыдая от смеха. Крису и Тэлии пришлось колотить его по спине, чтобы он смог снова вздохнуть.

— Пресветлая... Астера... — выдавил он, задыхаясь, — вот чего я никогда не надеялся увидеть. Или услышать! Вот так так! — Он как-то исхитрился принять вид одновременно покаянный и довольный. — Извини, напарник. Просто наконец-то увидеть в роли отвергнутого тебя... видел бы ты свое лицо!.. У тебя был такой вид, словно ты проглотил живую жабу!

— Следовательно, ничего хуже до конца недели с ним уже не случится. А теперь послушайте, таким манером мы на церемонию не попадем, — заметила Тэлия, — а мы уже опаздываем.

— Она опять права, — сказал Дирк, беря ее под руку.

— Что значит «опять»? — подозрительно спросил Крис, пока они торопливо шли к Большой Зале.

По счастью, тут они подошли к дверям Залы, и Дирку не пришлось отвечать на вопрос.

С того момента, как Тэлия отворила им дверь, Дирк находился в затруднении, пытаясь разобраться в охвативших его странных ощущениях. В последний раз, когда он видел Королевского Герольда, та, пройдя через тяжелейшее умственное и эмоциональное испытание, от полного изнеможения упала в обморок почти что к его ногам. Впоследствии он узнал, что Тэлия перед тем непосредственно пережила гибель Герольда-курьера Ильзы и спасла подругу Ильзы, Керен, которая готова была умереть от горя. Сразу же вслед за тем, без всякой передышки, она мысленно провела Дирка и его напарника к месту, где убили Ильзу. Тоненькая, кажущаяся хрупкой девчушка не только вызвала у Дирка восхищение своей безоглядной отвагой, но и разбудила в нем инстинктивное стремление защитить. Он сам отнес Тэлию в ее комнату, уложил в постель и бережно укрыл; потом оставил наготове целебные травы, чтобы она смогла заварить их, когда проснется с головной болью, — неизбежной реакцией на перенапряжение. В тот момент он знал, что она полностью исчерпала свои силы — а когда позже, днем, услышал, что она перенесла, то поразились ее мужеству и выносливости.

Ее хрупкая наружность легко могла вызвать желание защищать ее, пусть даже поступки и показывали, насколько обманчива внешность. По крайней мере тогда Дирк полагал, что в нем просто проснулся инстинкт защитника. Однако на сей раз при виде Тэлии он испытал более сложное чувство. И был совсем не уверен, что хочет распознавать его. Поэтому он как мог разрядил обстановку, дурачась с Крисом. Но даже согнувшись пополам от хохота, Дирк в глубине души ощущал смутное беспокойство, словно подсознание пыталось предупредить его, что долго играть в прятки с самим собой не удастся.

Тэлия запретила себе волноваться, но напряжение, безусловно, сказывалось, несмотря на все старания. Она чувствовала себя виноватой, что напустилась на Криса. Оставалось только надеяться, что Крис понял, что она не в себе и он просто попал под горячую руку.

Большая Зала, столы из которой были убраны, скамьи расставлены вдоль стен, а все свечи и светильники зажжены, светилась, словно ларец из чистого золота. Придворные и нотабли³ щеголяли в своих лучших нарядах, и самоцветы, золотые и серебряные украшения так сверкали и искрились в свете огней, что все собрание в целом напоминало содержимое шкатулки с драгоценностями какой-нибудь знатной дамы. На фоне раззолоченных вельмож выделялись ярко-алые одежды Бардов, изумрудно-зеленые — Целителей, ярко-синяя форма старших командиров Стражи и армии и ослепительно белая — Герольдов. На каждом из тех, кого Тэлии предстояло представить по ходу церемонии, поверх роскошного наряда был надет жесткий табард, тяжелый от золотого шитья, указывающего на принадлежность к тому или иному семейству или гильдии. Мужчины и женщины, Стражи, стоящие в карауле вдоль стен в своей строгой черно-синей с серебром форме, темной каймой обрамляли собрание.

Королевский Герольд и ее сопровождающие заняли свои места за тронами: Тэлия, как положено, позади Селенэй и чуть правее, Крис и Дирк — за ее спиной по обе стороны. Тэлии показалось, что с точки зрения тех, кто пришел сюда, опасаясь увидеть проявление слабости, их троица выглядит очень впечатляюще и успокаивающе.

Но чувствовалась и тревога — тревога, которую она ощущала все три последние недели, и даже еще усилившаяся. А Тэлия, хоть убей, не могла понять ее причины.

Церемония началась; Тэлия решила махнуть рукой на то, что она не в состоянии изменить, и приложила все силы, чтобы как-то исхитриться выглядеть безобидной и уверенной одновременно. Она не знала наверняка, насколько преуспела в своих стараниях, но спустя какое-то время общая нервозность действительно, кажется, пошла на убыль.

Затем Тэлия попыталась передать немного уверенности в себе юной Наследнице престола, которая уже начинала слабеть под гнетом огромного напряжения. Она постаралась встретиться с девочкой взглядов и послать ей ободряющую улыбку, но лицо Элспет оставалось напряженным, а глаза начинали стекленеть.

Ибо дела у Элспет шли хуже, чем у Тэлии. Этикет требовал, чтобы она отвечала каждому вассалу чем-то вроде краткой речи, обращенной лично к нему, и уже на середине церемонии она почувствовала, что ее воображение иссякает.

Крис, обладавший чутким музыкальным слухом и чувством ритма, первым заметил, что Наследница престола запинается и колеблется. Когда к Элспет подводили очередного присягающего, Крис шепнул ей на ухо:

— Сын только что подарил ему первого внука».

Поворачиваясь, чтобы принять присягу, Элспет бросила на Криса взгляд, полный жаркой признательности. Когда страдающий подагрой лорд с трудом поднялся с колен, она поздравила его с счастливым событием. Лицо старика, когда его уводили, выражало смешанное чувство изумления и удовольствия: он и не подозревал, что новость известна кому-то, кроме его ближайших родственников.

В эту минуту Элспет решила, что Крис достоин причисления к лику святых, и, пока приближался следующий вельможа, одарила обоих Герольдов быстрой сияющей улыбкой.

Дирк немедленно принял эстафету и снабдил девочку сведениями об очередном вассале. Крис отыгрался, выдав информацию по двум следующим Элспет начала лучиться под взглядами ублаженных придворных, оживая так же быстро, как прежде сникла, а Крис и Дирк принялись набирать очки в импровизированном состязании. Королева, похоже, пришла к выводу, что единственное, что в ее силах, — попытаться сохранить невозмутимость.

Наконец принес присягу последний сановник, и все трое Герольдов заняли места, чтобы присягнуть вместе со своим Кругом. За ними присягнули Круг Целителей и Круг Бардов, затем представители духовенства и жрецы принесли клятвы от лица своих орденов и приверженцев своих культов.

И длинная церемония наконец завершилась — без сучка, без задоринки.

Свита королевы покинула помост, уступив его музыкантам из Круга Бардов, которые тут же грянули танцевальную мелодию.

Тэлия присоединилась к Элспет в обставленной обитыми бархатом скамьями нише у окна, предназначенной для королевского окружения.

— Чем вы трое там занимались? — с любопытством спросила она. — Я стояла слишком далеко и не расслышала ни слова, но вы явно веселились от души!

— Понимаешь, те двое Герольдов, которые пришли вместе с тобой... — Элспет бурлила от радости, — я уж и не знала, что еще сказать, а они стали мне подсказывать все, что требовалось. Ничего значительного, зато именно то, что сейчас для них важнее всего — я имею в виду, для лордов и прочих. А потом устроили из этого соревнование, и получилось страшно смешно — они все время спорили между собой о том, сколько очков что «стоит». Мама еле удерживалась от смеха.

— Могу себе представить, — ухмыльнулась Тэлия. — И кто выиграл?

— Я, — сказал Крис из-за ее спины.

— Ты не выиграл бы, если бы я первым вспомнил об овцах, — отпарировал Дирк.

— Об овцах? — заинтересовалась Тэлия. — Каких овец? А мне не надо о них знать?

Дирк захихикал, и Крис свирепо поглядел на него.

— Совершенно безобидная история, — ответил Крис с легким раздражением. — Когда муж леди Фионы умер, она и Мастер Гильдии, госпожа Аравель, начали совместный проект, который должен был принести доход семье леди Фионы и возглавляемому Аравелью отделению цеха ткачей. Они завезли из-за границы — издалека, с юга, — овец с удивительно мягким и тонким руном, очень похожим на ягнячье. В конце концов им удалось добиться того, чтобы овцы приспособились к нашим, более суровым зимам; весенний окот более чем удвоил поголовье, и теперь, по-видимому, все захотят купить таких овец или ткань из их шерсти.

— Мы не за тем сюда пришли, — твердо сказал Дирк. — Овцы и проблемы разведения скота... держи свои грязные мыслишки при себе, партнер...

— Мои грязные мыслишки? А кто тут давился от хохота несколько минут назад?

— ..не имеют отношения к празднеству. Я приглашаю тебя на первый танец, Тэлия, на том основании, что мой напарник получит тебя в полное распоряжение на целый год и даже больше.

— А поскольку я, таким образом, остался без партнерши, — добавил Крис, — я бы очень хотел пригласить нашу самую новоизбранную — с той же целью.

— Матушка?.. — Элспет с мольбой взглянула на королеву. Несравненная красота Криса явно произвела на нее сильное впечатление, а то, что он захотел танцевать с ней, явилось просто потрясением.

— Дорогая, сегодня же твой праздник. Можешь хоть проехаться по Большой Зале на своем Спутнике, если тебе захочется — при условии, что готова выдержать гнев сенешаля, когда он увидит следы копыт на своем драгоценном дубовом полу.

Не дожидаясь дополнительного разрешения, Крис закружил девочку в танце.

Дирк вопросительно приподнял бровь, глядя на Тэлию.

— О нет, — рассмеялась она, — вы сами не знаете, чего просите. Я танцую как пахарь за плугом. У меня совершенно нет чувства ритма, и я только калечу партнерам ноги.

— Ерунда, — отвечал Дирк, отбрасывая с глаз непослушные светлые волосы. — Тебе просто ни разу не встретился хороший партнер.

— А вы как раз хороший? А я-то считала Криса тщеславным!

— Моя дорогая Тэлия, — возразил Дирк, подхватывая ее и выводя на середину залы, — правдивость

едва ли можно ставить на одну доску с тщеславием. Мне известно из самых надежных источников, что мое искусство танцора более чем искупает недостатки моей наружности.

В скором времени Тэлия была вынуждена признать его полную правоту. Впервые в жизни она получала удовольствие от танца — то, как слаженно они двигались вместе, казалось почти волшебством. Дирк, похоже, тоже не остался недоволен, поскольку уступил ее другим желающим с крайней неохотой.

Крис же, невзирая на алчные взгляды, которые бросали на него почти все присутствующие молодые женщины, танцевал только с теми, кто был намного старше его, или же с Элспет или Тэлией.

— Надеюсь, ты не против, что я использую тебя таким образом, — виновато сказал он ей после шестого или седьмого танца.

— Используешь? — переспросила она, озадаченная.

— Как щит. Я танцую с тобой, чтобы меня не сожрали вон те. — Он кивнул на группу придворных красавиц, с томным видом поглядывающих в его сторону. — Я не могу танцевать исключительно со старыми каргами, Элспет должна менять кавалеров, а единственные Герольды, насчет которых я могу быть уверен, что они не попытаются меня охмурить, — Керен, Шерил и ты. А Керен и Шерил не танцуют.

— Приятно сознавать, что кому-то нужна, — ехидно заметила Тэлия, чтобы его подразнить.

— Я что, опять сморозил какую-то глупость?

— Да нет, все в порядке. И я не против такого «использования». В конце концов, сейчас уже все знают, что мы получили совместное назначение, так что решат, что мы знакомимся. Ты можешь избегать красоток, не рана ничьих чувств.

— Ты действительно меня понимаешь, — сказал Крис с облегчением. — Терпеть не могу никого обижать, но они все, кажется, уверены, что если будут достаточно настырно вешаться мне на шею, то мне просто придется кого-то из них выбрать — надолго ли, нет, им, похоже, неважно. И никого, по-моему, не интересует, что нужно мне.

— Ну и что же нужно тебе? — спросила Тэлия.

— Коллегия, — к ее изумлению, ответил Крис. — На нее уходит большая часть моего времени и сил — и я трачу их с радостью. Я многое изучаю самостоятельно: историю, государственное управление, юриспруденцию. Когда Элкарт уйдет на покой, я хотел бы сменить его на посту декана и преподавателя истории, а это требует большой подготовки. У меня мало свободного времени, а на то, чтобы играть в куртуазную любовь или в «пастушка на сене» — и подавно нет.

Тэлия поглядела на него с уважением.

— Поразительно; более тяжелой и неблагодарной работы, чем у Элкарта, я и представить себе не могу. В некоторых отношениях она даже хуже моей. Возможно, ты тот самый человек, которому она по плечу. Не думаю, чтобы тебе удалось служить Коллегии и еще уделять кому-то другому... э-э...

— Столько внимания, сколько требуется для сносной совместной жизни, — закончил за нее Крис. — Спасибо... знаешь ли ты, что после Дирка ты первая, кто не счел, что я рехнулся?

— Но что бы ты стал делать, если бы все-таки нашел ту единственную, что тебе нужна?

— Не знаю... только вряд ли такое случится. Посмотри правде в глаза, Тэлия: Герольды редко привязываются надолго к кому — или чему-либо. Мы всегда друзья, а иногда дела заходят несколько дальше, но длится такой роман недолго. Может быть, причина в том, что наши сердца отданы прежде всего нашим Спутникам, затем — долгу, и, думаю, мало кто из нас обладает сердцем настолько большим, чтобы вместить еще и третью любовь. Не-Герольды, по-видимому, не в состоянии этого уразуметь. Если уж на то пошло, даже далеко не все Герольды понимают. Но оглянись вокруг: из всех, кого я знаю, единственная пара, заключившая союз на всю жизнь, — Шерил и Керен, а ни на что меньшее я бы не согласился. Вот почему я прячусь за твою спину.

— Но ты же не можешь прятаться вечно.

— А мне и не придется, — ответил Крис легкомысленно. — Только до конца праздника. После чего я

окажусь в безопасности — в поле, в обществе единственного человека из встреченных мною в жизни, который полагает, что лучше бы я был косоглаз и бородавчат.

Тут ее вновь пригласил Дирк; именно во время этого танца Тэлия заметила, что число фигур в Белом в зале быстро сокращается.

— Куда все подевались? — в недоумении спросила она у Дирка.

— Нечасто случается, что нас собирается так много одновременно, — ответил он, — поэтому, когда народ начинает уставать от танцев, мы ускользаем на собственную вечеринку. Хочешь пойти?

— Светлые Гавани, конечно! — откликнулась она с жаром.

— Дай только перемигнуться с Крисом. — Дирк повел ее туда, где Крис танцевал с похожей на престарелого эльфа бабусей, и повел бровью в сторону двери. Когда Крис кивнул, Дирк рассчитал так, чтобы в момент окончания танца, когда музыканты играли последние такты, они с Тэлией оказались возле выхода.

Отведя партнершу к ее месту, к ним присоединился и Крис.

— Вот кто мне понравился: все время грозилась забрать меня домой, как следует накормить, а потом «хорошенько поучить», причем я знаю, что она говорила не о танцах и манерах! — Он тихонько засмеялся. — Я так понял, что Тэлия согласна идти? Я готов.

— Хорошо, значит, все «за», — ответил Дирк. — Тэлия, поди переоденься во что-нибудь удобное, найди что-нибудь, на чем можно сидеть, и возьми старый плащ на случай, если вечеринка закончится на свежем воздухе. Если играешь на каком-нибудь инструменте — приноси тоже. Встретимся в библиотеке.

— Похоже на детскую игру в разведчиков, — со смешком сказала Тэлия.

— Ты не так уж далека от действительности, — отозвался Крис. — Мы идем на огромные жертвы, лишь бы сохранить свои гулянки в секрете. А теперь поторопись, не то уйдем без тебя!

Тэлия обеими руками подобрала юбки и легко пустилась бежать по переходам дворца. Добежав до своей башни, она снова запрыгала через две ступеньки. Влетев в комнату, приостановилась лишь затем, чтобы зажечь лампу, потом быстро расшнуровала платье и выскользнула из него. Несмотря на спешку, очень аккуратно его повесила — ни к чему мять и портить нарядную вещь. Потом переделась в первое, что подвернулось под руку. Вытащила ленту из волос — они тут же всклокоченной копной упали ей на лицо, когда она бережно укладывала Сударыню в футляр, — заткнула за пояс свою пастушескую свирель. Перекинула ремень от футляра с арфой через плечо, набросила старый, поношенный шерстяной плащ, оставшийся еще с ученических времен, подхватила одну из подушек — и была готова идти.

Ну, почти готова. Вспомнив, что сказала Джери о подведенных глазах, Тэлия заскочила в находившуюся на нижнем этаже умывальную, чтобы наскоро умыться, а уж потом побежала к библиотеке.

Распахнув тяжелую дверь, она обнаружила, что Крис с Дирком ее обогнали — но, с другой стороны, им, наверно, не пришлось носиться вверх-вниз по лестницам.

Крис облачился во все черное и выглядел поэтично до неопиcуемости. Дирк влез в синевато-серый наряд, который смотрелся так, словно, получив его из стирки, владелец попросту свалил его в кучу другой одежды (как, наверно, и случилось на самом деле). При звуке открывшейся двери оба подняли головы.

— Тэлия! Молодец, не копаешься, не то что мои сестры, — приветствовал ее Дирк. — Иди сюда, и мы посвятим тебя в секрет.

Тэлия пересекла комнату и подошла туда, где стояли они: к первой кабинке для самостоятельных занятий.

— Первые из отправляющихся всегда сходятся здесь, чтобы решить, где будем собираться, — объяснил Дирк, — и оставляют для прочих какой-то намек на то, где находится искомое место. На сей раз — гляди.

Он показал Тэлии лежавшую на столе книгу по шорному делу.

— Дайте угадаю, — сказала Тэлия. — Конюшни?

— Тепло. Сарай для хранения сбури на Спутниковом Поле: смотри, она раскрыта на странице, где рассказывается об особых уздечках, которыми мы пользуемся, — пояснил Крис. — В прошлый раз им пришлось оставить богословский трактат, а поверх него положить камень: мы собирались в недостроенном храме внизу у реки, потому что перед тем слишком часто устраивали встречи тут, поблизости. Холодновато немного на мой вкус, хотя мне говорили, что те, кому в тот момент нравилось общество друг друга, с удовольствием грели друг дружку.

Они выскользнули наружу, и Тэлия подавила смешок.

Окна сарая для сбури оказались плотно закрыты ставнями, чтобы ни один луч света не просочился и не выдал царящего внутри веселья. В обоих очагах горел огонь — для защиты от вечерней прохлады и как основное средство освещения. Троица новоприбывших проскользнула внутрь как можно тише, чтобы не помешать остальным слушать увлекательную историю, которую рассказывал средних лет Герольд, чьи седые виски ярко блестели в свете пламени.

— Сегодня будет тихо, — шепнул Крис на ухо Тэлии. — Вероятно, потому, что дворцовое празднество вылилось в такую гулбу. Наши праздники обычно являют собой противоположность официальным.

Герольды разлеглись на полу сарая в удобных позах, и все с неослабным вниманием слушали рассказчика. По-видимому, тут собралось около семидесяти человек — Тэлия никогда еще не видела столько Герольдов одновременно. Очевидно, все Герольды, находившиеся на расстоянии конного перехода от столицы, постарались попасть на церемонию принесения присяги. Рассказчик закончил повесть под довольные вздохи окружающих. Потом, когда очарование рассказа рассеялось, многие повскакали с мест, чтобы поприветствовать вновь прибывших, тепло и сердечно обнимая Дирку и Крису или крепко пожимая им руки. Поскольку большинство присутствующих было Тэлии незнакомо, она робко отступила назад, в тень.

— Тпру, потише... полегче, друзья! — со смешком воскликнул Дирк, вырываясь из рук встречающих. — Мы тут кое-кого привели и хотим познакомить со всеми вами.

Он пошарил в тени, нащупал Тэлию и, протянув длинную руку, выволок ее на свет.

— Вы все знаете, что у нас наконец-то появился настоящий Королевский Герольд — и вот она перед вами!

Прежде чем кто-либо успел шевельнуться, чтобы поприветствовать Тэлию, из дальнего конца комнаты раздался радостный вопль, и через помещение стремглав проскакало долговязое тело, перемахивая через Герольдов, которые, смеясь, пригибались, прикрывая головы руками. Тело подлетело к Тэлии, подхватило ее на руки, подкинуло высоко в воздух и снова поставило на землю, влепив восторженный поцелуй.

— Скиф? — задыхаясь, выговорила она.

— Собственной персоной! — радостно проорал тот.

— Но... Какой ты огромный!

Когда Скиф получил Белое, он был выше Тэлии всего на два пальца. Теперь же вполне мог померяться ростом с Дирком.

— Наверно, в воздухе юга есть что-то, что способствует росту, потому что я явно рос весь последний год, — хохотнул Скиф. — Спроси Дирку — он ведь был моим руководителем.

— Рос? Светлые Звезды, рос — слабо сказано! — простонал Дирк. — Мы половину времени убивали на то, чтобы его прокормить: он лопал больше, чем наши мулы!

— Да и ты тоже молодцом, — продолжал Скиф, подчеркнуто игнорируя Дирку. — Ты отлично смотрелась там, на помосте. Мы все чертовски тобой гордились.

Тэлия зарделась, радуясь, что в тусклом свете очага ее лица не видно.

— Мне очень помогли, — сказала она почти извиняющимся тоном.

— Одной помощи мало, и мы оба это знаем, — возразил Скиф. — Но, пламя ада, сейчас не время и не

место для разговоров о работе. Вы двое знаете правила. Платите за вход!

Криса и Дирка со смехом вытолкнули на середину, и рассказчик уступил им место.

— Кто-нибудь принес арфу? — воззвал Крис. — Моя еще не распакована: я только сегодня приехал.

— Я принесла, — отозвалась Тэлия; к ней тотчас протянулись руки и передали арфу, по-прежнему в футляре, Крису.

— Это... Не может быть... Это же Сударыня, верно? — спросил Крис, когда свет очага заиграл на золотистой древесине и чистых, изящных линиях инструмента. — А я-то гадал, кому Джедус ее оставил. — Он благоговейно провел пальцами по струнам, и они ответили мелодичным вздохом. — Она отлично настроена, Тэлия. Ты заботилась о ней так, как она того заслуживает.

Не дожидаясь ответа, он заиграл старинную колыбельную. Джедус играл лучше, но Крис оказался удивительно искусен для любителя, намного искуснее Тэлии. Зрелище получилось невероятно красивое: золотистое дерево светится на фоне черной туники, черноволосая голова сосредоточенно склонилась над струнами. Смотреть на Криса было почти так же приятно, как и слушать его.

— Есть какие-нибудь пожелания? — спросил он, доиграв.

— «Солнце и Тень», — разом воскликнули несколько человек.

— Ладно, — ответил Дирк, — только мне нужен доброволец, чтобы спел за Танцующую В Тени. В последний раз, когда я на это рискнул, я охрип на месяц.

— Я могла бы, — к собственному удивлению услышала Тэлия свой голос.

Дирк, казалось, так же удивился — и обрадовался.

— Да ты просто кладезь чудес! — Он подвинулся, освобождая ей место, и Тэлия между расположившимися на полу слушателями пробралась на середину и робко села в тени, которую отбрасывал освещенный пламенем очага Дирк.

В «Солнце и Тени» рассказывалось о встрече двоих из числа самых первых Герольдов, Ротаса Солнцепевца и Литы Танцующей В Тени, задолго до того, как их Избрали, во времена, когда над их жизнями все еще тяготело странное проклятие. Песня представляла собой дуэт для мужского и женского голосов, хотя Дирк нередко исполнял ее в одиночку. Это была одна из тех необычных песен, которые заставляют либо затаить дыхание, либо скучать до зевоты — в зависимости от исполнения. Дирк гадал, как получится на сей раз.

Когда Тэлия, отвечая ему, начала свой куплет, Дирк гадать перестал. Не приходилось сомневаться, кто был ее учителем: в искусных модуляциях небольшого, нежного, с легким придыханием голоса так же явственно чувствовалась рука Джедуса, как и в арфе, что он ей оставил. Но Тэлия вкладывала в пение нечто большее, чем просто ум и голос, нечто, чего не может дать никакой, даже самый лучший учитель. Похоже, им предстоял один из волшебных вечеров.

Дирк целиком отдался пению, не подозревая, что нынче вечером он тоже превзошел самого себя. Зато Крис, аккомпанировавший им, знал это — и жалел, что невозможно сделать так, чтобы мгновение длилось вечно.

Взрыв рукоплесканий, от которых дрогнули стропила, вырвал Дирка и Тэлию из-под действия чар, которыми оплела их музыка. Дирк еще теплее, чем обычно, улыбнулся миниатюрной девушке, полускрытой в его тени, и почувствовал, что она ответила на его улыбку.

— Ну что же, свой фант мы уплатили, — сказал Крис, обрывая просьбы сыграть еще, — теперь очередь других.

— Так нечестно, — пожаловался голос из задних рядов. — Кто может не стушеваться после такого?

Конечно, кто-то смог, — изменив общий настрой, вместо того чтобы все испортить, попытавшись его сохранить. Высокий мосластый парень одолжил у Тэлии свирель и заиграл зажигательную джигу, а двое мужчин и женщина выскочили на середину и пустились в пляс. Их пример, похоже, вдохновил и всех остальных; Тэлия отобрала свою свирель и присоединилась к ансамблю, состоящему из Криса с арфой, еще

кого-то с кифарой и Джери с барабаном. Они исполнили ряд очень зазорных вальсов из тех, что играют на деревенских праздниках. Поскольку танцы были лихими и исполнялись в быстром темпе, те, кто прежде чувствовал себя достаточно бодрым для пляски, вскоре выдохлись и вновь созрели для того, чтобы слушать.

Те, кто не мог развлекать, вносил «входную плату» едой и напитками: Тэлия заметила множество маленьких бочонков с вином, сидром и элем, выстроившихся вдоль стен вперемешку с корзинами фруктов, колбас и бутербродов. Бесхозные кружки и ничейные чашки всегда скапливались в сарае для сбруи, особенно в жаркие летние месяцы, когда Герольды и студенты частенько нуждались в глотке холодной воды из снабжавшего Спутников питьевой водой источника в дальнем конце Поля. Подручную, посуду наполняли снова и снова и пускали по рукам с веселым презрением к могущим передаться таким образом простуде или хворобам. Подобно Тэлии, многие Герольды принесли с собой подушки; из них, а также седел и сумок устроили уютные лежа, которые можно было занимать единолично или делить с кем-нибудь. Услышав шепот в темных уголках сарая, Тэлия поспешно отвела глаза и заткнула уши, припомнив давешние слова Криса о том, как Герольды «грели друг друга». Время от времени какая-нибудь парочка поднималась и либо уходила в поисках более уединенной обстановки, либо присоединялась к сидящим у очагов. И надо всем царила атмосфера... причастности. Здесь не было ни одного, кого бы не любили и не приветали все остальные. Тэлия впервые присутствовала на сборище своих собратьев при радостных обстоятельствах; постепенно она осознала, что ощущение единства распространяется и за стены сарая, на находящихся на Поле Спутников, и еще дальше — на тех, кто не смог присутствовать здесь этой ночью. Ничего удивительного, что Герольды покинули официальное празднество ради того, чтобы в тесном кругу отпраздновать радостное событие — Избрание Наследницы: здесь они наслаждались ощущением душевного тепла и братства. Его хватило, чтобы Тэлия забыла странную тревогу, которая омрачала ее жизнь последние три недели.

Как только выдалась свободная минута, Тэлия выдернула Скифа из гурьбы однокашников, похоже, захвативших в собственность один из бочонков и поглощенных распитием одного.

— Пошли наверх, на чердак, — сказала она, оглядев предварительно верхотуру и убедившись, что ни одна из парочек не облюбовала ее для себя.

«Чердак» представлял собой всего-навсего узкий балкон, шедший вдоль одной стены и дававший доступ к кладовкам, устроенным в потолочных балках. Тэлия сразу заметила, что Скиф — что было для него очень несвойственно — держался у стенки, когда они поднимались по лестнице, и прижался к бревнам спиной, когда они очутились на самом чердаке.

— Господь и Владычица, как я рад тебя видеть! — воскликнул он, снова, как в начале вечера, обласкав Тэлию. — Мы оставили всю поклажу и мулов на Пункте Снабжения; взяли только то, что могли унести Симри и Ахроди в дополнение к нашим собственным тушам. Я соскучился по тебе, сестренка. Письма помогали, но я бы предпочел поговорить с тобой лично, особенно...

Тэлия почувствовала, что он борется с приливом чувства, которое могло быть только страхом.

— Особенно?

— После... того происшествия.

Тэлия придвинулась к нему ближе, накрыла его руки своими. Ей незачем было видеть Скифа, чтобы знать, что он бледен и напряжен так, что на стиснутых кулаках побелели костяшки пальцев.

— Расскажи.

— Я... не могу.

Тэлия опустила щиты: внутри Скиф оказался весь истыкан навязчивыми страхами — боязнью грозы, боязнью попасть в западню, а особенно — страхом падения. Тэлия сомневалась, чтобы в том состоянии, в котором он сейчас находился, он смог выглянуть из окна второго этажа, не делая над собой нечеловеческого усилия. И это парень, который однажды темной ночью провел ее, Тэлию, по узкому карнизу вдоль второго этажа всего дворца!

— Ты что, забыл, кто я? Забыл, кто я такая? Просто начни с начала; рассказывай медленно. Я помогу

тебе справиться с этой штукой.

Скиф сглотнул.

— Все... все началось с грозы: она застала нас на тропе в холмах. Холмы, как же! Больше похоже на горы! Боги, какая была темень; а дождь лил такой, что я даже ушей Симри не видел. Дирк ехал первым, за ним мулы, а я замыкающим: предполагалось, что мне отведено самое безопасное место. Мы кое-как нащупывали дорогу; с одной стороны — отвесная скала, с другой — обрыв.

Тэлия погрузилась в полутранс, осторожно входя в сознание Скифа. Рассказывая, тот боролся со страхом и уже проигрывал бой.

— Тропа просто... поехала, прямо под копытами Симри. Мы упали; я не успел даже позвать на помощь.

Тэлия мягко коснулась страха, вобрала его в себя и начала работать над ним. Страх был похож на острый, как нож, кремь, весь из углов и режущих граней. Тихо, как текущая вода, и так же неуклонно, Тэлия принялась обтачивать его, притуплять, приглушать...

— В конце концов мы зацепились за выступ на полпути вниз. Симри была оглушена, а я сломал руку и, думаю, большую часть ребер; я мало что помню. Болело слишком сильно, чтобы думать, а там, где я застрял, по стене, словно водопад, струился поток воды. Ты знаешь, что я не слишком хорошо умею говорить мысленно, да к тому же Дар Дирка — не Мысленная Речь; я не мог взять себя в руки настолько, чтобы позвать на помощь ментально, а крики заглушала гроза.

Скиф трясся, словно тростинка под ударами вьюги; Тэлия обняла его за плечи, давая в дополнение к умственному еще и физическое успокоение.

— Но Дирк нашел тебя, — заметила она.

— Одним Богам ведомо, как: у него не было причин думать, что мы все еще живы. — Теперь, когда Тэлия защитила его от страшных воспоминаний, напряжение быстро покидало Скифа. Щит не мог заставить его все забыть, но мог сделать воспоминания менее реальными, менее навязчивыми. — Он обвязал нас обоим веревками и закрепил там, где мы находились; что-то сделал, чтобы отвести от меня воду, и оставался с нами, цепляясь за стену зубами и ногтями, пока не прошла гроза. Тогда он укутал нас одеялами и отослал Ахроди за подмогой, а сам втащил меня обратно на тропу. Эту часть я вообще не помню; должно быть, вырубился от боли. — Голос Скифа звучал уже не так напряженно.

Страх был почти побежден; настала пора развеять остатки.

— Ты, должно быть, выглядел, как утопшая крыса, — сказала Тэлия с легким смешком. — Я знаю, ты помешан на чистоте, но тебе не кажется, что тут ты слегка переборщил?

Скиф удивленно уставился на нее, потом начал хохотать, как сумасшедший. Наполовину хохот, наполовину слезы: схлынули остатки напряжения. Истерика — да, но истерика, в которой Скиф давно нуждался.

Тэлия молча обнимала его; наконец худшее осталось позади, и он разглядел сквозь слезы ее лицо, кажущееся в полумраке совсем детским.

Когда Скиф пытался рассказать Тэлии, что случилось в ту ужасную ночь, столбняк страха, изо дня в день сковывавший его последние несколько месяцев, почти не давал ему говорить. С той поры по меньшей мере раз в неделю ему снились кошмары, в которых он заново переживал происшедшее. Для того чтобы повторить весь рассказ при Тэлии, Скифу потребовалось собрать в кулак всю волю — во всяком случае, поначалу. Но потом, понемногу, слова полились свободнее; страх медленно отпустил его. Когда Скиф подошел к концу своего рассказа, он начал понимать, что сделала Тэлия.

И слезы его вызвало не только чувство освобождения, но и в равной мере признательность.

— Ты... ты проделала тот фокус со мной, верно... привела в порядок, как Востела и остальных...?

— Угу, — кивнула Тэлия, глядя в темноте его волосы. — Я надеялась, что ты не против.

— И не будет больше кошмаров?

— И больше не будет кошмаров, большой брат. У тебя больше не возникнет желания спрятаться в чулан во время грозы, и ты сможешь снова свешиваться вниз с края скалы. По сути дела, через неделю-другую ты даже сможешь рассказывать эту историю, не трясясь, словно свежесвылупившийся птенец, и из нее получится неплохая байка для завоевания симпатий какой-нибудь юной красотки!

— Ты... ты чудо, — сказал Скиф, крепко обнимая Тэлию.

— Ты тоже: столько времени один справлялся с таким ужасом и не давал ему одолеть себя!

Они посидели так некоторое время, пока шепоты снизу не вернули их к действительности.

— Пламя ада! Предполагается, что мы на вечеринке и тебе положено получать от нее удовольствие, — сказал наконец Скиф.

— Я и получаю — теперь, когда ты в порядке. — Тэлия поднялась на ноги и помогла подняться ему. — Ну что ж, я возвращаюсь к пению, и мне кажется, что твоя однокурсница Мэври выглядит немного одинокой.

— Хм. В самом деле, — отозвался Скиф, свешиваясь с балкона и вглядываясь в освещенную часть помещения. — Пожалуй, пойду, составлю ей компанию. И... сестренка, родная...

— Не надо меня благодарить, милый. В ответ Скиф поцеловал ее в лоб, потом легко сбежал с ведущей на чердак лестницы и отправился в дальний конец комнаты, где Мэври с готовностью подвинулась, освобождая ему место возле себя.

Стоило Тэлии вновь присоединиться к музыкантам, как Дирк тут же предложил ей спеть еще один дуэт. На сей раз ее не отпускали так долго, что ей пришлось сослаться на то, что у нее пересохло в горле, — только тогда ее место позволили занять кому-то другому.

Тэлия не замечала, как летит время, пока не поймала себя на том, что зевает с риском вывихнуть челюсть. Когда она попробовала прикинуть, сколько прошло времени, то поразилась.

Думая, что наверняка ошибается, Тэлия проскользнула к двери и высунула голову, глядя на восток. Точно, на горизонте уже виднелся первый проблеск ложного рассвета. До настоящего рассвета оставалось меньше часа.

Внезапно почувствовав, что падает с ног от усталости, она собрала свои вещи. Когда она кралась мимо, Дирк, полусидевший, опершись спиной о седло и несколько старых попон, казался спящим, но, когда Тэлия взялась за ручку двери, приоткрыл один глаз.

— Сматываешься? — спросил он тихо. Она кивнула, заглушая очередной зевок тыльной стороной руки.

— Понравилось? — Увидев ее блаженный кивок, Дирк улыбнулся одной из своих чудесных теплых улыбок, которые, казалось, обнимали Тэлию, оставляя всех и вся за пределами волшебного круга. — Я и сам скоро отправлюсь на боковую. Примерно к этому времени все затихает само собой. И не беспокойся насчет того, что тебя сегодня будут ждать на службе. Никто не будет в состоянии ничего заметить самое меньшее до полудня. Погляди вон туда. — Он повел бровью влево.

Тэлия с изумлением увидела королеву, одетую в старый, поношенный кожаный костюм:

Селенэй сидела, укрывшись плащом и непринужденно и доверчиво положив голову на плечо того самого немолодого рассказчика. В нескольких шагах от них устроился Альберих, вместе с Керен, Шерил и Джери приканчивая мех с вином.

— Как Селенэй и Альбериху удалось войти так, что я не заметила? — спросила Тэлия.

— Очень просто. Ты тогда пела. Ну, убедилась? Тебя никто не будет искать. Хорошенько выспись — и приятных тебе сновидений, Тэлия.

— И тебе, Дирк, — сказала она.

— Непременно, — ухмыльнулся он и снова закрыл глаза. — Они непременно будут приятными.

Глава 3

В то утро, против обыкновения, Тэлия спала долго и беспробудно. Возможно, потому, что непривычно много выпила накануне, а может, просто потому, что очень поздно легла. Так или иначе, проснулась она лишь тогда, когда солнце стало бить ей прямо в глаза.

Поскольку окно спальни выходило на восток, Тэлия поставила кровать так, чтобы изголовье пришлось точно под подоконником. Так она всегда могла дышать свежим воздухом, а лицо оставалось в тени до гораздо более позднего часа, чем она обычно вставала. Какой бы холодной ни выдалась зима, Тэлия никогда не закрывала ставни (запертые ставни вызывали у нее нечто вроде клаустрофобии), и от солнечного света ее защищало только оконное стекло да тонкое полотно занавесок. Сейчас окна были открыты, а занавески шевелил легкий ветерок.

Сонно щурясь на ярком свете, Тэлия поняла, что, должно быть, уже почти полдень, и, словно в подтверждение, сквозь открытое окно отчетливо донесся звон полуденного колокола Коллегии.

Да, она явно перебрала прошлой ночью: голова побаливала. Тэлия пробурчала себе под нос что-то насчет безмозглой кретинки и сунула голову под подушку, поддавшись искушению снова провалиться в сон. Однако ноющий зов долга (и еще более неотложная потребность посетить уборную) не позволили ей разлеживаться и дальше.

Вчера ночью — или сегодня утром? — Тэлия так устала, что еехватило лишь на то, чтобы стащить с себя одежду, свалить ее кучей на полу и рухнуть в постель. Теперь же, когда она немного проспалась, вся ее кожа зудела, требуя ванны. Голова чесалась. Во рту творилось такое, что лучше и не думать. Тэлия застонала. Определенно, пора было вставать.

Она вздохнула, вылезла из постели и принялась приводить себя в рабочее состояние.

Сидя на краешке кровати, она терла глаза до тех пор, пока они не стали с грехом пополам взаимодействовать и фокусироваться на предметах, потом потянулась за халатом, висящим на одной из стоек в ногах кровати. Запахнулась в него, собрала с полу одежду. Грязную засунула в корзину с крышкой: забрать ее и отнести в стирку входило в обязанности слуги, приставленного к Герольдам в этой части крыла, — роскошь, к которой Тэлии еще предстояло привыкнуть. Она была низкого происхождения, в детстве находилась на самом низу социальной лестницы, принятой в крепковерских семьях, и, попав в Коллегию, восприняла здешнюю традицию, что ученики сами себя обслуживают и на равных выполняют различные трудовые повинности, как нечто само собой разумеющееся. Она привыкла прислуживать сама, а не иметь слуг.

От гладких досок пола под босыми ногами шло приятное тепло, и Тэлия тут же решила, что в ее новом жилище не будет никаких ковров и дорожек. Ей нравилось ощущать подошвами нагретые солнцем половицы и нравилось, как светится в его лучах золотистая древесина.

Тэлия порылась в шкафу, перекинула через руку новый чистый комплект формы, другой рукой подхватила сверток с принадлежностями для мытья и направилась к двери.

Общая для всех обитателей башни умывальная находилась на нижнем этаже — еще один недостаток выбранного Тэлией жилья. Спуск был длинным, а мысленно представлялся еще длинней. Впрочем, Тэлия являлась сейчас единственной здешней постоялицей. Остальные комнаты либо остались невостребованными, либо их хозяева несли полевую службу в секторах.

Отворив дверь на лестницу, Тэлия сразу увидела приколотую с другой стороны записку. Потирая виски, чтобы унять ноющую головную боль, она спросила себя, кто бы мог так рано подняться после вчерашней пирушки. Сняла записку и на ходу просмотрела, спускаясь по ступенькам. То, что она прочла, заставило Тэлию остановиться как вкопанной и еще раз тщательно перечитать сообщение.

Записка была от Кирила.

« Я понимаю, что такое внезапное и срочное назначение — истинное безобразие, — писал он, — но прошлой ночью у нас возникла чрезвычайная ситуация. С Герольдом, объезжающим в настоящее время один из секторов, расположенных у северной границы, произошел несчастный случай, а у нас нет ни

одного свободного человека, знающего что-либо о том районе, чтобы послать на замену. Дирк не может — он уже назначен в другой приграничный сектор, где слишком нужен выросший в Приграничье Герольд, чтобы мы могли перенаправить его куда-то в другое место. Вот лучшее, что мы смогли придумать: поскольку Дирк уроженец тех мест, Крис довольно часто гостил там; ты же сама воспитывалась в Приграничье. Поскольку ты еще не получила назначения, мне подумалось, что направить тебя в тот сектор для стажировки в паре с Крисом могло бы оказаться очень удачным решением наших проблем. Однако это означает, что вам двоим придется выехать на север, как только будете готовы, — надеюсь, завтра. Пожалуйста, зайди ко мне сразу после полуденной трапезы — или как только прочтешь эту записку! — для беседы и кое-какого заключительного инструктажа».

Первая мысль Тэлии была малопочтительной и не слишком уместной. Она знала, что Кирил ушел с вечеринки не раньше нее; как же ему удалось продрать глаза, да еще и оказаться в состоянии искать выходы из кризисов, в такую чертову рань? Следующая оказалась уже ближе к делу. Завтра! Тэлия действительно не ожидала такого срочного назначения. Нельзя было терять времени; она побежала вниз, в умывальную. Меньше всего ей хотелось произвести на Кирила впечатление легкомысленной и некомпетентной.

Горячая ванна изрядно взбодрила Тэлию, а порция отвара из ивовой коры сняла головную боль. С некоторым туманом в мыслях она мало что могла поделать, но надеялась, что сознание того, что она не в лучшей форме, поможет это компенсировать. Чтобы не тратить времени на завтрак, Тэлия выпросила у Мера немного сыра, хлеба и фруктов. Все равно она была слишком взвинчена, чтобы позавтракать по-настоящему. Впервые ей предстояло встретиться в Кирилом, как с равным; до сих пор, хоть она и получила Белое, между ними по-прежнему во многом сохранялись отношения учителя и ученицы.

Перед тем как отправиться к Кирилу, Тэлия потратила несколько мгновений драгоценного времени на то, чтобы посоветоваться с Роланом. Досадно, что она не могла разговаривать со Спутником, как те из Герольдов, кто владел Даром мысленной речи, но даже простое соприкосновение с его сознанием прибавило ей спокойствия. Ролан заверил ее, что Кирил никак не мог ждать ее раньше, и отговорил от переодевания в последнюю минуту в парадную форму. А главное — успокаивало знание того, что Ролан наготове и поможет, если задание в самом деле окажется ей не по плечу. Почувствовав себя немного увереннее, Тэлия сбежала по ступеням башни и вошла в здание дворца.

Через несколько секунд она очутилась в его административной части. Перед дверью Комнаты Записей, служившей Кирилу кабинетом, Тэлия на миг приостановилась, чтобы собраться с мыслями и успокоиться. Одернула замшевую тунику, пригладила волосы, сделала глубокий вдох, один раз стукнула в дверь и вошла.

Комната Записей была настолько же чиста и опрятна, насколько кабинет декана Элкарта захламлен. В окна, выходившие на расположенные с западной стороны здания сады, лился солнечный свет. Оба окна были распахнуты настежь, и из сада доносился аромат цветов. Комната была битком набита книжными шкафами. Стол Кирила стоял точно под одним из окон, там, где наилучшее освещение. Сам Герольд сенешаля, облокотившись на подоконник, рассеянно наблюдал за прогуливающимися по саду придворными и явно ждал Тэлию.

— Сударь? — сказала Тэлия негромко, и Кирил повернулся к ней с приветливой улыбкой. Когда он отошел от окна, чтобы поздороваться, Тэлия заметила на столе нечто необычное: колчан, полный белых стрел.

Кирила порадовало, что Тэлия выглядит бодрой и готовой к любым трудностям. За последние несколько недель, поработав с ней, он начал всерьез верить всему, что говорили о Тэлии преподаватели Коллегии. Королевские Герольды всегда являлись в среде Герольдов личностями выдающимися, но Тэлия обещала стать выдающейся даже среди себе подобных. Кирил никак не мог понять, почему даже среди сотоварищей-Герольдов она пользовалась репутацией милого, но слегка недалекого создания. Лично он сомневался, что ему оказался бы по силам такой подвиг, как запоминание всех титулов и гербов в королевстве за три недели, которые имела в своем распоряжении Тэлия. Возможно, причина такого отношения к девушке крылась в том, что она до сих пор оставалась очень застенчивой и редко

заговаривала первой, если к ней не обращались. А может быть, причина была в ее умении находить общий язык с детьми, особенно с Наследницей престола: в людском представлении сильному материнскому инстинкту не всегда сопутствует высокий уровень интеллекта.

Опять же даже среди Герольдов — преподавателей Коллегии немногим довелось видеть настоящую Тэлию. Она, так сказать, мало кого подпускала к себе ближе, чем на расстояние вытянутой руки. Кирил сожалел, что до сих пор уделял ей так мало времени; к тому же порой его беспокоил ее странный Дар. Такая сильная эмпатия — а повидав Тэлию в деле, он знал ее силу — относилась скорее к числу Целительских Даров. Кирил испытал облегчение, когда Тэлия начала подолгу пропадать у Целителей: уж кто-кто, а они наверняка знали, как ее нужно обучать. Если бы только он смог выкроить время... и если бы Ильзу не убили...

Но Тэлия, похоже, отлично контролировала свой Дар, а если даже ее собственные ровесники и были склонны ее недооценивать, никакого вреда ей это, конечно, принести не могло.

Хотя возможно, что привычка не принимать ее всерьез не такая уж плохая вещь. Кирил ежедневно имел дело с обитателями дворца и членами Совета на протяжении уже примерно двадцати лет и знал, что такая недооценка может стать мощным и полезным оружием. Простодушный взгляд способен ввести людей в заблуждение, и они станут в присутствии Тэлии давать волю языкам. Нет, ее репутация может еще очень всем им пригодиться. Недобрые слухи о Тэлии, которые в последнее время доходили до него, Кирила, конечно, проживут недолго, как только люди начнут сопоставлять рассказы о кознях и ее репутацию милой и наивной простушки.

— Садись, садись. — Кирил показал на стул и сам взял другой. — Позднее бдение нисколько на тебе не отразилось. Помню мою первую пирушку Герольдов: я думал, похмелье не пройдет и за неделю! Надеюсь, ты хорошо провела время? — Тэлия застенчиво кивнула, и он улыбнулся снова. — Мне впервые удалось послушать, как ты поешь. Джедус, бывало, разжигал наше любопытство, хвастая твоими способностями. Он безусловно не преувеличивал! Прошлой ночью... по правде говоря, мне случалось слышать выступления Бардов, которые уступали твоему. Ты действительно поешь так хорошо, как утверждал Джедус, а может, и лучше. — Тэлия залилась краской, и Кирил усмехнулся. — Ну да это так, к слову. Я очень сожалею о нынешней спешке, но мы не любим надолго оставлять приграничные сектора без Герольдов; в данном случае дело не в том, что там существует потенциальная угроза неприятностей, а в том, что люди в том секторе и так чувствуют себя достаточно отрезанными от мира, особенно зимой. Им нужно знать, что они так же важны для жизни королевства, как и столичный сектор. — Он пристально посмотрел на Тэлию: ее реакция на такую речь скажет многое.

Во взгляде девушки явственно выразилось легкое удивление.

— Я... мне казалось, что в приграничном секторе всегда существует возможность неприятностей, — осмелилась заметить Тэлия. — Набеги из-за границы, разбойники — уйма проблем, даже если сами тамошние жители никаких хлопот не доставляют.

— В общем и целом верно, но в вашем будущем секторе граница проходит через Лес Печалей, а он немалая защита.

— Значит, рассказы о Проклятии Ваниэля — правда? — изумилась Тэлия. — Лес Печалей действительно защищает королевство? Но... как?

— Хотел бы я знать, — задумчиво, почти про себя ответил Кирил. — Древние знали нечто, что мы позабыли или утратили. В те времена они владели магией — настоящей магией, а не нашей магией мысли; Заклятие Правды — вот, пожалуй, и все, что нам от нее осталось. Проклятие Ваниэля до сих пор так же сильно в Лесу Печалей, как в тот день, когда он произнес его, испуская последний вздох. Ни одно существо, замышляющее вред королевству или его жителям, не протянет там больше пяти минут; я собственными глазами видел кое-какие доказательства тому. Когда-то, когда я еще не стал Герольдом сенешаля и нес полевую службу, я сам объезжал северные сектора. Я видел разбойников, насаженных на острые сучья, словно на копыя. Видел бандитов, умерших с голоду, провалившихся по пояс в твердую, как камень, землю, словно она разверзлась у них под ногами, а потом снова сомкнулась, как капкан. Больше того — и это было страшнее, чем все остальное, — я видел мертвых грабителей-варваров без единой отметины на теле, но с выражением совершенно невыносимого, безграничного ужаса на лицах. Не знаю, что с ними случилось, но

предполагаю, что они были в прямом смысле слова напуганы до смерти.

Тэлия, дивясь, покачала головой.

— Невероятно. Как может проклятие знать намерения человека?

— Я не могу этого объяснить; старые летописи тоже молчат. И тем не менее это правда. Ты, я, любой житель сектора может разгуливать по тамошним чащобам без малейшей опаски. Даже ребенок может пройти Лес из конца в конец и остаться совершенно невредимым, потому что даже хищные звери не трогают человека в Лесу Печалей... Что ж, Лес — единственная аномалия тех мест. Религия там довольно обычная: люди поклоняются Владычице в лице Астеры Звезд и Господу в лице Керноса Северных Огней; антиженские предрассудки отсутствуют. По существу, из-за Леса Печалей мы часто посылаем туда женщин: такой округ они могут объезжать и в одиночку. И Герольд, которого ты сменяешь, как раз женщина. Возможно, ты ее знаешь, она была на два курса старше тебя — Дестрия.

— Дестрия? Гавани... она не очень сильно пострадала? Что с ней случилось?

— Травма довольно серьезная, но жизни не угрожает. Она пыталась спасти полдюжины ребятишек во время паводка — край там суровый, Тэлия, в том-то и состоит главная трудность — и сломала обе ноги.

— Благодарение Владычице за Спутников.

— Аминь; если бы не Спутник, Дестрия несколько часов пролежала бы в талой воде, быть может, даже погибла бы от холода. Но ее Софи удалось доставить в безопасное место не только своего Герольда, но и всех детей. Все закончилось благополучно, если не считать переломов. Итак, вот вкратце суть ситуации, и, как я уже сказал, я приношу извинения за такую внезапность: уведомить заранее было невозможно. Надеюсь, ты не очень в обиде.

— Нисколько, — ответила Тэлия. — В конце концов, когда меня Избрали, все произошло еще внезапнее, не правда ли?

— Bravo, — усмехнулся Кирил. — Ну что ж, теперь переходим к причине, по которой я попросил тебя зайти сюда, а не встретился с тобой за обедом или не предложил собраться всем вместе — тебе, мне и Крису, — чтобы все обговорить. Я уверен, ты уже давно поняла, что есть вещи, которым мы не станем учить человека, пока он не получит Белое. То, что я сейчас тебе покажу, — наиболее строго охраняемый секрет Круга Герольдов. Тебя никогда не удивляло, что все Герольды обязаны научиться стрелять из лука?

— Я никогда над этим не задумывалась, — призналась Тэлия, немного озадаченная. — Но если разобраться, правило действительно немного странное. В бою мы не сражаемся вместе с королевскими лучниками: когда дело доходит до драки, мы обычно бьемся мечами или врукопашную. Охотиться ради пропитания, когда объезжаешь округ, обычно тоже не приходится: мы либо везем припасы с собой, либо получаем их на остановках. Так зачем же нам учиться обращаться с луком?

— Затем, чтобы иметь повод постоянно возить с собой стрелы, — ответил Кирил. — Не каждый может дотянуться мыслью так же далеко, как я; видит Владычица, если бы могли, все намного бы упростилось, поскольку есть множество случаев, когда обычные средства передачи сведений совершенно не годятся. Нам нужно иметь простой и абсолютно надежный способ передачи простых сообщений, но он должен быть гарантирован от подделок. Вот почему мы разработали Код Стрел, и до сих пор еще никому не удалось его разгадать. А начинается он вот с чего...

Кирил умело и ловко обрывал бородки на оперении простой белой стрелы, которую он извлек из колчана. Тэлия видела, что он тщательно следит, какие бородки где отрывать, и все же, когда он закончил, стрела выглядела так, словно с ней просто немного небрежно обращались.

— Так вот почему у всех наших стрел оперение из перьев олуши! — осенило Тэлию.

— Правильно. Достать их гораздо труднее, чем гусиные, но бородки такие толстые, тяжелые и ровные, что можно сделать оперение на всех стрелах, что мы везем, абсолютно одинаковым. И — есть возможность в буквальном смысле слова считать бородки для кода. Вот это — мой узор. Он зарегистрирован здесь, среди секретных Записей, и даже тут, для пущей безопасности, записан тайнописью. Если не считать Записей, он известен только четверым: королеве, сенешалю, Элкарту и

Терену, который когда-то был моим напарником. Кроме меня самого, только королева, сенешаль и Элкарт умеют понимать скрытый в узоре шифр. Когда ты закончишь стажировку, то получишь ключ к расшифровке; Королевскому Герольду также положено его знать. Лишь двое знают узор каждого Герольда наизусть: я и Элкарт. Теперь ты понимаешь, почему одно из главных требований для наших с ним должностей — отличная память!

Тэлия улыбнулась и закусила губу, чтобы сдержать смехок.

— Данный узор удостоверяет, что сообщение, которое содержит цвет ободка на стреле, исходит от меня и ни от кого иного. Теперь смотри... — Кирил достал из колчана вторую стрелу и, оборвав часть бородок, изобразил другой узор, — вот это — твой шифр. Когда я удостоверюсь, что ты сможешь воспроизвести его в темноте и держа стрелу за спиной, я дам тебе общее представление об остальной части кода.

Тэлия была несколько ошарашена, поняв, что Кирил говорил серьезно. Прошло несколько часов, прежде чем она смогла выполнять свою кажущуюся несложной задачу, не видя стрелы, над которой трудится, и даже не особенно задумываясь, достаточно быстро и точно, чтобы Кирил остался доволен. Тем временем лучи солнца ползли по его столу, и сосущая пустота в желудке напомнила Тэлии, что с того момента, когда она ела в последний раз, прошло уже немало времени.

Наконец Кирил объявил, что удовлетворен ее успехами, и позволил дать отдых усталым пальцам, пока он будет объяснять оставшуюся часть кода.

— Остальное, — сказал он, — немного сложнее, хотя мы постарались, чтобы значение цветов легко запоминалось. По дороге в сектор Крис обучит тебя коду полностью, но вот что, в общих чертах, означает простая одноцветная полоска. Белый цвет значит, что ничего тревожного нет — «все хорошо, вперед». Обычно им пользуются просто для того, чтобы сообщить, что поблизости находится еще один Герольд и кто он. Зеленый — просьба прислать Целителя, пурпурный — священнослужителя, серый — еще одного Герольда. Коричневый говорит получателю, что он должен ждать сообщения: возникли неприятности, не серьезные, но нечто требующее выяснения и могущее вынудить посланного стрелу Герольда изменить свои планы. Синий означает «предательство». Желтый — просьба о военной помощи, количество желтых полосок на стрелах говорит, сколько требуется сил: если ты посылаешь все стрелы с желтой каемкой, какие у тебя есть, а мы точно знаем, сколько их у тебя, мы понимаем, что надо посылать всю армию! Красный означает «страшная опасность — скорее на помощь». И есть еще черный. Кирил помедлил, глядя Тэлии в глаза. — Молю Гавани, чтобы тебе никогда не пришлось посылать черную стрелу, Тэлия. Если ты посылаешь любую из стрел с черной полоской, это означает смерть или несчастье — в прошлом или в будущем. И есть вариант кода с черной стрелой, который тебе тоже следует узнать сейчас, а не потом. Нетронутая, не считая узора на оперении, черная стрела означает «полная катастрофа, нуждаюсь в помощи или спасении». Сломай стрелу, пошли обломки — и мы поймем: «случилось несчастье, надежды нет. Не пытайтесь спасти». Обломи наконечник, и ты сообщишь, что тот, чей узор изображен на оперении, мертв. Сломанная стрела, стрела без наконечника — они, в сущности, могут быть любого цвета, лишь бы имелся узор на оперении. Эти два сообщения мы всегда понимаем... и не хотели бы получать никогда.

Тэлия почувствовала, как по спине пробежал странный холодок, и внезапно жаркий солнечный день необъяснимым образом показался серым и холодным. Она стряхнула тягостное ощущение и слово в слово повторила все инструкции.

— Вот и все, — сказал Кирил удовлетворенно. — Теперь ты подготовлена к первому заданию не хуже, чем был в свое время любой из нас — а ты один из лучших Герольдов, каких когда-либо выпускала Коллегия. Ты должна отлично справиться, даже несмотря на то, что задание будет нелегким. Удачи тебе, Тэлия; до встречи через полтора года.

Тэлия попрощалась и, невзирая на голод, решила, что надо бы разыскать Криса. Исходя из ситуации, в первую очередь она решила заглянуть в сарай для сбруи. В конце концов, Крис только что вернулся с поля; первым его побуждением наверняка будет убедиться, что весь ремонт, который требуется для снаряжения его Спутника, уже произведен. Она оказалась права: ее будущий наставник в компании Дирка проверял сбрую и снаряжение.

Дирк, чуткий, как лесной зверь, к любому движению или шороху, заметил Тэлию первым.

— Да это наша певчая птичка! — добродушно сказал он, одарив ее одной из своих чудесных улыбок, которые казались почти объятием. — Полагаю, ты уже все знаешь? И Кирил дал тебе код?

Тэлия кивнула, чувствуя странную робость, и принялась искать еще ни разу не использованное полевое снаряжение Ролана. Оно напоминало сбрую, которая была на Спутнике, когда он нашел Тэлию возле Усадьбы крепковеров, с той разницей, что бубенчики теперь были съемными, а седло — чуть более сложной конструкции. Помимо обычной подпруги у него имелись наперсный и подхвостный ремни, как у воинских седел, гораздо большее число пряжек для приторочивания различных предметов и система колец и ремней, посредством которых всадника — больного, раненого или, быть может, потерявшего сознание — можно было надежно привязать к седлу.

Вблизи Коллегии Тэлия вообще редко удосуживалась седлать или взнуздывать Спутника, однако знала по опыту — как своему, так и Ролана, — что седло окажется очень важным для их обоюдного удобства, если поездка продлится более часа. А как показало ее чуть не ставшее роковым приключение с падением в реку, бесполезные во многих отношениях поводья имели иные функции, нежели управление Спутником. Например, будь тогда на Ролане надета уздечка, Тэлия смогла бы намотать повод на руку и предоставить Спутнику выволочь себя на берег.

— Ну как, все в порядке? — спросил Крис.

Она утвердительно кивнула, чувствуя себя неуклюжей и косноязычной. А ведь от долгого путешествия, которое ей предстояло провести главным образом в его обществе, их отделяло меньше суток.

— Крис и я еще не позаботились получить на тебя довольствие, — сказал Дирк с лукавой ободряющей усмешкой, словно чувствуя ее переживания, — Мы ждали, когда ты нас догонишь.

— Мы — Крис поднял на напарника бровь. — Что еще за «мы»? Она вообще-то, знаешь ли, мой стажер.

— А кто половину времени не может вспомнить, сколько верст до его сектора, нужны или нет высокопитательные рационы и даже куда он едет?

— Ответь сам; я не знаю ни одного человека, подходящего под такое описание, — ухмыльнулся Крис.

Дирк испустил тяжелый вздох.

— Неблагодарность, вот как это называется. Ладно, решетоголовый, давай-ка отправимся с твоим стажером Тэлией к интенданту и покажем ей всю процедуру.

Они выстроились так, что Тэлия оказалась между ними, и прогулочным шагом направились из той части дворца, где располагалась Коллегия, в часть, отведенную Страже. То есть прогулочным шагом двигались Дирк и Крис, а Тэлии приходилось прилагать немалые усилия, чтобы не отстать от них. Она постоянно чувствовала короткие теплые взгляды, которые искоса бросал на нее Дирк всякий раз, когда думал, что она не видит. Тэлия не привыкла подвергаться столь внимательному осмотру, и он вызвал у нее легкую — не то чтобы неловкость, а, пожалуй, неуверенность.

Подобно Герольдам, Стражи получили в свое распоряжение часть дворца, хотя ничего похожего на Коллегию у них не было. Имелся только учебный центр и, помимо офицерских квартир, общие казармы, а также ряд небольших помещений, где размещались службы. Поскольку потребности Герольдов и Стражи по части снабжения во многом совпадали, интендант Стражи также отпускал необходимое на первое время довольствие отбывающим на полевую службу Герольдам. Все остальное они могли получить в поле, на специальных Пунктах Пополнения Припасов.

Вход в помещения служб Стражи располагался прямо в тени стены, опоясывавшей весь комплекс дворца и Коллегии. В маленькой комнате за столами, стоящими в буквальном смысле впритык друг к другу, сидела, склонясь над кипами бумаг, добрая дюжина офицеров, но Крис и Дирк, по-видимому, точно знали, к кому обратиться. Тэлия следовала за ними; они пробирались между столами, как по лабиринту, а офицеры, чьей работе они невольно помешали, либо бросали на них сердитые взгляды, либо дружески подмигивали. Направлялись они к столу, стоявшему в самом дальнем конце комнаты; восседавший за ним седой старик-ветеран выглядел как-то неуместно среди молодых, явно городского вида офицеров. Он

казался погруженным в свои бумаги, но, завидев Герольдов, поднял голову и широко осклабился.

— Че, уже обрыдли наши рожи? — насмешливо осведомился он. — Или объявился чей-то сердитый батя, которому охота поглядеть, красна ли у Герольдов кровушка?

— Ни то, ни другое, старый пират, — ответил Крис. — На севере появилась брешь, которую надо закрыть, и Кирил в своей бесконечной мудрости постановил, что для данной цели лучше всего подходим мы.

Изрезанное морщинами лицо старика разом посуровело.

— Я не слыхал Колокола...

— Не волнуйся, Леврис, никто не погиб, — заверил его Дирк. — Обошлось парой сломанных ног — так, по крайней мере, я слышал. Тэлия, познакомься: Леврис, интендант Стражи, и как такового его частенько видят те из нас, кто объезжает округа.

Седоголовый ветеран встал, взял руку Тэлии и склонился к ней в изящном, почти придворном поклоне.

— Твой приход для меня радость, — сказал он серьезно, и Тэлия покраснела. — И честь. Ты, здается мне, Королевский Герольд...

— Совершенно верно, — сказал Крис, у которого подрагивали углы рта. — Она — мой стажер.

— Вона как? — Леврис выпустил руку Тэлии, подбоченился и сурово воззрился на Криса. — Не вздумай пробовать заводить с ней свои всегдашние шуры-муры, парень, не то, коли прослышу...

Теперь настала очередь Криса краснеть, а Дирка прятать усмешку.

Тэлия решила прийти на выручку напарнику.

— Герольд Кирил, несомненно, не дал бы нам совместного назначения, если бы думал, что из него может произойти какой-нибудь вред, — заметила она. — И нас ждет служба, а не увеселительная прогулка.

— Оно верно, — неохотно признал Леврис, снова усаживаясь за стол. — Ну так — который сектор?

— Северная граница, Печали-Два, — ответил Крис, — И, поскольку мы не встретим сменяющегося Герольда, нам нужен полный комплект.

— К завтраму, я чай? И вам, как пить дать, понадобятся специальные рационы. В другой раз могли бы и предупредить человека загодя! — ворчал интендант, но глаза у него улыбались.

— Конечно, Леврис. Мы непременно станем впредь составлять расписание, когда ломать ноги... и постараемся сделать его удобным для тебя.

— Глядите, не забудьте, — хохотнул Леврис; потом вытащил с полдюжины бланков и заставил Криса и Тэлию все их подписать. Наконец они поставили последний росчерк, и интендант велел им «проваливать откуда пришли».

— Ну, вот и все, — сказал Крис, когда они вернулись в крыло Коллегии. — Утром у него будет готово все, что нам потребуется.

— При условии, что Герольда Лентя удастся уговорить подняться в такую рань, — ухмыльнулся Дирк.

— Теперь, когда ты проверила снаряжение, тебе осталось только уложить вещи, — продолжал Крис, игнорируя подковырки приятеля. — Помни, что там, куда мы едем, холода наступают раньше, длятся дольше, да и морозы сильнее. Там сейчас уже опадают листья, хотя здесь они еще только-только начали желтеть. Будем рассчитывать на то, что останавливаться станем в Путевых Приютах вблизи деревень; нам ни к чему слишком удаляться от человеческого жилья, если не будет такой необходимости.

— Тем не менее, — предостерег обоих Дирк, — рассчитывайте лучше на то, что придется провести несколько ночей в глуши, в одиночестве. Я жил в тех местах, а вы нет. Деревни там разбросаны далеко друг от друга, и снежные бури налетают откуда ни возьмись. Пурга может застигнуть вас там, где не окажется поблизости Путевого Приюта, так что возьмите с собой припасы на крайний случай: если они вам не пригодятся, ничего страшного, зато если понадобятся — не нарадуетесь, что подстраховались и взяли.

Вспомните самый сильный снегопад, который видели в жизни, — а потом представьте, что будет еще хуже.

— Слушаюсь, о седобородый! — Крис скорчил ему рожу. — Святые Звезды, Дирк, я достаточно часто гостил у тебя дома! Ты так суетишься, что можно подумать, что мы оба зелены, как молодая травка, и совершенно необучены. Тэлия тебе не хрупкий высокородный цветок, она тоже из Приграничья, пусть ее родные места и расположены южнее твоих.

— Ну, лучше лишний раз напомнить...

— Брось, старик, угомонись. Все будет отлично! Ведешь себя так, словно ты мне нянька, а не напарник. — Крис хитро покосился на Тэлию, которая явно чувствовала себя не в своей тарелке. — Или ты печешься о ком-то другом?

Судя по удивлению на лице Криса, даже он не ожидал такой реакции; Дирк вдруг покраснел так, что даже глаза налились кровью.

— Слушай, — поспешно сказал он, — я просто не хочу, чтобы вы двое попали в какую-нибудь передрыгу. Ты проиграл мне слишком много пари, и мне бы не хотелось пытаться взыскать должок с твоего отца-лорда! Тебе еще нужны советы, Тэлия?

— Н-нет, — ответила она с запинкой. — Во всяком случае, не думаю. Спасибо вам обоим. Лучше пойду к себе укладываться.

— Не забудь — брать только Белое, больше ничего! — крикнул ей вслед Дирк. — В поле ты каждую минуту на службе. И никаких финтифлюшек! Только попортишь!

« Напрасно он сказал насчет „финтифлюшек «, — подумала Тэлия немного обиженно. — В конце концов, я не какая-нибудь глупая городская девчонка!“ А потом мимолетно подивилась, с какой стати ей так важно хорошее мнение Дирка.

Отгнав непрошеную мысль, Тэлия взбежала по ступеням башни и перерыла свой шкаф, выкладывая на постель все белое, что там попадалось. Так она не проглядит тунику или какой-нибудь другой предмет одежды, который может оказаться нужным в поле.

Упаковывала она только замшу, как зимние, так и летние комплекты, — но уж уложила все, что имела, до последнего лоскутка.

« Хотя, если судить со слов Дирка, — подумала она ехидно, — можно подумать, что там никогда не бывает тепло».

К одежде она добавила все принадлежности для починки кожи и упряжи, а затем для ровного счета приобщила к поклаже запечатанный горшочек с клеем — просто на всякий случай. Раньше, в Усадьбе, не раз случалось так, что, когда Тэлия пасла овец вдаль от дома, ей вдруг требовался клей, но его под рукой не оказывалось. Она уложила также игольницу с нитками и кусок твердого едкого мыла особого сорта, необходимого, чтобы поддерживать первозданную чистоту Белого, — на случай, если когда-нибудь придется чинить и стирать самой. Конечно, обычно о таких вещах заботились деревенские прачки, но никогда не знаешь наперед, как обернется дело. Тэлия добавила маленькую металлическую походную лампу и запасные фитили, поскольку ни разу не видела ламп в Путевых Приютах, а если им придется провести там не одну ночь, свет лампы для глаз не так утомителен, как свет очага. Потом — обувь, оружие, одна-две любимые книги, кое-какие письменные принадлежности. За ними последовала скатанная постель и все запасные одеяла, которые Тэлия смогла найти, а заодно — два запасных полотенца в дополнение к тем, что она уже уложила, и пара тапок из толстой овчины. Снаряжение Ролана хранилось вместе с его сбруей, но Тэлия все равно взяла склянку с феррисовым маслом: Ролану оно нравилось, оно было полезно для копыт и шкуры и отгоняло насекомых.

Даже когда она уложила и умяла все так плотно, как только могла, поклажа все равно выглядела обескураживающе громоздкой. Тэлия почти в отчаянии глядела на неуклюжие тюки, пытаясь придумать, что бы еще оставить. Крис наверняка сочтет, что она идиотка, раз хочет тащить с собой весь этот скраб!

— Хорошо уложилась, молодец, — сказала Керен от распахнутой двери за спиной Тэлии. — Я собиралась прийти и помочь тебе отсеять все лишнее, но, похоже, я здесь не нужна.

— Ты шутишь или серьезно? — спросила Тэлия, с облегчением поворачиваясь навстречу более опытному Герольду.

— О, вполне серьезно. Когда я отправлялась на стажировку, мой наставник заставил меня три раза переупаковывать вещи, но мне так и не удалось добиться того, чтобы моя поклажа была так мала — мне вспоминались все новые вещи, которых, я не сомневалась, мне будет не хватать в поле. И знаешь что? Кончилось тем, что большинство из них я отправила обратно в Коллегию.

— Но как же Ролан унесет все это, тук со снаряжением и провизией и меня в придачу?

— Успокойся, ему и не придется. У вас на каждого будет по вьючному животному, вероятно, мулу. Ну, может, и нет: вы ведь едете на север, так что вам, возможно, дадут чирр. Разве тебе никто не сказал? Вы же объезжаете округ, а не везете сообщения, так что скорость вам ни к чему. Вы можете совершенно спокойно подстраиваться под резвость своей вьючной скотины, ничего притом не теряя. Тэлия испустила вздох облегчения.

— Мне никто этого не говорил. Крис либо решил, что я и так знаю, либо умолчал нарочно, чтобы я брала поменьше поклажи.

— Ну, теперь, когда ты знаешь, не ударься в другую крайность.

— Не ударюсь. По существу, кроме еще пары одеял и подушки, которые я хочу выпросить у интенданта, всех трех пар сапог и дополнительного запаса полотенец, мыла и тому подобного, я хочу добавить к грузу еще только одну вещь. — Тэлия запихнула в тук третью пару сапог, завязала его и повернулась к углу возле очага. Там, на том же месте, где Тэлия ее оставила прошлой ночью, по-прежнему в футляре, стояла Сударыня. Тэлия открыла футляр, отпустила струны, чтобы ничего не случилось в дороге, и приобщила арфу к куче пожитков.

— Хорошая мысль, — сказала Керен. — Вас в любое время может завалить где-нибудь снегом, а музыка поможет вам не перегрызть друг другу глотки со скуки. И еще: тамошний люд редко видит Бардов, разве что летом. Вы будете для них просто подарком богов.

— Керен... Я... — У Тэлии внезапно стал ком в горле. Лишь сейчас до нее дошло: она уезжает, покидает единственное место, где она чувствовала себя дома, и единственных друзей, которые у нее были на целом свете. — Я буду скучать по тебе.

Керен протянула руки и взяла ее за плечи.

— Не волнуйся. У тебя все будет хорошо. Я знаю. Крис — хороший парень, разве что чуточку слишком хорошо знает, что красив. Маленький кентавр... я тоже буду по тебе скучать. Но не смей плакать... — предостерегла она, сама колеблясь между смехом и слезами, — не то расплачусь я! Ну давай, мы едва успеем захватить конец ужина, а ты, должно быть, голодна так, что сжевала бы седло!

Ужин прошел в довольно подавленном настроении: почти все уже давно поели и ушли, а из оставшихся Тэлия по-настоящему хорошо знала только Керен. Тэлия все время оглядывалась по сторонам, понимая, как сильно будет скучать по Коллегии, которая стала для нее первым настоящим домом.

Она ожидала, что после ужина Керен с ней расстанется, но, к ее удивлению, та настояла на том, чтобы Тэлия на минутку зашла к ней. Тэлия удивилась еще больше, когда Керен пропустила ее в дверь вперед себя.

Потом она увидела, кто ждал их за дверью: народу собралось столько, что комната Керен едва вмещала всех, — Элкарт, Шерил, Джери, Скиф, Терен, даже Альберих. Деван в своем одеянии Целителя великолепным зеленым пятном выделялся на фоне белых одежд Герольдов; студентов достойно представляла Элспет. Тэлия заколебалась на пороге, и Керен втолкнула ее в комнату.

— Не думала же ты, в самом деле, что мы отпустим тебя, не попрощавшись как следует? — поддразнил Скиф Тэлию, таращившуюся в немом изумлении. — Кроме того, я тебя знаю — ты твердо решила провести последнюю ночь в Коллегии, предаваясь хандре, тоске и одиночеству. Гусыня! Так вот, мы ничего подобного не потеряем!

Поскольку Скиф точно угадал ее намерения, Тэлия зарделась как роза и показала приятелю язык.

Как только до него дошла весть о полученном Тэлией назначении, Скиф, отлично знавший ее обыкновение отгораживаться от друзей именно тогда, когда она больше всего в них нуждается, отправился к Керен. Они вдвоем посовещались и быстренько организовали маленькую «отвальную», призванную не дать Тэлии напоследок загрустить. Увидев выражение ее лица в момент, когда Тэлия поняла что к чему, Скиф почувствовал себя более чем вознагражденным за старания.

Весь вечер он из кожи вон лез, непрерывно излучая ощущение того, как много для него значит его «сестренка», зная, что Тэлия воспримет его эмоции. Радость в ее глазах сказала ему, что он хотя бы начал честно расплачиваться с ней за помощь, оказанную прошлой ночью. В некотором смысле Скиф был сейчас даже рад, что они так и не стали любовниками, ибо, в конечном итоге, немного могло бы сравниться с открытыми, теплыми отношениями, сложившимися между ними в итоге. И он сильно подозревал, что Тэлия того же мнения.

— Ну-с, птичка-певунья, как насчет мотивчика-трех?

Хотя нынешняя вечеринка немного уступала вчерашней в праздничности, все было нацелено на то, чтобы успокоить Тэлию и внушить ей чувство уверенности в завтрашнем дне. Каждый из присутствующих, за исключением Девана и Элспет, прошел через стажировку, и каждый знал какой-то способ сделать перспективу положительной. Было много смеха, уйма забавных историй и осязаемая атмосфера любви и заботы. Тэлию отправили в постель довольно рано, чтобы она смогла хорошенько выспаться, и она ушла с улыбкой на лице.

Поздно вечером того же дня Крис услышал стук в дверь и открыл, ожидая увидеть Дирка; он даже уже достал бутылку вина и два бокала, полагая, что напарник не преминет заглянуть вечером, чтобы выпить и поболтать на прощание. И был немало поражен, увидев в тускло освещенном коридоре вместо Дирка своего дядю-Советника, лорда Орталлена.

Ему удалось, запинаясь, выдать удивленное приветствие, которое Орталлен воспринял как приглашение войти. На все еще красивом, с квадратным подбородком лице седовласого, облаченного в бархат вельможи застыло серьезное выражение, так что у Криса появилось сильное подозрение, что визит объясняется не только желанием попрощаться с племянником.

Он подвел дядюшку к самому удобному креслу в комнате и, прежде чем занять кресло напротив, налил Орталлену бокал предназначенного для Дирка вина.

— Итак, дядя? — спросил он, решив, что слишком устал для дипломатических выкрутасов. — Что привело вас сюда? Я знаю, что вы пришли не просто ради душевного прощания.

Его прямо заставила Орталлена приподнять одну бровь.

— Насколько я понимаю, твой стажер — новый Королевский Герольд. Крис пожал плечами.

— Это ни для кого не секрет.

— Насколько хорошо ты ее знаешь?

— Совсем не знаю, — признался Крис. — Два раза видел, один раз работал с ней. Она кажется вполне милой... очень уравновешенной; вот и все. У нее необычный Дар, но...

— Именно он меня и беспокоит. — Орталлен прямо-таки вцепился в его слова. — Ее Дар. Судя по тому, что я смог узнать ото всех, он действительно весьма необычен для Герольда, а тем более для Королевского Герольда. Похоже, он из числа тех, о которых сами Герольды знают крайне мало, и я отнюдь не в восторге оттого, что такой важный пост занимает неопытный ребенок, обладающий столь... неординарными силами.

— Ее Избрал Ролан, — ответил Крис, насторожившись. — Это должно быть достаточным доказательством того, что она способна с этими силами справляться.

— Да, но... эмоции... такая зыбкая сфера. Там нет ничего черно-белого, только серое. При дворе ходят слухи...

— Например?

— Что она внушила Наследнице престола неестественную зависимость от себя. В конечном счете, девочка действительно подвержена такого рода вещам. Именно ее неестественная зависимость от иноземной няни, Хулды, прежде всего и привела к тому, что она чуть не была отвергнута. Ходят и другие слухи.

Крис проглотил уже готовый сорваться сердитый ответ: пусть лучше дядюшка выскажется до конца.

— Продолжайте.

— Что Тэлия использовала свои силы для того, чтобы влиять на Совет; ты сам можешь представить, как легко она могла бы это сделать. Если Советник колебался... было бы очень легко направить его эмоции в нужное русло, сделать так, чтобы ему больше понравилась та или иная сторона дела. Или даже не так... просто ощутить его колебания и использовать свое знание с тем, чтобы уговорить его более обычным способом. Зная состояние членов Совета, она могла бы легко манипулировать ими, просто меняя тон голоса...

— Абсурд! Ни один Герольд никогда не стал бы использовать свой Дар подобным образом!

— Так думал и я, — вкрадчиво согласился Орталлен. — Но... единственные, у кого еще встречается Дар эмпатии, — Целители, а они применяют его в весьма специфических и гуманных целях. Среди Герольдов соответствующих правил его использования нет. И, племянник... что, если она действительно не отдавала себе отчета в том, что пользуется своими способностями? Такие силы — нематериального свойства, их нельзя взвесить, измерить или взять в руки. Что, если она прибегала к их помощи, сама того не осознавая?

На Криса словно вылили ушат холодной воды.

— Я... полагаю, такая возможность существует, хоть и очень незначительная. Не думаю, чтобы это было хоть сколько-нибудь вероятным, но не могу полностью отмести такую возможность.

Орталлен поднялся, кривя губы в удовлетворенной улыбке.

— Такой ответ я и надеялся от тебя услышать. Я рассчитываю на то, что ты, племянник, сможешь успокоить дух сомнения. В течение следующих полутора лет ты будешь с ней днем и ночью, и я уверен, что по возвращении сможешь сказать мне, что все слухи — не более чем пустые бредни.

— Уверен, что смогу, дядя, — ответил Крис, провожая его к дверям, но в глубине души отнюдь не чувствуя особой уверенности.

Когда Тэлия проснулась, был еще ложный рассвет; она торопливо оделась и обнаружила, что кто-то оставил под дверью поднос с завтраком. Едва она успела с ним расправиться, как по косяку тихонько постучал Страж и пояснил, что пришел помочь ей снести вниз поклажу. С его помощью Тэлии удалось дотащить все вещи к сараю для сбруи за один заход.

Когда она вошла, ее ослепил яркий свет горевших вдоль стен масляных ламп. В самом центре помещения ее ждал Ролан; его снаряжение грудой лежало подле. Рядом стоял еще один Спутник-жеребец, и, когда они со Стражем подошли поближе, Тэлия увидела ноги Криса, полускрытого корпусом Спутника. Возле них стояла пара стреноженных и в высшей степени необычных выючных животных.

Тэлия никогда раньше не видела чирр, кроме как на картинках, поскольку толстая шуба этих животных делала лето в Коллегии чересчур для них тяжелым. Тут чирр не держали; на севере у Круга имелась ферма, где их разводили, а в Коллегию доставляли только в редких случаях вроде нынешнего. Если бы дела шли обычным порядком, для первой части путешествия Крис и Тэлия получили бы мулов из конюшен Коллегии. Потом они встретились бы со сменяющимся Герольдом на краю сектора и обменяли бы своих мулов на его чирр.

Тэлия обнаружила, что картинки и описания не могут полностью передать очарование северных зверюг. Ростом чирры доходили лошади до плеча, но благодаря гораздо более длинной шее их голова находилась вровень с головой сидящего на лошади человека. Вместо копыт у них были когтистые лапы, похожие на собачьи, если не считать того, что они имели почти круглую форму и оказались гораздо

больше, чем Тэлия ожидала, исходя из размеров их обладателей. Обе чирры были кремово-белого цвета с черными отметинами: у одной имелось маленькое, похожее на шапочку, пятно на макушке и под пару ему еще одно, наподобие чепрака, на спине, а у другой — воротничок из черной шерсти, охватывающий шею и спускающийся на грудь. Уши были большие, вроде кроличьих, но более круглые, со свисающими кончиками. Располагались они на макушке и были направлены вперед. Морды чирр смутно напоминали кроличьи. Карие глаза оказались очень большими, ласковыми и умными. Когда Тэлия приблизилась к чиррам, протянув руку, они тщательно обследовали ее, а затем по очереди вежливо пофыркали в ладонь.

Крис уже почти кончил проверять животных и сбрую.

— Очаровательны, верно? Тебе кто-нибудь когда-нибудь рассказывал, как им удастся выжить в снежные бури? У них три слоя меха, — сказал он, согнувшись и подтягивая подпругу вьючной упряжи, полускрытый корпусом чирры. — Наружный — длинный, грубый и почти водонепроницаемый: на нем даже иней не образуется. Средний — короче и не такой грубый. Внутренний — тот, что каждый год линяет: плотный, очень мягкий и тонкий, и именно он главным образом их и согревает. Нам придется каждый вечер тщательно их расчесывать, чтобы шерсть не свалялась, не то она не сможет ни греть, ни защищать от сырости.

— А зачем им такие большие лапы?

— Чтобы снег держал; они смогут идти по снежному насту, сквозь который Спутники будут проваливаться. — Крис передвинулся к голове своей чирры и взял переднюю лапу животного, добродушно пощипавшего ему в волосы. — Смотри, видишь шерсть между пальцами? Если ты думаешь, что у них сейчас большие лапы, погоди, пока они растопырят их на снегу. Можно подумать, что от шерсти никакого проку нет, но он есть, как от плетенки на снегоступах. Я безусловно предпочитаю чирр мулам в любом климате, который для них пригоден. У них ласковый нрав, и они к тому же весьма умны. Если мул артачится, в половине случаев нельзя сказать, дурит ли он просто из упрямства или что-то действительно не в порядке. А чирра никогда не заупрямится без серьезной причины.

Стоявшая рядом с Тэлией чирра вытянула шею и ткнулась носом ей в руку, явно прося приласкать.

— А сколько они могут унести? — спросила Тэлия, послушно принимаясь чесать чирру за ушами. Та издала счастливый вздох и закрыла глаза от удовольствия.

— Почти половину того, что весят сами — столько же, сколько мул, или больше. Ну, посмотри на вьюки, которые на них сейчас, и поймешь.

Размеры тюка, который подручные конюха навьючивали на чирру, которую она чесала за ушами, поразили Тэлию. Сама же чирра, казалось, не ощущала ни малейшего неудобства.

Крис оглядел животное, потом глянул на тюки, которые Тэлия принесла с собой из дому.

— Ты вполне можешь навьючить на нее и свои пожитки, Тэлия. Не бойся, она умная. Если груз окажется ей не под силу, она просто ляжет и будет лежать, пока мы не снимем часть поклажи.

К облегчению Тэлии, чирра не выказала ни намека на желание улечься после того, как поверх припасов и провизии приторочили еще и ее вьюки. Крис позаботился о распределении остальной части снаряжения и собственных пожитков, а Тэлия убедилась, что упряжь чирры затянута туго, но удобно, ничего не перекручено и не мешает.

Она сама взнуздала и оседлала Ролана, потом еще раз перепроверила свою работу и вполголоса спросила у него:

— Ты не против того, чтобы путешествовать с этими зверюшками?

Спутнику, казалось, было приятно, что Тэлия его спросила, однако он передал ощущение, что вполне доволен вьючными животными. Тэлия без слов получила отчетливое впечатление, что холодными зимними ночами общество чирр с их теплыми шубами будет более чем желанным.

Тэлия прикрепила повод чирры к пряжке позади задней луки и села в седло. Долей секунды позже очутился в седле и Крис.

— Готова? — спросил он.

— Думаю, так же готова, как и любой стажер.

— Тогда поехали.

Глава 4

Крис возглавлял отряд: по городу предстояло двигаться гуськом. Тэлия с Роланом последовали за его чиррой за ворота, ведущие со двора, мимо зданий Коллегии и дворца, мокрых и молчаливых в свете раннего утра, затем вниз по мощенной булыжником дороге к железным воротам, ведущим уже непосредственно на городские улицы, — по той самой дороге, вверх по которой Тэлия проехала пять с половиной лет назад. Она оглянулась через плечо, чтобы бросить прощальный взгляд на такие родные и знакомые каменные здания, гадая, какой она будет, когда увидит их снова.

Стражник выпустил их за ворота; до рассвета оставался еще почти час, и народу на улицах пока попадалось немного. Двигаясь по длинной спирали, путники сначала миновали прилегающие ко дворцу жилые кварталы, застроенные огромными особняками наиболее высокопоставленных вельмож; некоторые из резиденций даже соперничали размерами с Коллегиями Бардов или Герольдов, хотя и уступали самому дворцу. Их сменили стоявшие гораздо более тесно дома зажиточных горожан: купцов, мастеров и верхушки Гильдий. В отличие от дворца и особняков знати, возведенных из того же серого гранита, что и городские стены, их строили из дерева.

Поскольку земля в черте города ценилась весьма высоко, постройки скучились так тесно, что почти соприкасались крышами, и, когда требовалось расширить жилье, единственным возможным направлением строительства оказывалось вверх, что порой приводило к весьма причудливым архитектурным последствиям. На постройку большей части здешних домов пошел железный дуб, древесина которого почти не уступала твердостью и прочностью стали, но на том всякое сходство между ними заканчивалось. Стиль каждой постройки был глубоко самобытным, а зачастую они по несколько раз достраивались в манере, разительно отличавшейся от первоначальной. Не будь спирально идущая главная улица настолько широка, чтобы вмещать три повозки в ряд, сюда никогда не проникал бы солнечный свет: езда по ней в этот ранний час сильно напоминала путешествие по ущелью с нависающими стенами самых фантастических очертаний. Когда кавалькада проезжала мимо некоторых особо оригинальных строений, Тэлии пришлось сдерживаться, чтобы не хихикнуть: она вспомнила, что Скиф — «чтобы не потерять форму», как он объяснял, — частенько навевался на верхние этажи подобных жилищ в качестве непрошеного гостя. На память о своем визите он, как правило, оставлял записки без подписи, в которых журил владельцев за недостаток бдительности. Таких шуток градоначальник не простил бы Скифу никогда — если бы прознал о них.

Улица сделала крутой, под прямым углом, поворот, и чисто жилые кварталы кончились. Дальше нижние этажи домов стали занимать лавки, мастерские преуспевающих ремесленников и конторы; иногда попадался постоялый двор для богатых приезжих. Верхние этажи отводились под жилье — собственное или сдаваемое внаем. Здесь на улицах уже замечалось, невзирая на ранний час, некоторое оживление. Среди тех, кто встречался Герольдам, преобладали крестьяне, привезшие продукты на рынок: из горожан высунули нос на улицу только те, кому нужно было закупить свежие продукты для своих трактиров. Тэлия с Крисом могли двигаться быстро, почти не останавливаясь; только пару раз им пришлось переждать, чтобы пропустить пешеходов или повозки. На улицах пока царила такая тишина, что почти весь шум производили сами Герольды: цокот копыт Спутников, перезвон подуздных бубенцов и клацанье когтей чирр по булыжнику далеко разносились в утреннем воздухе.

На то, чтобы добраться до Северных ворот, ушел почти час; чем дальше они отъезжали от центра города, тем меньше признаков богатства видели вокруг. В черте Старого Города трущоб не было; они располагались за городскими воротами, лепясь к стенам, словно в надежде, что прочная каменная кладка укроет их от враждебных стихий. В одном из таких кварталов вырос и Скиф — в весьма неблагоприятной части города, прилегающей к ведущему на запад Тракту Изгнанников. Тэлия никогда там не бывала: она и в Старый-то Город выбиралась нечасто, не то что в Новый. Как-то раз она попросила Скифа сводить ее туда;

Скиф побелел и отказался. Больше она не просила.

Не придется ей побывать там и на сей раз, поскольку Крис избрал маршрут мимо товарных складов и корабельных мастерских; они пересекли Реку еще в стенах Старого Города и выехали через Ворота Северного Конца. Здесь пока сохранялись полная тишина и безлюдье: рабочие еще не пришли, поставки на склады не начались. Заспанная женщина-Страж помахала им вслед, и Крис и Тэлия оказались за

пределами стен.

За воротами дорога стала шире; булыжная мостовая сменилась покрытием из какого-то странного вещества, не похожего ни на камень, ни на глину. Тэлия за годы учебы в Коллегии ни разу о нем не вспомнила, но сейчас решила поинтересоваться, чем же все-таки покрыты некоторые дороги королевства.

— Крис? — окликнула она, и старший Герольд сделал ей знак поравняться с ним: теперь, когда они выехали из города, нужда ехать гуськом отпала.

— Что это за штука? — спросила Тэлия, указывая на поверхность дороги. Крис пожал плечами.

— Еще один утраченный секрет. Ей покрыты некоторые дороги, ведущие в столицу, из них несколько на всем протяжении, до самой границы — но только дороги, проложенные не позже времен правления Элспет Миротворицы. На более поздних покрытие в лучшем случае гравиевое. — Он заметил, что Тэлия озирается по сторонам с нескрываемым любопытством. — Ты что, никогда прежде не бывала за городом?

— С тех пор, как меня Избрали, не часто, — ответила она. — А в этом направлении — вообще ни разу.

— Неужели ты даже домой на каникулы не ездила? — изумился Крис.

— Мои родители были не слишком мной довольны, даже — или, возможно, особенно — когда узнали, что я Избрана, — сухо ответила Тэлия. — Говоря попросту, они от меня отреклись. Что в переводе на язык крепковеров означает, что они отрицают самый факт моего существования. Все каникулы я проводила здесь — с Джедусом, пока он был жив, а потом с Керен и Ильзой или с Домоправительницей Гэйтой и Мери, поваром Коллегии.

— У тебя были неплохие опекуны.

— В Коллегии — да, не считая первого года. Но не в Усадьбе. Ты что-нибудь знаешь о крепковерах?

— Мало что, — признался Крис. — Они казались мне такими скучными, что, боюсь, я позабыл большую часть того, что узнал о них за годы учебы.

— Скучно тебе или нет, зависит от того, родился ты мужчиной или женщиной. Крепковеры пришли из-за границы — из Карса, если тебе интересно. Они бежали от религиозных гонений: в основе их веры — господствующий, властный Бог и пассивная, покорная Богиня, а жители Карса — монотеисты. Переселились они в Валдемар... да, примерно два поколения назад. Крепковеры очень скрытны и всячески стараются сохранить свои обычаи в чистоте. У мужчин еще есть какой-то выбор в жизни, у женщин же путей ровно два: служить Богине, став запертой в скиту, отрезанной от мира монахиней, давшей обет молчания, или выйти замуж. Такой выбор ты делаешь в зрелом возрасте — тринадцати лет или около того.

— Тринадцати?! — Крис казался ошеломленным.

— Пламя ада, Крис, жизнь в Приграничье сурова! Ты-то должен бы это знать, коль скоро твой напарник родом оттуда. Сколько я себя помню, не проходило ни зимы без набега. Земля в тех местах камениста, ее трудно возделывать. Крепковеры не верят в помощь Целителей, поэтому зачастую даже несерьезные травмы и болезни заканчиваются смертью. Если к пятнадцати годам ты еще не вступил в брак, ты можешь вообще не оставить потомства — а там каждая пара рук на счету!

— Ты говоришь так, словно тебе нравилась такая жизнь... словно ты ее одобряешь! — Криса явно поразило ее отношение.

— Я ненавидела ее, — ответила Тэлия ровно. — Ненавидела каждую минуту. Забывалась, только когда читала или мечтала. От принудительного брака с каким-то совершенно незнакомым человеком, выбранным отцом мне в мужья, меня спасло лишь то, что меня Избрал Ролан. Я считаю, что обычаи крепковеров, лишаящие свободы их самих, их детей, а особенно — их умы, граничат с преступлением. Но большинство крепковеров, которых я знала, казалось довольным, даже счастливым, и я не имею права решать за них.

— Отлично, ты за них не решаешь, но как насчет тех, кто так же несчастен, как ты когда-то, и к которым не явится Ролан, чтобы их спасти?

— Хороший вопрос — и, к счастью для таких потенциальных бунтарей, им задались Селенэй и Элкарт сразу после того, как выслушали мой рассказ. Крепковеры получили землю в безвозмездное пользование

на том условии, что они будут повиноваться королеве и законам государства. Вскоре после моего появления в Коллегии Селенэй провела через Совет закон, по которому Герольды должны всегда и везде иметь возможность свободно разговаривать с детьми, дабы они могли убедиться, что дети во всех концах Валдемара получают надлежащее образование в части наших законов, истории и традиций. Герольды, обладающие Даром чтения мыслей, приезжают сейчас прямо в усадьбы крепковеров. Каждый, кто готов пожертвовать семейными узами и положением, как когда-то я, волен уехать с ними, и Герольды следят за тем, чтобы такие отщепенцы и изгои это знали. Меня поразило то, как редко крепковеры возражали против выполнения нового закона после того, как улеглось первоначальное негодование. Полагаю, Старейшины Усадеб только рады избавиться от потенциальных смутьянов.

Крис казался слегка огорошенным. — Не понимаю, как можно не захотеть уехать от такой жизни.

Тэлия печально покачала головой, вспоминая прошлое. Сказав, что она ни разу не возвращалась в Усадьбу, она немного покривила душой. Возвращалась — однажды, в прошлом году. Она вернулась в надежде спасти свою сестру Врису... и обнаружила, что та изменилась, изменилась до неузнаваемости. Вриса стала Первой Женой; теперь она обладала высоким положением и командовала тремя Младшими Женами. На Тэлию она смотрела, как на демона: стоило той отвернуться, как Вриса творила против нее святые знамения, отвращающие нечистую силу. В сущности, она и видом, и поступками настолько напоминала Келдар, Первую Жену, которая в свое время приложила все силы, чтобы сломить мятежный дух Тэлии, что вполне могла бы сойти за Келдар в молодости. Вриса не только не нуждалась в спасении — ее ужаснула сама мысль о возможности перемен.

— Крис, выбирать не мне, а им, — сказала Тэлия устало. — Все, что меня волнует — чтобы мне подобные имели возможность, которой я, пока меня не Избрали, не имела: возможность убежать.

Крис взглянул на нее с любопытством.

— Стоит мне решить, что я наконец нашел, к какому разряду тебя отнести, как ты тут же говоришь или делаешь что-то, что снова ставит все с ног на голову. Я готов был поспорить, что будь у тебя такая возможность, ты охотно повела бы на Усадьбы войска, чтобы освободить женщин.

— Может быть, и повела бы — когда еще не знала людей так, как знаю теперь, — вздохнула она.

Дальше они ехали в молчании. По правую руку вставало солнце, окрашивая небо в красные, розовые и голубые тона; от зданий поперек дороги протянулись длинные тени. В скором времени Герольды выехали за черту Нового Города, и дома исчезли, только изредка попадались крестьянские избы. Возле хлебов толпились и мычали коровы, ожидая дойки. На полях уже работали люди; легкий ветерок доносил до Герольдов запах сжатых хлебов и сохнущего сена, пение птиц и блеянье, кудахтанье, гогот и прочие звуки, издаваемые домашней скотиной.

— Расскажи о себе, — сказал наконец Крис. — А когда устанешь говорить, поменяемся ролями. Начни с того, как тебе жилось в Усадьбе до того, как тебя Избрали.

— Будет скучно, — предупредила его Тэлия.

— Возможно, но ведь это часть тебя. А мне, как твоему наставнику, нужно узнать о тебе побольше.

Пока она рассказывала, Крис изо всех сил старался держать свое мнение при себе, но часто не мог скрыть удивления, а раз или два попросту пришел в ужас. Тэлия подумала, что перед ним стоит нелегкая задача — представить себе культуру, настолько чуждую его собственной, насквозь проникнутую запретами и основанную на подавлении личности. Сама Тэлия говорила отрешенным тоном. Сейчас она чувствовала себя очень далекой от крепковеров и всего, что они значили. Она могла думать о них без особой враждебности, как о чем-то чужом и далеком.

Когда она наконец устала объяснять Крису крепковерские обычаи, стоял поддень. Тэлия замолчала и, внезапно осознав, что у нее пересохло во рту, надолго припала к меху с водой; а оторвавшись наконец, сказала твердо:

— Думаю, я наговорила достаточно.

— Вполне. Более того: пора остановиться и пообедать, — откликнулся Крис. — Пока мы движемся с такой скоростью, чирры могут идти и идти без усталости, так что, будем ли мы останавливаться или нет,

зависит от того, захотим мы или нет отдохнуть от седла. Ты как?

— Пожалуй, не прочь спешиться ненадолго, — призналась Тэлия. — Я давным-давно не проводила столько времени верхом.

— Очень рад, что ты так решила. — Его ответная улыбка была крайне добродушной и совершенно чарующей. — Я отнюдь не любитель есть, не сходя с седла, если есть хоть какой-то выбор. Как только замечу место, где можно будет напоить чирр и Спутников, устроим привал.

Не прошло и получаса, как они обнаружили Путевой Приют. Водой его снабжал не ручей, а колодец; Крис и Тэлия по очереди черпали воду, чтобы вдоволь напоить четвероногих членов отряда, потом стреножили чирр, чтобы и они, и Спутники смогли немного попастись, пока люди будут обедать.

Ели они в молчании, и Крис, казалось, не особенно спешил двигаться дальше. Он откинулся на мягкую траву, явно блуждая мыслями где-то далеко отсюда, хотя пару раз и взглядывал на Тэлию.

Крис был обеспокоен, хоть всячески старался это скрыть. Ему вновь и вновь приходили на память слова дяди, и, по совести, он не мог совершенно от них отмахнуться. У него имелся ряд предположений касательно ума и нрава нынешней подопечной, и большинство из них основывалось на ее явной юности и неопытности... а ее рассказ о себе, похоже, указывал на что угодно, кроме неопытности. И уж безусловно Тэлия не походила на ту простушку, которую он себе рисовал. Сия девочка... нет, женщина — Крис начал сомневаться, что у нее было что-то похожее на «детство», по крайней мере, в его понимании — по существу, исполняла обязанности Королевского Герольда еще задолго до того, как получила Белое. Но Тэлия казалась столь миниатюрной, столь бесхитростной и невинной, что все как-то забывали об этом и начинали считать ее гораздо младше, чем она была на самом деле.

Крис не думал, что она создает такое впечатление хоть сколько-нибудь намеренно, но он не мог и сказать, что кроется под внешней видимостью.

Способна ли Тэлия на умышленное злоупотребление своим Даром, о котором говорил Орталлен?

— Я должен задать тебе один вопрос, — сказал Крис наконец. — И, пожалуйста, не сочти его за оскорбление. При дворе ходят кое-какие довольно неприятные слухи, и мне хотелось бы знать правду. Ты... ты когда-нибудь использовала свой Дар, чтобы воздействовать на Элспет?

Реакция Тэлии оказалась гораздо более бурной, чем он ожидал.

— Нет! — крикнула она, резко выпрямляясь — так, что чирры и Спутники в испуге рванулись прочь. — Как могло тебе такое в голову прийти?

Глаза Тэлии горели гневом, лицо стало блее ее наряда Герольда.

Крис как мог спокойно выдержал ее гневный взгляд, остро ощущая, как тихо вокруг, как мягко пружинит трава под ладонями, как пригревает солнце.

— Я же сказал, ходят слухи. Мне нужно знать.

— Я никогда... Я бы никогда... ни с кем так не поступила. Это... совершенно извращенная мысль, — задыхаясь, сказала Тэлия. — Проклятие, я же знала, что обо мне распускают какие-то сплетни. Я хочу сказать, я видела, что люди начинают вести себя очень странно, когда думают, что я не вижу. Но такое! Это... это мерзко. Элспет знает?

— Насколько мне известно, нет... — Крис внезапно осекся, встретив полный боли взгляд Тэлии.

Она рывком поднялась на ноги.

— Я... должна вернуться. Я не могу оставить ее один на один с такой гадостью.

— Чего ты как раз не можешь — так это вернуться, — сказал Крис, вскакивая и хватая ее за обе руки. — Ты что, не понимаешь? Если ты вернешься, ты только подтвердишь мыслишку, которую некоторые вбили себе в головы. Кроме того, тебе дано назначение и определенные приказы. И не тебе решать, будешь ты их выполнять или нет.

Тэлия на мгновение закрыла лицо руками, потом отняла их. Крис видел, что она борется с собой,

пытаясь справиться со смятением.

— Хорошо, — сказала она, снова садясь на землю, — ты прав. Ты говорил, что ходят и другие слухи. Какие?

— Что ты использовала свой Дар, чтобы влиять на других, особенно на членов Совета во время особенно важных голосований. Самый мягкий вариант сплетни гласит, что ты действовала бессознательно, что ты сама не понимала, что делаешь.

— Господи Боже. И что я, по-твоему, могу ответить на такое обвинение?

Крис не мог дать на сей вопрос вразумительного ответа, поэтому продолжал:

— Согласно еще одному слуху, ты употребляешь свой Дар просто на то, чтобы «читать» людей, а потом пользуешься знанием их эмоционального состояния, чтобы направить их в нужную тебе сторону.

— Богиня. Это почти близко к истине...

— И самый мягкий вариант опять-таки гласит, что ты не отдаешь себе отчета в том, что делаешь. Люди напуганы: такой Дар, как твой, встречался всегда только у Целителей; у Чтецов Мыслей есть этический кодекс, который всем понятен, но у тебя?

— Насколько мне известно, тут никакого этического кодекса не существует, — сказала Тэлия и подняла на него глаза. Ее взгляд был полон непонятной Крису боли и смятения, в причинах которого он хотел бы разобраться. — Все?

— А что, разве недостаточно? Говорят, что ты молода, неопытна — некоторые утверждают, что ты слишком молода, чтобы занимать пост, с которым связана такая власть, и иметь столь странный Дар.

— Как будто, — отозвалась Тэлия с горечью, — у меня есть какой-то выбор.

И больше не заговаривала с Крисом еще долго после того, как они снова сели в седла и вернулись на Северный Тракт.

Крис мирился с необщительностью стажерки сколько мог, но наконец решил попробовать сам сдвинуть дело с мертвой точки. Он мысленно связался с Тантрисом и попросил его придвинуться поближе к Ролану, так что они с Тэлией почти соприкоснулись коленями.

— А все-таки, как именно действует твой Дар? — спросил он, не в силах больше выносить натянутое молчание.

— Я чувствую эмоции так же, как Чтецы Мыслей слышат мысли, — ответила Тэлия, повернувшись в седле и окинув его неприветливым взглядом, который, казалось, измерял Криса, определяя, чего он стоит. — Если эмоции достаточно сильно связаны с чем-то, то я вижу, с чем. Если они искажены, или не правильны, или очень отрицательны, я иногда могу исправить их — так же, как Целитель поступает с раной. Ильза говорила, что такой Дар очень редко встречается в одиночку, что обычно он связан с Целительскими Дарами. Как тебе известно.

— Интересно, — ответил Крис, стараясь говорить как можно непринужденнее. — Значит, вот как тебе удалось отвести меня туда, где убили Ильзу. Большинство Герольдов, как ты знаешь, Чтецы Мыслей, а из остальных большинство — Дальновидны, вроде меня. Только несколько наших обладают странными Дарами, как ты или Дирк. Или Гриффон... бррр! Вот уж какого Дара мне и даром не надо!

Крису показалось, что даже лучи солнца перестали пригревать, когда он вспомнил показ, который устроили для него Гриффон с Дирком.

— Дар воспламенения — страшное бремя, и мощь может так легко выйти из-под контроля... а когда выходит — дело кончается обширными пустошами, как у Горящих Сосен. И проку от него никакого — только в качестве оружия. Надеюсь, тот факт, что Гриффон уродился с таким Даром, ничего не означает: Герольды с действительно необычными Дарами, как правило, появляются тогда, когда в них вот-вот возникнет нужда. Последним Воспламенителем был Лаван Огненный Шторм, а ты знаешь, в какое время он жил... — Крис покраснел, внезапно осознав, что впал в лекторский тон... но, черт возьми, он же хотел отвлечь мысли Тэлии от слухов, чтобы она снова смогла вести себя, как нормальный человек. — Прости.

Когда я заговариваю о Дарах, то частенько увлекаюсь. Они — мое хобби; оно у нас общее с Кирилом. Знаешь, страшно интересно изучать разновидности Дара, которые попадают среди нас, и пытаться понять, существуют ли тут какие-то закономерности.

— Правда? — Тэлия немного оживилась, щеки слегка порозовели. — А вообще еще у кого-нибудь встречался Дар того же рода, что у меня?

— Среди Герольдов, насколько я знаю, нет, но должен признаться, что изучал Дары только ныне здравствующих Герольдов и самые захватывающие примеры из прошлого. Не могу сказать, что когда-либо слышал, чтобы кто-то, кроме настоящих Целителей, обладал способностью Исцелять ум, но я бы не очень удивился, если бы узнал, что именно Дар эмпатии и отличает Королевского Герольда от всех нас, остальных. И у тебя он, похоже, существует почти совершенно сам по себе, и, возможно, он гораздо сильнее, чем у Целителей. Вероятно, у других Королевских Герольдов он тоже был, но не настолько сильный, чтобы его кто-то заметил. По-видимому, никто не проводил исследования особых способностей Королевского Герольда — в отличие от более обычных Даров. И теперь мне вот что приходит в голову... Твоя задача ведь заключается в обеспечении умственного и душевного равновесия государя, и способности вроде твоих могли бы оказаться очень полезны, если бы что-нибудь действительно пошло не так. — Крис очень старался дать понять, что верит ей, что не сомневается, что все слухи — не правда. Если бы он только мог быть так уверен на самом деле.

— Такое объяснение я могу понять. — Она замолчала и, похоже, напряженно думала. Послеполуденное солнце золотило все вокруг, утренний ветерок стих. Глаза чирр, разомлевших от тепла, были полужакрыты, а по сторонам дороги слышались лишь тихий шелест стеблей — крестьяне косили сено и жали хлеб, да гудение насекомых в траве. — Значит, ты Видишь, а Дирк Достает?

— Точно. Потому-то мы и работаем вместе и обычно не объезжаем сектора, кроме тех случаев, когда возникает нехватка людей, вот как в последнее время. Грубо говоря, мы — воры на службе Селенэй. — Крис издал короткий смешок. — Если я знаю, что искать, я обычно могу найти нужную вещь с расстояния в несколько верст, а если меня «подвозят », как ты тогда, то и больше. Стоит мне точно определить место и засечь в уме положение предмета, как Дирк может «считать» сведения и Доставить нужную вещь, чем бы она ни оказалась, туда, где в данный момент находимся мы сами. Именно так он добыл стрелы Ильзы.

— По-моему, такое легче сказать, чем сделать... и само занятие довольно утомительно, судя по тому немногому, что я видела.

— Боги, само собой разумеется. Во многих отношениях было бы гораздо легче сгонять туда на своих двоих, схватить и прибежать обратно. И чем тяжелее предмет, тем труднее его Доставить. Самый большой из тех, что мы Доставили, был размером чуть больше кирпича — и после него у Дирка реакция, то бишь головная боль, длилась неделю. Я очень удивился, что у него хватило сил отнести тебя в твою комнату после того, как он Доставил стрелы.

— Ага! — Тэлия, по-видимому, обрадовалась, узнав, что о ней тогда позаботился именно Дирк. — Тайна раскрыта! А я-то два года ломаю себе голову. Так вот кто меня отнес!

— Он хлопотал над тобой, как курица над единственным цыпленком, — не позволил мне и пальцем прикоснуться, так что мне осталось только плестись следом, а ведь я находился в гораздо лучшем состоянии, чем он. Заявил, что у него в семье столько девчонок, что он гораздо лучше меня знает, как обращаться с больной.

— А он может работать с кем-либо, кроме тебя?

— Мы не знаем: он никогда не пробовал, коль скоро я даю ему такую хорошую «наводку». Впрочем, вполне возможно, что да. Все Дальновидны похожи друг на друга.

— И как давно вы двое работаете вместе? — спросила Тэлия с любопытством.

— С тех пор, как оба получили Белое. В том году тоже была нехватка людей, и нас обоих послали на стажировку под руководством одного наставника — Герики. Ну, ты же знаешь Герику, он рассеянный; он забыл на одном из Путевых Приютов маленькое, но ценное кольцо — подарок королевы одному из Мастеров Гильдии. Дирк предложил, вместо того чтобы тратить два часа на возвращение за кольцом,

попробовать его Доставить. Я поискал его, выяснил, что оно закатилось под койку, когда мы укладывались, и дал Дирку его местоположение. Тогда-то мы и обнаружили, что я даю ему самую четкую «наводку» из всех, с которыми ему доводилось работать. Конечно, он легко Доставил кольцо; мы начали работать одной командой, и с тех пор всегда действуем именно так.

— Просто вы кажетесь такими разными, что мне трудно понять, как вы друг друга выносите.

Крис рассмеялся, довольный, что разговор перешел на безопасную тему.

— Возможно, ты удивишься, но под маской паяца, которую носит Дирк, скрывается весьма серьезный господин. И у нас во многом совпадают вкусы по части музыки, чтения, даже еды...

— ..по части женщин? — поддразнила Тэлия.

— Ну... и по ней тоже, — признал он, нехотя улыбнувшись. — Что действительно очень несправедливо. Бедняга Дирк... неважно, кто встречает даму первым. Стоит ей увидеть меня, как она обычно начинает обращаться с ним «как с братом». Как правило, он очень добродушно к этому относится, но, окажись я на его месте, я бы жутко злился!

— Ну, он же знает, что ты не виноват. Ты уродился с лицом ангела, а он... ну, а он нет, и больше тут и говорить не о чем.

— Все равно несправедливо. Казалось бы, хоть одна женщина должна бы понять, что Дирк как человек стоит десяти таких лиц, как мое.

— Полагаю, когда-нибудь кто-нибудь поймет, — уклончиво отозвалась Тэлия, избегая встречаться с Крисом глазами. — А откуда он родом?

Ее ответ прозвучал только самую чуточку слишком небрежно; попытка Тэлии прикинуться равнодушной немедленно насторожила Криса, особенно после всех расспросов о его напарнике. Пока он отвечал на вопрос, какая-то часть его мозга продолжала размышлять над головоломкой. У Криса зародилось неясное подозрение, слишком слабое даже для догадки. Его усилия напоминали попытки вспомнить чье-то позабытое имя. Вероятно, пройдет некоторое время, прежде чем он узнает достаточно, чтобы выдвинуть предположение... но теперь он будет подсознательно выжидать момента, когда Тэлия даст ключ к разгадке.

— Он родился совсем близко отсюда, в Секторе Печали-Один. У него там огромное семейство. Когда-то Дирк таскал меня с собой на каникулы — и сейчас таскает, когда мы свободны. Три его замужние сестры и их семьи живут с родителями и помогают управлять хутором. Форменный сумасшедший дом: повсюду люди, под ногами постоянно путаются дети и кошки. Но безумство такого рода просто очаровательно. Они чудесные люди, и там ни минуты не бывает скучно или одиноко.

Крис улыбнулся про себя, вспомнив некоторые случаи, связанные с причудами Дирковой родни; мысли, только что его занимавшие, тут же вылетели у него из головы. Домашние Дирка... Им надо было родиться цыганами! Все чокнутые, и все неподражаемы. Он с нетерпением предвкушал еще один Праздник Середины Зимы в их кругу, но в этом году явно не получится. Ну что ж, это никуда не уйдет; как-нибудь в другой раз.

Следующий вопрос Тэлии прогнал странный холодок дурного предчувствия, вдруг охватившего Криса при последней мысли.

— А как насчет тебя?

— Ну, дай подумать. Мой отец — лорд Перегрин; я второй сын в семье, но брат на десять лет меня старше, и у меня есть племянники и племянницы, которые ненамного младше тебя. Мои родители оба очень погружены в государственные дела, так что меня в значительной степени поручили заботам наставников в семейном поместье.

— Кажется, я знаю твоего отца: он один из главных помощников сенешаля. А твоя мать?

— Она организует пополнение Путевых Приютов припасами. Думаю, она хотела бы стать Герольдом, но поскольку ее не Избрали, она занялась самым близким делом из всех возможных.

— Неужели у тебя в имении совсем не было ровесников?

— Не слишком много; их родители, по-видимому, полагали, что мои рассердятся, если их отпрыскам позволят «пагубно влиять» на меня. Большую часть времени я проводил за чтением.

— Как я — только тебе не приходилось прятаться! — рассмеялась Тэлия.

— Вот тут-то ты и ошибаешься! Мои наставники, видимо, считали, что каждый миг бодрствования я должен узнавать что-нибудь серьезное, полезное и скучное. Я устроил убежище на самом старом дереве в саду. Трудился над ним до тех пор, пока не стало совершенно невозможно увидеть меня с земли. Потом перетащил туда свои книги и стихи и удирал при первой же возможности. — Ветерок, шевеливший листья деревьев, с обеих сторон обступивших дорогу, казалось, посмеивался над ребяческими выходками Криса. — Потом, когда мне исполнилось двенадцать, родители взяли меня ко двору. Не думаю, чтобы им когда-либо приходило в голову, что там же расположена и Коллегия. — Он улыбнулся. — Однако, если даже они об этом и забыли, то я — нет. Я надеялся... но когда ни один Спутник не встретил меня у ворот дворца, я отбросил мечты. Меня должны были представить двору на Празднике Весеннего Равноденствия, и я помню все, вплоть до того, что у меня на башмаках один шнурок не совсем подходил к другому. Я стоял возле отца, снаружи, в саду, ты знаешь где... когда на Празднество явился неожиданный гость.

Тантрис тряхнул головой, и бубенцы на его уздечке запели. Крис усмехнулся и протянул руку, чтобы почесать его за ушами.

— Я знал, что означает появление Спутника, и все время озирался по сторонам, пытаюсь увидеть того, кого он пришел Избрать. Я чуть с ума не сошел от счастья, когда наконец перестал вертеть головой и обнаружил, что он стоит прямо передо мной! А потом, когда я посмотрел ему в глаза... — Его голос замер.

— Это ни на что не похоже, верно? — негромко подсказала Тэлия. — И ты никогда не перестаешь удивляться случившемуся.

— Что верно, то верно, — согласился Крис почти про себя. — И тогда я понял, что никогда больше не буду одинок... — Он стряхнул с себя наваждение и продолжил буднично. — Ну, мои родители были оба очень горды. Не успел я и глазом моргнуть, как они уже пристроили меня в Коллегию. Как ни странно, теперь, когда я вырос, с ними стало легче ладить. Отец может относиться ко мне как к равному, и, мне кажется, мать с трудом вспоминает, что я один из ее отпрысков. Я думаю, они и правда никогда не знали, что делать с ребенком.

— Вероятно, нет, особенно учитывая, что между тобой и твоим братом такая большая разница в возрасте.

— Дирк даже не представляет, как я завидую, что у него есть такая семья, — вздохнул Крис.

— Ты так думаешь? — улыбнулась Тэлия. — Тогда почему же он все время берет тебя к себе домой?

— Мне это никогда не приходило в голову. Версту или около того они проехали в молчании.

— Тэлия, ты когда-нибудь скучаешь по своим родным?

— С тех пор, как нашла людей, которые действительно ко мне привязаны, — нет. Там, среди своих, я была белой вороной; в собственной семье чувствовала себя более чужой, чем когда-либо в Коллегии. Один из моих миленьких братцев обычно таскал у меня книги и дразнил меня «Герольдом Тэлией», чтобы довести до слез. Хотела бы я видеть его лицо, когда меня Избрали.

— Ты когда-нибудь думаешь о возвращении?

— Знаешь, когда-то я мечтала, что однажды благодаря какому-нибудь волшебству стану Герольдом — не забывай, я не знала об Избрании — и вернусь, одетая в Белое и осиянная славой. И тогда они все будут мне завидовать и жалеть, что плохо обходились со мной.

— А теперь?

— Ну, я однажды возвращалась назад, хотела попытаться «спасти» сестру, с которой была наиболее близка, — только затем, чтобы обнаружить, что она превратилась в чужого мне человека. Дальше Усадьбы я не заезжала, просто развернулась и возвратилась домой. Я не хотела больше видеть никого из них. Чего ради? Родители притворились, что я для них посторонняя, братья и сестры либо боялись меня, либо презирали: Герольды, знаешь ли, очень аморальны. Как там говорится в Книге Мера? Насчет того, как

люди, с которыми ты вырос, реагируют на твою известность?

— «Никто не чтит пророка у родного очага его».

— Ну так это правда. Я решила оставить все как есть, зная, что мой пример показывает неудачникам, что выход все-таки существует.

Крис, похоже, не был склонен продолжать разговор, и Тэлия вновь вернулась мыслями к слухам, которые о ней распускались.

Они ядовиты, вот что. Уродливы и ядовиты.

И правдивы? — тихонько точило ее сомнение.

Тэлии хотелось отрицать, что в них есть хоть на грош правды, отрицать яростно. Но могла ли она? Если быть совершенно честной с самой собой — могла ли?

Что касается Элспет — да, Тэлия не могла поверить, что внушала девочке зависимость от себя, пусть даже бессознательно. С тех пор, как Элспет снова начала вести себя по-человечески, Тэлия подталкивала ее к независимости, вынуждала самостоятельно принимать решения и брать на себя ответственность за их последствия.

Но остальное... о, как коварно. Чтец Мыслей точно знает, когда он передает; то, что слышит воспринимающий, во многом похоже на обычный голос говорящего, только слова звучат словно глубоко в голове. Но когда передает она — сможет ли кто-нибудь определить, что она проецирует эмоции?

Сама она могла определить: посылка эмоций стоила сил и энергии.

Но если она будет возбуждена или встревожена — заметит ли она расход энергии?

Так ли необходимо даже бодрствовать, чтобы быть в состоянии передавать? Как насчет тех моментов, когда она спит? Как она может быть уверена в том, что делает ее спящий мозг, — ведь во сне он неподвластен контролю рассудка?

А как насчет простого считывания эмоционального состояния людей? Совершает ли она проступок, когда оценивает его и действует, основываясь на том, что узнала?

Как она может не считывать эмоции? Для нее это все равно, что для зрячего — различать цвета: ты просто видишь происходящее, если только кто-то намеренно не блокируется.

Сомнения осаждали Тэлию, образовав порочный круг, — одно давало пищу другому, пока Крис наконец не нарушил молчание.

— Первую остановку сделаем здесь; столица близко, так что здешние жители не изголодались по новостям, и очень маловероятно, чтобы мы понадобились им в официальном качестве. И все же простая вежливость требует как-то отблагодарить их за гостеприимство. Маленькие деревушки видят обученного Барда не чаще раза в месяц, поэтому они очень рады музыке даже в любительском исполнении. Ты бы согласилась спеть, если бы я сыграл?

— Конечно, — ответила Тэлия, благодарная за то, что Крис отвлек ее от тяжелых мыслей. — Только справедливо, чтобы я выполняла свою часть работы. Ты не заметил, что я взяла Сударыню?

— Не может быть! — воскликнул Крис в восторге. — Ты позволишь мне играть на ней? У меня есть с собой походная арфа поменьше, но у нее диапазон и в половину не так широк, как у Сударыни.

— Я же давала тебе ее вчера вечером, разве нет? Только тебе придется заново ее настроить. Я отпустила струны, чтобы не лопнули, если погода внезапно переменится. — Она смущенно улыбнулась. — Я хорошо знаю правила обращения с инструментом. Можешь мне поверить, Джедус обучил меня им на совесть.

— Когда дело касалось музыки, он был превосходным учителем во всем. Именно он дал мне первые уроки.

— Правда? Странно, почему же он не оставил ее тебе?

— На этот вопрос довольно легко ответить. У меня не нашлось времени на то, чтобы общаться с ним

— так, как это делала ты, — отозвался Крис немного пристыженно. — Может, он и передал мне немного своего умения, но арфу свою он отдал тому же, кому отдал сердце, — одинокой маленькой девочке, потому что она отдала ему свое.

Прежде чем удивленная Тэлия нашла слова для ответа, показалась деревня. На них накинудись ребяташки, тараторя и забрасывая вопросами, на которые оба Герольда отвечали с улыбками и смешками. Ребята постарше побежали вперед, чтобы предупредить взрослых, что по дороге на север движутся двое Герольдов, которые явно собираются тут заночевать.

Задолго до того, как Крис и Тэлия достигли трактира, стоящего в центре деревенской площади, встречать их собралась толпа. Сама деревня оказалась большой, с мощенными булыжником улицами и оштукатуренными и побеленными зданиями высотой в два, а то и в три этажа. Крыши не соломенные, а черепичные — Тэлия читала, что чем дальше на север, тем чаще такое встречается. Все ставни были распахнуты, и из окон струился мягкий желтый свет: солнце садилось, и в домах зажигали свечи и лампы.

Как отметил Крис, деревня располагалась достаточно близко к столице, чтобы Герольды останавливались здесь довольно регулярно. Герольды, держащие путь в свои сектора, предпочитали ночевать не в Путевых Приютах, а в трактирах — если только Путевой Приют не оказывался единственным кровом поблизости, — а трактирам возвращалась определенная часть налога за каждого Герольда, который в них останавливался. Трактир, стоящий на проезжей дороге, мог быть вообще освобожден от уплаты налога, если его посетило достаточное количество Герольдов, — что делало Герольдов в высшей степени желанными гостями.

Под взглядами незнакомых людей Тэлия вновь обрела контроль над собой — по крайней мере, внешне; она сделала лицо «на публику» и запихнула свои сомнения как можно глубже. Не годится, чтобы люди увидели, что она расстроена.

На крыльце их встретил и проводил к конюшне сам трактирщик. Конюхи принялись обихаживать чирр, но Спутниками Герольды занялись сами. Пару раз Крис засмеялся — очевидно, тому, что «говорил» ему Тантрис, — и Тэлия испытала слабый укол зависти к их способности мысленно разговаривать друг с другом.

Когда Герольды возвратились, трактирщик самолично проводил их в отведенные им помещения: Крис и Тэлия получили по маленькой комнатке на втором этаже, сиявшей безукоризненной, почти болезненной чистотой. Комнаты были смежными; в каждой имелось окно, маленький столик и узкая кровать, выглядевшая на удивление удобной.

В распоряжение Герольдов любезно предоставили баню, и никто им не докучал. Однако как только они присоединились к остальным постояльцам в общей комнате трактира и сели ужинать, как начались расспросы. В комнату с обшитым темным деревом стенами набилось столько жителей деревни, что она буквально трещала по швам; сальные свечи в подставках давали неяркий, но ровный свет, так что и Герольдам все было видно, и их хорошо все видели. Приятно пахло хлебом, жарящимся на вертеле мясом и дымком от горящих поленьев. Хотя всю обстановку комнаты составляли деревянные столы и скамьи, они, как и пол, были гладко отшлифованы песком и чисто выскоблены. Герольды заняли места за столом около очага, а остальные посетители столпились вокруг них.

Ответы на расспросы взял на себя Крис, но когда стало похоже, что его ужин остынет раньше, чем ему удастся съесть хотя бы ложку, Тэлия сменила его. Как и говорил Крис, жители здешних, столь близких к столице, мест были обо всем хорошо осведомлены, так что больше всего их интересовали подробности. Значительная часть того, что они хотели узнать, касалась предмета, который Тэлия знала поистине хорошо: новой Наследницы престола. Ответы Тэлии удовлетворили собравшихся, и они с Крисом наконец смогли спокойно доесть свой ужин.

После ужина, пока Крис настраивал Сударыню, Тэлия нашла время ответить и на вопросы другой части публики — ребяташек. Они, видимо, почувствовали, что она не отмахнется от них, примет всерьез и не станет отделяться пустыми словами. Тэлию закидали тысячью вопросов о Герольдах и о том, что нужно делать, чтобы ими стать.

Некоторые из вопросов заставили ее призадуматься.

— Почему Герольды никогда не остаются на одном месте? — спросил один парнишка. — Священник у нас постоянно один и тот же — почему же нет постоянного Герольда?

— Во-первых, Герольдов недостаточно много, чтобы можно было послать по одному в каждую деревню или даже по одному на несколько деревень, — ответила ему Тэлия. — Кроме того... скажи, что случится, когда ваш священник состарится и уйдет на покой, или, быть может, умрет?

— Пришлют нового, ясное дело.

— И он всем вам будет чужим. Как ты думаешь, он сразу приспособится к вашей жизни и будет принят всеми?

— Не, — паренек дерзко ухмыльнулся, — многие бабки не станут ему доверять, пока не проживет здесь много лет... да и тогда еще поглядят.

— Но Герольду ваше доверие нужно сразу, разве не понимаешь? Если вы начнете доверять человеку больше, чем его должности, — как случилось с вашим священником — каждого нового Герольда в секторе ждали бы неприятности.

Тут мальчишка, казалось, призадумался.

— Значит, вы все время ездите с места на место, чтобы главной оставалась служба, а не человек, который ее справляет. Спорим, если бы вы слишком долго жили на одном месте, вы к тому же чересчур привязывались бы к тамошнему народу и не могли правильно судить.

Слегка изумленная столь метким замечанием, Тэлия послала в направлении конюшни мимолетное известие.

Поскольку она находилась не в трансе, Ролан смог передать в ответ лишь неясное ощущение — но у Тэлии создалось впечатление, что он уже заметил мальчика, и очень вероятно, что через год-два к пареньку явится гость о четырех копытах.

Вооруженная полученными сведениями, Тэлия особенно вдумчиво отвечала на остальные вопросы мальчика, а потом понаблюдала за ним. Она заметила, что он, похоже, был наставником и защитником некоторых из малышей, которых выталкивал вперед, когда чувствовал, что они робеют сами заговорить с Герольдом. Тэлия с облегчением заметила, что он не чуждался и проказ, как и все остальные, однако его шалости всегда оставались безобидными.

Крис наконец настроил арфу, и Тэлия предоставила ему возможность побыть какое-то время в центре внимания, зная, как приятно ему будет одобрение слушателей. Постояльцы трактира и жители деревни громко выражали свой восторг, и лишь тогда, когда Крис уже светился от их похвал, Тэлия присоединила свой голос к пению струн.

Наконец хозяин трактира объявил, что они достаточно долго надоедали Герольдам, и шутливо приказал обоим отправляться в постель. Тэлия только обрадовалась: сказывался длинный день, проведенный в седле, и она мечтала о подушке и теплой постели.

Когда на следующее утро, сразу после восхода солнца, они садились на Спутников, Тэлия, устраиваясь в седле, слегка поморщилась.

— Болит? — с беглой улыбкой спросил Крис.

Она тихонько застонала.

— Я, вероятно, окажусь при смерти еще прежде, чем закончится путешествие. Я и не знала, что нахожусь в настолько плохой форме по части верховой езды. Такое впечатление, что никогда больше не удастся снова свести ноги.

— Счастье-то какое, — поддразнил Крис и пригнулся, когда Тэлия швырнула в него оставшимся от завтрака огрызком яблока.

— Раз так, я, пожалуй, не отдам тебе его. — Он поднял в руке мешочек, в котором что-то тихонько звякнуло.

— Почему? Что это? — В Тэлии проснулось любопытство.

— Когда я получал деньги на дорожные расходы, я подумал, что ты, возможно, забыла про свое жалованье, — ответил Крис, перебрасывая ей мешочек. — Так и оказалось, и я получил его за тебя. Ты теперь Полный Герольд, не забыла? Тебе положено жалованье.

— Светлые Гавани! — Тэлия в смятении схватилась за голову. — Я и вправду забыла.

— Не расстраивайся. После пяти лет жизни без карманных денег большинство из нас забывает. Я, например, забыл. Но деньги могут очень пригодиться, особенно если случится попасть на ярмарку и увидеть вещицу, которая, ты точно знаешь, очень бы понравилась такой-то или такому-то. Или, если уж на то пошло, без которой ты жить не сможешь.

— Хорошо, что мне дали в наставники тебя, — сокрушенно сказала Тэлия, — не то я, того и гляди, и собственную голову бы забыла в Коллегии.

Крис только усмехнулся, выезжая первым из ворот трактира на дорогу.

По мере того как они забирались все дальше на север, дорога менялась: странное серое покрытие сменилось плотно убитым гравием, тот — глиной, и наконец тракт превратился в простую расчищенную тропу меж деревьев, траву на которой вытоптали путники, копыта их верховых и вьючных животных и колеса повозок.

Менялась дорога, менялась и местность по ее сторонам. Хутора стали крупнее, зато их разделяли большие пространства неводеланной земли — от широких лугов до почти девственного леса.

Изменилась и погода: она медленно, но верно портилась. Почти ежедневно шли дожди — настырные, пронизывающие. Скоро дождь уже лил, не переставая, целыми днями, никогда не становясь слабее нудной мороси, так что холодная вода насквозь пропитала даже плащи из промасленной шерсти. Чирры скулили, протестуя против того, чтобы их вообще заставляли пускаться в путь в такую погоду; путники ехали, окруженные испарениями, поднимающимися от волглой листвы и мокрой шерсти. Каждый вечер, к тому времени, как они достигали намеченного для ночлега места, все тело ломало от холода, одежда промокала насквозь, а душу терзала мечта о горячем вине, горячей пище и еще более горячей ванне.

Настроение Тэлии было под стать погоде. Мысли ее бежали по кругу; она все время думала об одном и том же. Действительно ли она злоупотребляет своим Даром? Как определить — да или нет? И вообще, каков этический кодекс эмпатии?

Время от времени над головой проносились, вытянувшись в неровную линию, стаи водоплавающих птиц: они летели на юг, быстро и на большой высоте, и ветер доносил их крики, словно зов одиноких душ. Тоскливые клики звучали в ушах Тэлии еще долго после того, как птицы скрывались из виду: печальная мольба об ответе на вопросы, на которые нет ответа.

И когда, под конец гнетущего и тяжкого дня, перед ними возникали огни очередной деревни и слышался веселый шум трактира, измаявшиеся путники невольно прибавляли шаг.

Однако на Тэлию вид трактира стал наводить чуть ли не ужас. Она обнаружила, что шарит глазами по лицам окружающих как одержимая, ища какого-нибудь знака, показывающего, что она влияет на их настроение.

Перерывы в напряженном самокопании наступали лишь тогда, когда Крис принимался натаскивать ее в тонкостях Кода Стрел или вынуждал вести на ходу какой-то разговор.

Чем дальше на север они углублялись, тем дальше друг от друга отстояли деревни. Наконец им просто стало не из чего выбирать: ночевали в поселке, до которого успевали добраться. Участки возделанной земли попадались все резче, леса становились все гуще и дремучей. Наконец-то слегка распогодилось: дождь прекратился, хотя дни стояли по большей части пасмурные. В начале их путешествия работники, которых они видели в полях, весело приветствовали Герольдов, а потом вновь возвращались к своим делам. Теперь же хуторяне почти неизменно подзывали их к обочине и угощали сладким сидром

или холодной ключевой водой в обмен на новости. Становилось ясно, что Герольды достигли самой окраины королевства, поскольку об эту пору года времени на уборку остатков урожая с полей остается немного, и отвлечь крестьянина от работы даже на краткий срок, нужный, чтобы выпить стакан и выслушать малую толику сведений, может только что-то действительно очень важное.

Тэлия только радовалась, что им встречается так мало людей. Гложущие ее сомнения, мысли, бегущие по замкнутому кругу, начинали сказываться: ее щиты истончались, и сразу за ними она чувствовала давление эмоционального состояния Криса — хотя он-то был обучен блокироваться машинально, даже не думая об этом. С обычными же людьми дела обстояли намного хуже.

Сомнения Тэлии отнюдь не уменьшало то, что она чувствовала, что Криса все еще беспокоит она.

Крис всячески старался задвинуть дядины слова подальше на задворки памяти, но не слишком в том преуспел. Он хотел снова затронуть тему слухов в разговоре с Тэлией, но не решался. Тэлия вообще казалась озабоченной и издерганной и нервничала, стоило им оказаться вблизи от большой группы людей, хотя Крис сомневался, чтобы кто-нибудь, кроме другого Герольда, смог заметить напряжение под ее «лицом на публику». Поэтому он старался, чтобы разговор не касался столь неприятного предмета.

Но оставались вопросы, на которые не было ответа. Действительно ли Тэлия злоупотребляла своим Даром? Не делала ли она то, в чем ее подозревали, сама того не осознавая?

И — еще более неприятный вопрос — не использует ли она свой Дар, чтобы влиять и на него, Криса?

Неопределенность мучила, потому что Тэлия начинала ему нравиться — нравится очень, больше даже, чем требовалось для близких приятельски-товарищеских отношений, обычных среди Герольдов. У них с Тэлией оказалось много общего. Необходимость подозревать друга в чем-то столь подлом была ужасна.

Потому что Тэлия становилась для Криса именно другом — не менее близким, чем Дирк.

— Знаешь... — совершенно неожиданно сказал Крис однажды, — ты мне вроде сестры, которой у меня никогда не было.

— А ты вроде брата, которого я хотела бы иметь... — ответила она, нисколько не задумываясь. — И могла бы иметь, если бы Андреан не погиб во время того набега. Он — единственный из моих братьев и сестер — был добр ко мне, не считая Врисы. Если бы на месте Джастуса или Келтева оказался ты, жизнь могла бы стать легче.

— Она также могла бы повернуться совсем по-другому. Захотела ли бы ты убежать, если б твоя жизнь там была приятнее?

— Хороший вопрос, — признала Тэлия. — Возможно, что и нет. И где бы я тогда была?

Крис усмехнулся, а Тантрис весело потряс головой, зазвенев бубенчиками уздечки.

— Если то, что ты рассказывала мне, правда, то ты уже шесть лет как была бы замужем и являлась матерью такого же количества детей.

Тэлия сделала гримасу и поерзала в седле; заскрипела кожа.

— Нет уж, спасибо. Как ни беспокойна моя нынешняя жизнь, мне она нравится. И, раз уж на то пошло, разве мы не сегодня въезжаем в наш новый сектор?

Крис вытащил из кармана на крыле седла карту, которой их снабдили в Коллегии, сверился с ней и огляделся, пытаясь в меркнувшем свете дня отыскать ориентиры. Наконец он заметил один — группу из трех плосковерхих холмов к западу от дороги.

— Мы пересечем границу до наступления ночи и сегодня заночуем в своем первом Путевом Приюте.

— Потому что... — Тэлия сделала зловещую мину, — «Герольды не останавливаются в трактирах в секторе, в котором несут службу, если только погода не препятствует им достичь Путевого Приюта; данное правило гарантирует, что они будут держать подобающую дистанцию и сохранять беспристрастное отношение к людям своего сектора». Помню.

— Точно, помнишь! — расхохотался Крис, обрадованный тем, что к ней явно вернулось хорошее расположение духа. — Старушка Верда, как живая!

— И по той же причине мы либо покупаем припасы, когда они у нас кончаются, либо ждем, пока не доберемся до Пункта Пополнения Припасов — если их нет в Путевом Приюте. Правильно?

— Оценка «отлично»; абсолютно правильно. — Крис поглядел на падающие листья вокруг, на деревья, ветви которых уже почти совсем оголились. — Сожалею, что начало для тебя будет нелегким. Сейчас плохое время года для того, чтобы начинать объезжать такой сектор. В ближайшие пару недель выпадет снег. Ученики редко сталкиваются со столь тяжелыми условиями в начале стажировки.

— Я родом из Приграничья, не забыл? Это гораздо больше похоже на жизнь, для которой я была рождена, чем моя жизнь в Коллегии. Справлюсь.

— Знаешь, — серьезно сказал Крис, — я уверен, что ты будешь очень стараться. Уверен, что сделаешь все, что в твоих силах. А большего не может требовать никто. Я доверяю тебе, Тэлия.

«По крайней мере, — добавил он про себя, — думаю, что доверяю».

Глава 5

Над головами подобно арке нависали почти голые ветви деревьев, словно чьи-то костлявые руки тянулись к серому небу. Впереди простиралась дорога — выстланный палой листвой тоннель сквозь мрачный серо-бурый лес. Мокрая листва была прибита столькими дождями, что даже не разлеталась под копытами Спутников; ее плотный ковер лишь приглушал топот их копыт. Птиц не было; только порой из подлеска, где залегли густые тени, доносился хруст ветки.

Чтобы добраться до Путьевого Приюта, который Крис наметил для первой стоянки в новом секторе, Герольдам пришлось ехать еще долго после того, как солнце село и на землю опустилась тьма. С последними лучами солнца исчез и последний намек на тепло: когда просачивающийся сквозь ветви свет стал тускло-багровым, меж деревьев задул холодный ветер. Крис ехал в голове отряда, но в действительности дорогу сквозь холод и мрак, достаточные, чтобы человек был не в состоянии думать ни о чем другом, отыскивал Тантрис: Спутники отлично видели в темноте. Тэлия всерьез подумывала о том, чтобы распаковать теплый плащ; ее определенно радовало, что во всех Путьевых Приютах, даже самых маленьких и примитивных, всегда имелся очаг. Ветер продувал до костей; он не просто нес с собой холод, он наводил на мысль о снеге.

Путьевой Приют, возникший из теней прямо перед ними, не производил впечатления такого уж маленького. Хотелось надеяться, что он и не примитивен.

Когда Герольды открывали Путьевой Приют, одну вещь следовало сделать в первую очередь, как бы поздно ночью они до него ни добирались и какая бы отвратительная погода ни стояла на дворе. Тэлия спешила, ощупала седло Ролана и вытащила из сумки кремь, огниво и трутницу. После долгой возни и бесчисленных проклятий ей удалось высечь крохотный огонек. Бережно заслоняя его от ветра, Тэлия достала из одного из тюков маленький волокнистый сверток, из которого торчал вощеный фитиль. Пока Крис снимал со спин животных вьюки и переметные сумы, Тэлия зажгла свертки от трута, швырнула внутрь Приюта и захлопнула дверь. Крис оставил поклажу у ее ног и повел Спутников и чирр за угол постройки. Тэлия, трясась, стояла на холодном ветру и слегка подпрыгнула, когда вдали ухнула сова. Тихие, знакомые звуки, доносившиеся из расположенной в пристройке конюшни, где Крис расседлывал и обихаживал животных, на фоне тьмы и завывающего в ветвях ветра казались очень домашними и успокаивали.

Тэлия заботливо прикрывала крошечный огонек, который зажгла: если бы он потух, все пришлось бы начинать сначала. Медленно сосчитав до ста, она снова открыла дверь. Приют был полон едкого маслянистого дыма, который теперь, благодаря сквозняку из открытой двери, быстро вытягивало в дымоход. Зато все паразиты, какие могли завестись в Приюте, либо сдохли, либо убрались прочь.

Тэлия втащила внутрь вьюки и скатанные постели, потом занялась их распаковыванием;

Крис занырнул внутрь только для того, чтобы взять зерно для Спутников и чирр, которые находились в конюшне сбоку от здания. Тэлия на ощупь достала в своей седельной сумке свечу с фитилем из сердцевины ситника и зажгла ее от тлеющего куска трута. К ее невероятному облегчению, Приют, похоже, был построен на совесть, содержался в порядке и хорошо снабжался. Тэлия бросила скатанные постели на два одинаковых топчана, затем занялась очагом (всей душой жалея, что не обладает хоть частичкой гриффонова Дара). После нескольких осечек ей все же удалось развести приличный огонь. Когда пламя разгорелось настолько, чтобы давать не только тепло, но и свет, Тэлия погасила свечу: нет смысла жечь ее без надобности, а свечи занимали во вьюках так много места, что они с Крисом взяли с собой всего несколько штук. Она распаковала часть съестных припасов и распечатала лари из отпугивающего вредителей цендалового дерева, в которых хранилась в Приютах провизия, чтобы приготовить что-нибудь поесть, затем взяла два самых больших котелка и пошла на улицу, к колодцу, за водой для мытья и стирки.

Крис что-то слишком задерживался у чирр и Спутников: к тому времени, когда он наконец появился, Тэлия уже успела нагреть воды, чтобы они оба могли помыться, привести себя в порядок и переодеться в поношенную сорочку и старые штаны, которые в пути надевала на ночь. Тэлия уже собиралась попенять наставнику за то, что он так копаются, как вдруг поняла, что он тянул нарочно.

— Крис, нечего выказывать свою несусветную галантность, — сказала она, остро чувствуя его отстраненность и собственное необъяснимое оттого раздражение. — В Усадьбах крепковеров все дети спят в одной комнате, пока им не исполнится тринадцать, и ты отлично знаешь, что во время обучения мне приходилось делить Путевые Приюты и палатки со всеми сокурсниками. У меня попросту не может обнаружиться ничего такого, чего бы ты никогда прежде не видел — и то же самое относится к тебе.

— Я... я просто не привык иметь напарника-женщину, — сказал Крис.

— Значит, перестань думать обо мне как о женщине, — зевнула Тэлия, залезая в постель и сонно щурясь на него в свете очага. Ее раздражение прошло так же быстро, как вспыхнуло, стоило ей укрепить свои щиты — хотя ее беспокоило, что их вообще пришлось укреплять: такой необходимости не должно было возникнуть.

— Тебе легко говорить! — возразил Крис.

— Ну, тогда сделай вид, что я Керен и вообще не интересуюсь мужчинами. Потому что если так пойдет и дальше, то в один прекрасный вечер я обнаружу под дверью вместо тебя ледяную статую!

Крис хмыкнул и признал, что, быть может, она и права.

Когда на следующий день они подъехали к первой деревне своего сектора, сердце Тэлии билось немного сильнее обычного. Неизвестно, какой прием ожидал их — и какие просьбы. В такой дали от столицы деревни зачастую не могли похвастаться даже собственным священником — он был один на несколько селений, и единственными представителями государственности и права являлись Герольды.

Прошлым вечером она обнаружила, что ее щиты чрезвычайно истончились. Тэлия не могла понять, почему; блокировка всегда была ее второй натурой, выполнялась почти инстинктивно... а теперь щиты, казалось, что-то разъедало, размывало — медленно и неуклонно. Ее пугала потеря контроля и страшила мысль рассказать о происходящем Крису: Тэлия боялась, что такое признание лишь усилит его сомнения в отношении нее и создаст еще большее внутреннее напряжение.

Когда Герольды въехали в деревню, создалось впечатление, что все население края собралось, чтобы встретить их. Тэлия подумала, что здешние жители, должно быть, уже в течение недели или около того выставляли дозорных в ожидании Герольдов, которые, как они знали, ехали на смену пострадавшему товарищу. Эмоциональная атмосфера, которую она ощущала, несмотря на все свои старания заблокироваться, казалась гнетущей, хотя ничто не указывало почему. Деревня была мала; вокруг центральной площади теснились крытые черепицей одноэтажные дома из серой древесины или серого же, только более темного оттенка, камня. Ставни здесь в яркие цвета не раскрашивали: все равно метели и швыряемая ветром ледяная крупа первой же зимой содрала бы с них всю краску. Трактир оказался настолько мал, что стало ясно, что комнат для постояльцев здесь нет; остающимся на ночлег, наверно, приходится спать после закрытия на скамьях в общей комнате. Никаких следов ущерба, нанесенного постройкам, или какого-либо беспорядка не наблюдалось: что бы ни тревожило здешний люд, причина тревоги явно не имела отношения к материальной стороне их жизни. Сами жители деревни были разодеты в яркие красочные наряды, как на праздник. Откуда же атмосфера тревоги и неясных опасений, столь сгустившаяся, что Тэлии казалось, что ими пропах самый воздух?

— Хвала Владычице, наконец-то вы приехали! Вперед торопливо пробиралась полная женщина, на взгляд Тэлии — вылитая клуша, подталкивая перед собой юную пару. Наконец, едва не воткнувшись в стремя Криса, они остановились. Ребятам было лет примерно по шестнадцать, оба в сплошь покрытых вышивкой праздничных нарядах, причем девушка совершенно явно беременна. Они крепко держались за руки, словно боялись чего-то, и ни тот, ни другая не поднимали глаз на Герольдов. К тревоге Тэлии добавилось недоумение. Что тут стряслось такое, чего она не смогла определить?

— Священник заболел и вот уж два месяца не обходит села, — продолжала толстуха, заправляя за ухо девушке выбившуюся прядь волос. — И вообще он в последний раз побывал здесь еще до праздника Середины Лета. За все это время не нашлось никого, кто смог бы обвенчать вот их двоих!

— Были ли они должным порядком обручены? — спросила Тэлия, зная обычай Приграничья, по которому, прежде чем заключать постоянный союз, следовало убедиться в том, что брак не окажется

бесплодным.

— Светлые Звезды, конечно! Священник сам их обручил в минувшую Середину Зимы! — нетерпеливо воскликнула женщина, и остальные жители деревни согласно закивали.

Тэлии все стало ясно, хотя Крис явно все еще ломал себе голову над причиной, вызвавшей очевидную тревогу окружающих.

— Они оба по-прежнему согласны? — спросил он.

Оба дали утвердительный ответ — очень робко, но согласие было явно добровольным.

— Они просто жертвы очень неудачного стечения обстоятельств, — шепнула Крису Тэлия. — И бояться, что мы будем недовольны — быть может, даже откажемся поженить их — из-за того, что они так долго тянули с официальной церемонией. Им следовало пожениться, как только они узнали, что невеста понесла, но голову даю на отсечение, что все были так заняты севом, что отложили свадьбу до Середины Лета, думая, что священник еще сто раз здесь побывает, — вот только не учли, что он может заболеть. Бедные дети! Они страшно боятся нас, боятся, что мы станем чинить им препятствия из-за того, что они сразу обо всем не позаботились. Мы были бы в своем праве... согласно букве закона.

— Но не его духу, — шепнул в ответ Крис, обрадованный, что все оказалось так просто. — Ну что ж, коль скоро все согласны, — сказал он громко, во всеуслышание, и широко улыбнулся, — то за чем же дело стало? Где же праздник?

Раздался общий вздох облегчения, и вокруг, словно по волшебству, стали появляться столы на козлах и угощение. В скором времени площадь преобразилась: на ней повсюду гуляла настоящая свадьба. Чтобы избавить молодых от любых сложностей в дальнейшем, Крис отвел их в сторону и засвидетельствовал их обеты, подписав брачный контракт в качестве Герольда, совершившего обряд бракосочетания, замещая отсутствующего священника.

Молодожены вернулись за праздничный стол, почти избавившись от прежней робости. Их явно утешили два обстоятельства: что Герольды не стали чинить им препон из-за запоздалости обряда и что на их первенца не ляжет из-за задержки клеймо незаконнорожденного.

Остаток дня Тэлия и Крис провели в сравнительной праздности, поскольку не имело ни малейшего смысла пытаться заняться какими-либо официальными делами. Окружающая людская толчая держала Тэлию в сильном напряжении, но она думала, что ей удастся скрывать свое состояние даже от Криса. По большей части она сидела в сторонке, любезно отвечала, когда к ней обращались, но львиную долю общего внимания уступала Крису.

И испытывала беспокойство даже большее, чем тогда, когда они только въезжали в деревню: с тех пор, как она научилась в полную силу использовать свой Дар, ее щиты никогда еще не были такими хрупкими. Их рушило все подряд, и всякий раз Тэлии приходилось затрачивать до смешного много сил на то, чтобы закрыться вновь.

Хоть бы она никогда не слышала о тех грязных сплетнях...

Мысль о них вновь прогнала Тэлию по полному кругу страхов и сомнений, пока накал переживаний не стал почти болезненным и ей не пришлось в конце концов прибегнуть к старинному средству: выпить вина, чтобы притупить восприятие и сделать душевное смятение не столь невыносимым. Жаль только, что она осталась достаточно трезвой, чтобы ей не составило труда проехать по темной тропе на обратном пути в Путевой Приют, — жаль, потому что означало, что Тэлия осталась в состоянии думать.

На следующий день Герольды вернулись, готовые к работе. У жителей деревни не нашлось жалоб, требующих разбирательства, зато они страстно хотели услышать новости из столицы и других городов сектора. Общая комната трактира, хоть и оказалась темной и дымной, служила единственным «общественным местом» во всей деревне, так что в ней Герольды и обосновались. Деревенский сказитель, исполнявший одновременно обязанности писца, впитывал каждое их слово и делал подробные записи, поскольку в его обязанности входило повторять все, что поведали Герольды, тем, кто отсутствовал в деревне во время их посещения, а также мелким арендаторам, которые в поселке показывались редко.

Утро Крис и Тэлия посвятили рассказу о решениях королевы и Совета, как и почему они были приняты и какие законы изданы для того, чтобы облегчить и обеспечить их исполнение; после полудня перешли к изложению новостей двора и наиболее важных для всего королевства событий, на что ушел весь остаток дня, и с наступлением темноты снова вернулись в Путевой Приют.

День оказался не столь тяжелым для натянутых, как струна, нервов Тэлии, как предыдущий, поскольку в сухих сообщениях, которые они делали, не содержалось ничего, что могло бы вызвать у кого-то сильные эмоции, а если бы и содержалось — сказитель-писец слишком старался запомнить каждое слово, чтобы позволить чувствам мешать делу. Когда они вдвоем вернулись в Путевой Приют, Тэлия заварила себе чашку крепчайшего шамилевого чая — сильного снотворного. Она была полна решимости как следует выспаться, поскольку думала, что ее трудности, возможно, отчасти вызваны усталостью.

Однако спала она беспокойно и проснулась, чувствуя себя более измотанной, чем была, когда ложилась.

Третий день они потратили на отчеты старосты и писца и выслушивание устных деревенских новостей, которые им следовало передать наверх по цепочке. Крису предстояло везти с собой письменные отчеты старосты, пока они не доберутся до селения, достаточно большого, чтобы иметь гонца, или пока не придут на Пункт Пополнения Припасов, откуда он сможет отослать собранные документы на юг, в столицу, присовокупив собственные соображения по поводу вероятной правдивости или ложности содержащихся в них сведений.

Давать оценку являлось обязанностью Криса. Тэлия все время держалась на заднем плане, стараясь быть как можно незаметнее, поскольку напряжение, казалось, особенно возрастало, когда она с кем-то общалась.

Однако вечером в Путевом Приюте Крис настоял, чтобы Тэлия высказала свое мнение о полученных ими отчетах и о том, заслуживают ли доверия староста и писец, которые их представили.

— Мне они показались честными, — сказала она, надеясь, что Крис не имеет представления, как много она, против собственной воли, восприняла. — У меня не было ощущения, что нас пытаются ввести в заблуждение, скрыть что-либо или о чем-то умолчать. Насколько я могу судить, ошибки в записях — действительно ошибки, без всякого злого умысла. В любом случае, они достаточно быстро их исправили, когда ты на них указал.

— Хорошо, — сказал Крис с удовлетворением. — Совпадает с тем, что увидел и я. Я рад: ненавижу привлекать людей к ответственности — даже когда абсолютно очевидно, что они мне лгут. — Он приписал их с Тэлией соображения на первой странице отчетов, упаковал все в водонепроницаемую обертку и запечатал.

К радости Тэлии, он, похоже, не заметил, в каком сильном напряжении она находится.

— Я и не знала, что мы собираем также налоговые ведомости, — сказала она, пытаясь отвлечься — и отвлечь Криса — вопросами, касающимися служебной рутины.

— В приграничных секторах — всегда; во внутренних областях королевства — почти никогда. Мы забираем копию той, что они должны будут представить сборщикам податей, когда те явятся сюда весной. Таким образом, существуют официально документированные сведения — по крайней мере частичные — на случай, если их записи погибнут в результате какого-нибудь бедствия. Что делается для их же блага, поскольку, если произойдет бедствие таких масштабов, деревня может лишиться не только записей, но и кое-чего посущественнее, а на основе сведений о том, что подлежало бы обложению налогом, королева сможет судить, какую помощь им оказать.

На сей раз Тэлия не повторила вчерашней ошибки и снотворного отвара не пила; она лежала во мраке Приюта, глядя в темноту над головой, слушая спокойное дыхание Криса и вспоминая прежние занятия, посвященные блокировке от внешних воздействий. Когда она наконец устала настолько, что смогла заснуть, ей казалось, что она, должно быть, укрепила щиты достаточно, чтобы они позволили ей продержаться последний день.

На четвертый день Герольды просмотрели сделанное писцом-сказителем изложение того, что они ему сообщили, внося, где нужно, исправления или уточнения. На рассвете пятого дня они (к большому облегчению Тэлии) вновь тронулись в путь; по дороге они заехали в деревню, но только затем, чтобы забрать вещи из стирки и сходить в деревенскую баню.

Когда Крис и Тэлия оставили деревню далеко позади и углубились в лес, заметно похолодало, и оба кутались в толстые зимние плащи. Деревья уже полностью сбросили листву, а ветер не нес больше с собой теплых, мирных запахов осени. Хотя дожди теперь шли редко, небо оставалось пасмурным и было ровного блекло-серого цвета. Под ногами хрустел бурый ковер скопившейся на дороге палой листвы. Большинство птиц и зверей пропало — одни улетели на юг, другие впали в зимнюю спячку или прятались: отсутствие прежде скрывавшей их листвы вынуждало оставшихся к тишине и осторожности. Герольдам мало кто попадался на глаза, разве что изредка кролик или белка; не слышно было никаких звуков, кроме стонов ветра в голых ветвях да порой карканья ворон. Среди молчания спящего леса одиноко звучал перезвон подуздных бубенцов Спутников.

Что касается Тэлии, она воспринимала тишину и пустынность только как благо: по крайней мере не приходилось быть постоянно начеку, чтобы поддерживать рушащиеся щиты. Однако нервы ее продолжали сдавать; маленький отряд двигался все дальше через холодные и мрачные леса, и скоро Тэлия уже не знала, что хуже — ехать в одиночестве по угрюмой глуши, где серый и пустой лес только усугублял ее подавленное настроение, или находиться среди людей, чувствуя, как твои щиты медленно распадаются на части.

Настроение Криса было немногим лучше: он все время гадал, не вызваны ли его теплые чувства к Тэлии искусственно, и если да, то в какой мере. Не усиливает ли она их — сознательно или бессознательно? Он начинал подвергать сомнению каждый оттенок переживания, пытаться определить, не приложила ли к нему руку его напарница.

Он хорошо относился к Тэлии... Светлые Гавани, он хотел хорошо к ней относиться, у них оказалось так много общего. Она проявила себя хорошим стажером, без жалоб и подсказок делала то, что нужно, стараясь во всем работать на равных и вносить свою лепту... И все же, все же...

И все же оставались слухи и тот факт, что его чувства вполне могли быть подтасованы, изменены, а он бы даже не заметил. «Нет дыма без огня»? Возможно. Так трудно понять... и то, что Тэлия уходит в себя, отнюдь не помогает делу.

Следующая остановка находилась в двух днях пути, что означало ночлег в Путевом Приюте на полпути между двумя деревнями. Крис уже не думал о напарнице, как о женщине; теперь он переживал из-за своих подозрений. Достигнув Приюта, Герольды стали действовать так же, как и в первый вечер: Тэлия подготовила жилище, Крис позаботился о четвероногих членах отряда. Он видел в темноте гораздо лучше Тэлии, так что такое разделение труда представлялось только логичным. И оно давало ему возможность без помехи посоветоваться с Тантрисом. Тантрис был озадачен и встревожен. «Я ничего не почувствовал, маленький брат, но...»

— Но? — вслух переспросил Крис. «Я не уверен, что мне полагалось. Ропан обеспокоен и отказывается обсуждать причину».

— Здорово.

«Он для меня старший, так же как ты старший по отношению к Тэлии. Если он не хочет обсуждать личные проблемы своей Избранницы, это его дело и его право».

— Знаю, знаю. Слушай, скажи мне хотя бы, если что-то воспримешь, ладно?

«Обещаю, — ответил Спутник, — но, я думаю, быть может...»

— Быть может что?

— Тебе нужна более квалифицированная помощь; — пришел неохотный ответ.

— Сначала скажи, откуда! В Круге нет никого с таким Даром, как у нее, и я сильно сомневаюсь, что эмпатия Целителей — то же самое явление.

« Верно », — раздался в его мозгу вздох, и больше он из Тантриса ничего не смог вытянуть.

Разговор сильно обеспокоил Криса. Если уж Спутнику проблема не по плечу...

Они не успели даже достичь ворот следующей деревни, когда на дороге их встретила шумная толпа людей, требующих справедливости.

Герольды заметили ее издалека.

— Осторожно, — сказал Крис, когда они въехали в толпу крестьян в бурой домотканой одежде, которые обступили Спутников, выкрикивая жалобы и обвинения.

Тэлия побледнела и напряглась; она сидела на спине Ролана совершенно неподвижно, крепко сжав губы. Крис тщетно силился разобраться в доводах спорящих, потом наконец вышел из терпения и резко приказал всем замолчать.

Когда гомон стих, ему наконец удалось выяснить, что имелись две спорящих стороны, обе, на его взгляд, неотличимые друг от друга, как пара ворон: у всех собравшихся были темные волосы, густые темные бороды, почти одинаковая одежда из тяжелой домотканой материи. Терпеливо выслушав и тех и других, хотя они поминутно перебивали друг друга, так что Крису вскоре захотелось отколотить их палкой, он объявил, что решение откладывается до тех пор, пока не удастся опросить третью сторону.

На его взгляд спор выглядел довольно тривиальным — о корове и теленке. Произошло следующее: каким-то образом на поле, где находилась корова в охоте, попал бык; в результате, что и неудивительно, на свет появился теленок. Теленок сей совершенно очевидно являлся отпрыском упомянутого быка, и владелец коровы самого факта не отрицал. Спор шел прежде всего о том, как бык добрался до коровы.

Владелец коровы гневно заявлял, что владелец быка позволил тому разгуливать на свободе, и бык сам проник на поле, а посему он, владелец коровы, денег за случку платить не обязан.

Владелец быка столь же громогласно утверждал, что владелец коровы нарочно заманил быка на свой выгон, с тем чтобы сэкономить на плате за случку.

Крис чувствовал себя совершенно беспомощным: как раз в данной области он совершенно ничего не смыслил. Он умоляюще посмотрел на Тэлию, которая, в конце концов, выросла на хуторе и должна была иметь хоть какое-то представление, как разобраться в таком деле. Кожа вокруг глаз и губ его стажера, казалось, слегка натянулась, но в остальном Тэлия, похоже, держала себя в руках. Крис направил Тантриса вплотную к ней и прошептал:

— Ладно, ученица... ты больше моего понимаешь в таких делах. Есть какие-нибудь идеи?

Она вздрогнула — самую чуточку, заметно лишь для того, кто специально следил за ее реакцией.

— Я... думаю, да, — проговорила она медленно. — Похоже на спор, который случился как-то раз у нас в Усадьбе Твердыня.

— Тогда бери бразды в свои руки. Мне вопрос не по зубам.

Тэлия задала несколько вопросов тяжущимся, затем расспросила остальных жителей деревни, интересуясь привычками обеих сторон. Все сошлись на том, что, хоть владелец коровы и славился прижимистостью, он был слишком скуп, чтобы поломать собственную изгородь для того только, чтобы сэкономить на плате за случку. А владелец быка имел обыкновение позволять животному бродить без присмотра, поскольку ленился залатать проломы в собственном заборе даже после того, как бык уже несколько раз убежал.

Однако потом Тэлия удивила Криса, обратившись за сведениями к тем, опросить кого сам Крис ни за что бы не додумался, — к ребятам, собравшейся с краю толпы. Зыркнув по сторонам, чтобы убедиться, что никто не собирается приказать им держать языки за зубами, мальчишки поведали Герольду, что как раз эта корова никогда прежде не паслась на том поле, где бык ее предположительно отыскал. Она считалась весьма ценной, и хозяин всегда держал ее там, где мог за ней приглядывать.

Тэлия повернулась к спорщикам.

— Вот мое первое решение, — сказала она медленно, странно невыразительным голосом. — Нет никакого сомнения, что бык действительно бродил без присмотра, и, поскольку вполне вероятно, что именно он нанес упомянутый ущерб изгородям, вы должны оплатить ее владельцу починку, которую ему пришлось произвести.

Владелец быка глядел крайне недоволено; владелец коровы торжествовал. Однако радоваться ему пришлось недолго.

— С другой стороны, вы, — сказала Тэлия, почти не глядя на него, — никогда не держали свою корову на том поле. Вы, должно быть, увидели, что бык вломился туда, и решили, что, коль скоро ущерб уже все равно причинен, хорошо бы сэкономить на плате за случай. Потому вы и отвели свою корову туда, где находился бык. Вследствие чего мое второе решение состоит в том, что вы должны уплатить этому человеку половину тех денег, которые он потребовал бы с вас при обычных обстоятельствах.

Теперь разочарованными выглядели оба.

— Учитывая все, я бы сказала, что вы, вероятно, в расчете.

Спорщики неохотно согласились, что так оно и есть.

— Погодите уходить! — сказала Тэлия, поворачиваясь к владельцу быка и несколько оживляясь. — Вы позволяли потенциально опасному животному бродить без присмотра. Мое третье решение заключается в том, что любой, кто обнаружит вашего быка на свободе и запрет его где-нибудь в надежном месте, чтобы вы забрали его домой, будет в возмещение трудов иметь право на то, чтобы бык покрыл его коров бесплатно. Такая мера должна заставить вас в будущем лучше приглядывать за своей скотиной.

Ухмылки, появившиеся на лицах остальных жителей деревни, ясно показали, что они считают приговор Тэлии правильным и справедливым — и решения ее безусловно им по вкусу. Крис улыбнулся и слегка кивнул ей в знак одобрения. Она неуверенно улыбнулась в ответ; вокруг глаз уже не заметно было такого напряжения.

Окруженные со всех сторон ребяташками, Герольды двинулись дальше к самой деревне, которая оказалась чуть увеличенной копией первой и даже могла похвастаться чем-то вроде «ратуши». Именно там, в единственной большой комнате, использовавшейся для собраний, за старым и обшарпанным столом с мраморной столешницей, которая вполне могла оказаться самой старинной вещью в деревне, они и обосновались. По сравнению с общей комнатой трактира помещение явилось шагом вперед: здесь было не так дымно и тесно. Однако тепла очаг давал мало, и Крис поймал себя на мысли, что хорошо бы им удалось справиться с делами и двинуться в путь, прежде чем он отморозит ноги и пальцы на руках.

Однако на них почти тут же свалилась новая тяжба, требующая разбирательства, — проблема расположения межей, разделяющих два соседних хутора. Самих владельцев этот вопрос не слишком волновал, поскольку они были давними друзьями и в течение многих лет решали проблему, поровну деля как работу, так и урожай со спорных полей. Однако они по секрету поведали Крису, что боятся, что мир продлится недолго: у обоих выросло по несколько сыновей, которых требовалось обеспечить наделами, и друзья боялись, что среди их отпрысков страсти уже накаляются. Глянув на Тэлию и поняв, что у нее нет на сей счет никакого мнения, Крис согласился, что вопрос следует решить сейчас, пока он не разросся в открытую распрю. Он обещал, что они займутся этим, как только покончат с другими обязанностями.

Спорящим пришлось этим удовольствоваться. Крис затребовал деревенские архивы, и, пока один из них пересказывал новости и законы, другой просматривал представленные деревенским писцом бумаги в поисках сведений о том, кому же в действительности принадлежит спорный участок; время от времени они менялись местами.

К сожалению, сведения оказались скудными и противоречивыми. По-видимому, претензии обеих сторон были одинаково обоснованными.

Тэлии все меньше хотелось принимать какое-либо участие в текущих делах. Ее защита таяла, медленно, но верно; теперь она в этом не сомневалась. Что еще хуже, она больше не была уверена, что в

состоянии не позволить собственным чувствам влиять на окружающих, поскольку инстинктивный контроль над передачей эмоций изменял ей тоже. Крис пытался снять с нее напряжение, но Тэлия чувствовала его собственные сомнения так отчетливо, словно он кричал о них во весь голос.

И когда вечером накануне отъезда они наконец-то смогли обсудить проблему спорных полей наедине, в Путевом Приюте, Тэлия держала себя под таким жестким контролем, что знала, что завтра ее ждет головная боль от перенапряжения.

— Беда в том, что ручей, который исходно служил им границей, столько раз менял русло, что я не вижу способа выяснить, где оно проходило изначально, — вздохнул Крис. — А на ручей Заклятие Правды не наложишь!

Тэлия долго раздумывала, чертя прутиком невидимые узоры на камне очага.

— Как ты полагаешь, они согласятся разделить землю поровну? Ты разговаривал с ними больше, чем я.

— Исключено, — категорически сказал Крис; свет очага бросал на его лицо изменчивые тени. — Я разговаривал со старшими сыновьями, так они уже вот-вот передерутся из-за этого участка. Отцы-то согласились бы с радостью, но дети никогда не поддержат такого решения, а как раз дети-то и начнут бучу, если останутся недовольны.

— Я не вижу, как сделать это решением типа «все или ничего», — вздохнула Тэлия после долгого молчания.

— Я тоже. — Крис задумчиво смотрел на пламя. — Среди дворян способом решения такой проблемы мог бы стать брак двоих младших детей, а потом передача спорных земель им во владение.

— Там земли не хватит, чтобы и одного-то прокормить, не то что семью, — почувствовала себя обязанной указать Тэлия, — даже если бы нам удалось найти двоих таких детей, которые согласились бы пожениться.

Крис рассеянно играл одной из вынутых из колчана стрел; потом внезапно глянул на нее и улыбнулся: на него снизошло озарение.

— А как насчет руки Судьбы?

— Что ты имеешь в виду?

— Предположим, мы оба становимся на противоположных концах этого участка и пускаем стрелы точно вверх... потом проводим линию между точками их падения — это и получится новая межа. Если завтра не будет ветра, то, где они упадут, будет зависеть в основном от прихоти Владычицы. Как ты думаешь, это всех устроит?

— А что... это неплохая идея, — сказала Тэлия, напряженно соображая. — Особенно, если мы пригласим священника благословить стрелы, прочесть молитву над полями и все такое прочее. Тогда это будет уже не человеческим решением; решение окажется в руках богов — а кто станет оспаривать их волю? Думаю, обе семьи согласятся подчиниться ей. Крис, это отличная мысль! — Она огорченно вздохнула. — Я бы до такого не додумалась.

— Ты сама просто отлично справились в тот раз, — сказал Крис с большим жаром, нежели собирался. — Мне то дело было совершенно не по зубам.

— Ну, мне не нравится, когда кто-то позволяет скотине бродить где попало. Здесь, в Приграничье, если скот или свиньи уходят в лес, они могут одичать, и тогда перед тобой встает настоящая проблема.

— Хм. Я знал, что одичавшие собаки могут создавать проблемы, но никогда не слышал, что на это способна домашняя скотина. — Крис запомнил это на будущее.

— Это довольно серьезная проблема, — ответила Тэлия рассеянно. — Когда домашние животные дичают, они не боятся человека, как дикие звери, и, что еще хуже, они знают, как люди могут поступить. Не одного человека среди крепковеров убила и покалечила одичавшая скотина.

— Я же говорю, ты справились отлично. Не надо бояться высказывать свое мнение. Стажировка для

того и существует.

— Я... — начала Тэлия, потом замолчала и снова ушла в себя.

— Что?

— Ничего, — ответила она, отодвигаясь назад, в тень, где Крис не мог разглядеть выражения ее лица. — Я просто устала, вот и все. Нам нужно немного отдохнуть.

Эта отстраненность очень тревожила его... но он, похоже, ничего не мог с этим поделать.

На следующий день по дороге из селения они остановились, чтобы захватить с собой писца и священника; когда они сообщили свое решение обоим семействам, те горячо его одобрили. Сами хуторяне были готовы согласиться с любым решением, которое сняло бы чреватое взрывом напряжение между их детьми. Дети же в обоих семействах не сомневались, что, когда будут выпущены стрелы, боги окажутся на их стороне.

Для вопроса, столь долго дебатировавшегося, такой конец явился почти что разочаровывающе прозаичным. Священник благословил стрелы, луки, Герольдов, поля, семьи — все, что могло иметь какое-то отношение или быть каким-то образом заинтересовано в деле. («Все, что движается, я благословляю, — с искорками в глазах сказал он Герольдам. — А над тем, что не движется — молюсь!») Тэлия и Крис встали каждый точно посередине северной и южной границ спорного участка и пустили стрелы; священник отметил место, где упала одна, писец — где другая. Точки эти обозначили пирамидами камней и саженцами, провели новую межу и занесли ее на карты и в документы. Обе стороны объявили, что удовлетворены. Герольды двинулись дальше, в путь.

Однако к этому времени Тэлия уже настолько ушла в себя, что Крис совершенно перестал понимать ее состояние: она с тем же успехом могла быть статуей Герольда. Казалось, она завернулась в кокон самоизоляции, и ничто из того, что он говорил или делал, не могло вытащить ее оттуда.

Что же до самого Криса, то он поймал себя на том, что думает, не слишком ли легко уладились оба спора. Для Тэлии было бы детской забавой самую чуточку подтолкнуть тяжущихся к более дружелюбному — или, по крайней мере, менее враждебному — отношению друг к другу. А если она действительно это сделала, то теперь, стоило ей уехать, ссоры разгорятся снова.

Не слишком ли сильное впечатление на него произвело то, как Тэлия разобралась с первым делом? Не влияет ли она на его отношение к ней?

Выяснить что-либо доподлинно было просто невозможно... совершенно невозможно.

Тэлия начинала осознавать, что весь ее контроль доныне существовал на чисто инстинктивном уровне, что она по-настоящему не понимает механизма действия своего Дара. Подготовка, которую дала ей Ильза, была сродни той, что получали Мыслеговорители, а перед лицом этой утраты контроля мало что из того, чему учила ее Ильза, казалось непосредственно применимым к возникшей перед Тэлией проблеме. Целители, с которыми она работала, никогда ничего ей не говорили... быть может, потому, что видели контроль и полагали, что он сознателен, а не инстинктивен.

Если уж на то пошло, ее Дар может быть не слишком похож на их, не считая его воздействия. Целители безусловно не использовали свою эмпатию в качестве основного Дара; она служила им лишь придатком к Целительству.

Перед ними безусловно не стояло проблем этического порядка, с которыми столкнулась Тэлия. Когда они не Исцеляли, они попросту блокировались. И они не имели дела ни с законами, ни с политикой.

Тэлии страшно хотелось открыться Крису — и в то же время она боялась. Признание только усугубило бы ситуацию, и чем, в конечном итоге, мог Крис помочь? Его Дар даже не относился к тому же типу, что эмпатия, и подготовка, которую получил он, едва ли годилась для Тэлии.

Поэтому Тэлия не говорила ничего, мучилась сомнениями и изо всех сил старалась переломить

ситуацию, которая все больше выходила из-под контроля.

Глава 6

В городках и деревнях, которые они проезжали по пути к Границе, встречалось мало примечательного. Худшая провинность, с которой столкнулись Герольды, — три случая, когда старосты деревень явно пытались что-то утаить: в двух из них оказалось, что те прикарманивали деньги, уплаченные в качестве налога, а в третьем староста намеренно не включал собственный хутор и хозяйства родичей в отчеты и налоговые ведомости. Во всех трех случаях Крис и Тэлия в сущности ничего не сделали, когда мошенничество открылось, поскольку это не входило в их обязанности. Они просто отметили всплывшие факты в своих рапортах. Когда весной явятся сборщики налогов, правда будет им известна, и виновники обнаружат, что должны заплатить изрядную пеню. Таким образом, ответственность за принудительное взыскание налогов на Герольдов не ложилась.

Бросалось в глаза, что чем дальше на север они углублялись, тем большим становилось расстояние между поселками и тем меньше сами поселки. Теперь на то, чтобы добраться от одной деревни до другой, уходила почти неделя.

Тэлия оставалась отрешенной и молчаливой, рот открывала только тогда, когда к ней обращались, и никогда по собственному почину не высказывала своего мнения. Лишь когда они переезжали из одной деревни в другую, она, казалось, немного оттаивала. В пути она сама заговаривала с Крисом, ее даже удавалось упросить что-нибудь спеть. Но как только они оказывались в пределах одного дня езды до населенных мест, ставни захлопывались, и она полностью замыкалась в себе, блокируясь от всех и вся. Когда она говорила, голос ее звучал странно, равнодушно и невыразительно. Она напоминала Крису его самого, когда он впервые шел по мосту из двух веревок на полосе препятствий: под маской Тэлии скрывалось такое же напряжение, словно она боялась, что в любую минуту может оступиться и упасть. Тантрис ничего не смог ему сказать, но даже Ролан проявлял необычную для него нервозность.

Северные края отличались еще и тем, что поселки здесь были не только меньше, но и обносились частоколами из крепких бревен, с запирающимися на ночь воротами. Зимними ночами по округе рыскали волки и другие дикие звери — и некоторые из них о двух ногах. Лес Печалей не мог отвести их всех от сектора, как не мог и помешать разбойникам проникать в него с трех других сторон, в обход закрытой Лесом Границы. Теперь Тэлия и Крис ехали, настороженно прислушиваясь и оглядываясь; оружие они постоянно держали под рукой, а на ночь запирали дверь Путевого Приюта на засов.

Все это могло быть причиной нервозности Тэлии, если забыть о том, что она сама вроде как выросла в Приграничье, где набег — вещь обычная, и такая бдительность должна бы быть ей не в диковину.

И все же, рассуждал Крис, с тех пор действительно много воды утекло, к тому же Тэлия никогда не входила в число защитников — она была в числе тех, кого защищали.

Но нервозности Ролана такое соображение не объясняло. Оба Спутника были умелыми и опытными бойцами; они служили более чем достаточной защитой для себя самих, своих Избранников и чирр. Крис наблюдал за Тэлией — ненавязчиво, как он надеялся, — тревожился и терялся в догадках.

Они проехали через несколько городков и деревень; Тэлия начинала чувствовать себя так, словно распадается на части, кусочек за кусочком. Щиты ее истончились до такой степени, что она уже почти не могла их контролировать, и сквозь них проникало почти все:

Тэлия знала, что не только воспринимает, но и против воли передает эмоции, поскольку Ролан начал становиться таким же нервным, как она сама. Единственной защитой было как можно глубже уйти в себя, а Крис, казалось, считал своим святым долгом препятствовать этому. Тэлия чувствовала себя потерянной, испуганной и чрезвычайно одинокой. Обратиться за помощью было не к кому: Крис сам сказал, что, по его мнению, ее Дар уникален. Теперь Тэлия не сомневалась, что он не может дать ей никакого совета по поводу того, как справиться с проблемой; его собственный Дар относился к числу тех, что почти что поддаются взвешиванию и измерению. Что же касается ее Дара, неизвестно даже, можно ли вообще обнаружить его действие. А теперь он становился совершенно непредсказуемым. Паника и затравленность Тэлии все возрастали.

Наконец они достигли городка под названием Вышнезов, расположенного почти на самой Границе. Боль уже свернулась в душе Тэлии в тугой клубок; мелкие проблемы жителей городка казались ей теперь заурядными.

В предыдущей деревне их догнала почта; одно из посланий оказалось короткой запиской Тэлии от Элспет. Та писала только, что у нее все в порядке, она надеется, что у Тэлии тоже, и чтобы Тэлия о ней не беспокоилась. Тревога Тэлии усугубилась. Она не имела представления о том, что продиктовало Элспет эту записку, что могло происходить в тот момент там, в столице. Элспет была студенткой-первокурсницей; подобно Тэлии, она оказалась единственной девочкой в своей группе. Вероятно, она выбита из колеи... наверняка растеряна... и, в довершение всего, только-только вступает в юношеский возраст. И еще ей придется столкнуться со слухами, которые уже стали известны Тэлии, и теми, что еще могли напредумывать в ее отсутствие. Вполне вероятно, что сейчас она нуждалась в Тэлии больше, чем когда-либо с тех пор, как была Отродьем.

Не говоря уже о том, как действуют слухи на остальных Герольдов.

Не появится ли у них, как у Криса, искушение поверить сплетням? Или же они просто отмахнутся от них, пропустят мимо ушей... и оставят Элспет один на один с ними?

Как справляется с происходящим Селенэй? Что, если королева обращается за советами к Орталлену — Орталлену, которому Тэлия почему-то не могла заставить себя доверять?

Тэлия была настолько поглощена попытками удержать себя в руках и справиться с новыми свалившимися на нее тревогами, что почти не обращала внимания на стоящих перед ней жалобщиков — хмурую, постного вида пару, неприятно напомнившую Тэлии ее собственных сородичей-крепковеров.

Одежда просителей была тускло-черных и ржаво-коричневых тонов, бережно заштопанной и заплатанной, хотя городской голова сообщил Крису и Тэлии, что перед ними, по существу, одна из самых зажиточных пар во всем Вышнезове. Когда они тонкими, визгливыми голосами излагали свои жалобы, их рты кривились в одинаковой недовольной гримасе.

Их голоса бесконечно раздражали Тэлию, их мелочная злоба царапала ее сквозь остатки щитов, словно наждак по обожженной солнцем коже. Она была благодарна Крису, когда тот прервал челобитчиков.

— Вы полностью уверены, что девушка несет ответственность за пропажу птиц? Не может ли быть так, что в ней повинны лисы или другие хищники?

— Наши курятники так же прочны, как наш дом, Герольд, — взвизгнул мужчина. — Даже прочнее! Это она, она таскала, несмотря на то что мы ей платили хорошее жалованье и поручали только легкую работу. Не сомневаюсь, что она продавала их...

— Но кому? Вы сами сказали, что никто в городе не согласится покупать у нее кур.

— Значит, она их съедала! — парировала женщина. — Она прожорливая, я точно знаю...

Тэлия заставила себя перевести взгляд на служанку; одежда той была еще более поношенной, чем у ее хозяев, выглядела она худой, бледной и забитой.

На Тэлию она определенно не произвела впечатления человека, который жировал на краденых курах и гусях.

Девушка на мгновение подняла глаза... и по спине Тэлии пробежал тревожный холодок, когда она увидела ее странный, бессмысленный, сумрачный взгляд. Потом служанка снова потупилась, и Тэлия отмахнулась от охватившего ее дурного предчувствия, как от еще одного проявления утраты ею контроля над своим Даром. Ей хотелось оказаться подальше от всех: от близости людей у нее мурашки по коже бегали, и единственное, чего ей хотелось, — чтобы все поскорее кончилось и она смогла вернуться назад, в сравнительную безопасность Путьевого Приюта.

Она заговорила, думая только о том, чтобы отделаться от жалобщиков.

— Не вижу, где у вас хоть какие-то доказательства того, о чем вы говорите, — резко вмешалась она в разговор, — и не понимаю, почему вы обратились с таким делом к Герольдам...

— Тэлия, ты плохо слушала, — сказал Крис негромко, предостерегающе. — Дело не только в пропавших птицах... хотя их, похоже, заботит только пропажа. Есть еще и другие вещи — начертанные кровью руны на их крыльце и...

— Крис, это же смешно! — взорвалась Тэлия. — Все, что им нужно — найти предлог, чтобы прогнать бедняжку, не выплатив ей жалованья! Гавани, да Келдар каждый год проделывала тот же грязный фокус — нанимала какую-нибудь жалкую девчонку, а потом под вымышленным предлогом выгоняла, прежде чем приходила пора платить ей жалованье за год!

— Тэлия, — после паузы, очень неохотно сказал Крис, — мне очень не хочется давить на тебя, но я вынужден настаивать... поскольку ты можешь работать с Заклятием Правды второго уровня, а я нет. Я хочу, чтобы ты наложила его на каждого из них троих поочередно.

— Не могу поверить, что ты хочешь тратить Заклятие Правды на такую чепуху!

— Это приказ, Герольд.

Услышав холодный тон, которым он это произнес, Тэлия закусила губу и, не говоря больше ни слова, повиновалась. Заклятие Правды первого уровня только выявляло, правду говорит человек или нет. Заклятие второго уровня заставляло его говорить правду. К большому удивлению Тэлии, когда Крис допросил через некоторое время пару, пока она держала на них Заклятие, их рассказ прозвучал так же, как и прежде.

Затем она перенесла Заклятие на робкую с виду служанку... и мышь превратилась в бешеную ласку.

Когда заклинание Тэлии коснулось ее сознания, девушка полностью преобразилась. Она уставилась на хозяев дикими горящими глазами, кривя губы в свирепом оскале.

— О да, — тихо прошипела она, — да. Я брала их птиц. Это малая плата за то, что они со мной делали...

— Что они тебе сделали? — быстро спросил Крис.

— Побои за малейшую оплошность... хлеб, ячменная похлебка и заплесневелый сыр день за днем. У них больше кур, чем у кого-либо в селе, а я за полгода ни единого яйца, ни кусочка курятины не попробовала!

Моя одежда — обноски с ее плеча, и к тому времени, когда они попадают ко мне, от них остаются одни дыры. Когда я не избита, я голодна, когда я не голодна, я мерзну! Но я отомщу...

Сумасшедшая ненависть, с которой она повернулась к своим хозяевам, заставила тех попятиться в страхе перед совершившимся в заморыше перерождением. А Тэлия, пытаясь сохранить контроль перед лицом внезапной бури ярости и ненависти, стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони.

— ..о да, я отомщу! Для этого и были нужны птицы. Я их не ела. Я приносила их в жертву — отдавала волкам. Они приходят ко мне уже каждую ночь. Теперь уже скоро, скоро они научат меня, как обернуться одним из них, надеть на себя волчью шкуру, а когда я научусь... когда научусь...

Безумный огонь в ее глазах ясно сказал, что она собиралась сделать со своими хозяевами, научившись менять обличье.

Тэлия похолодела, ее трясло с головы до ног. Удар, нанесенный эмоциями девушки по ее крошачьим щитам, едва не заставил ее обратиться в паническое бегство. У Тэлии перехватило дыхание; она чувствовала, что сама подошла опасно близко к безумию.

— ..а после — всех остальных. И мои серые братья и сестры помогут, о да... — Голос служанки зазвучал громче, слова слились в неразборчивое бормотание — бессвязные обрывки бреда и ненависти.

Больше Тэлия не могла вынести. Девушка разрушала ее барьеры и могла вот-вот затянуть за собой в бездну безумия. Тэлия слепо потянулась, не размышляя, пользуясь своим Даром для самозащиты, и коснулась девушки, внезапно погрузив ее в сон.

Подавшая иск пара стояла, онемев; молчал долгое мгновение и Крис.

— Думаю, — сказал он наконец, — что нам лучше взять ее и поручить заботам Целителя. Не знаю,

сколько в ее рассказе о том, как вы с ней обращались, правды, а сколько вымысла, но, полагаю, вам лучше согласиться оплатить расходы на Исцеление. А если возьмете другую служанку... советую быть поосторожнее и позаботиться о приличных условиях для нее.

Когда они в сгущающихся сумерках ехали назад к Приюту, Крис хранил зловещее молчание. Весь остаток дня у них заняли хлопоты, связанные с сошедшей с ума девушкой. Целитель провозился почти целое свечное деление, прежде чем ему удалось пробудить ее от глубокого сна, в который погрузила ее Тэлия. И Тэлия испытывала жгучий стыд — как за паническую, бездумную реакцию, так и за эгоцентризм, своеволие и безответственность, приведшие ее к пренебрежению долгом.

— Крис... извини, — глухо сказала она несчастным голосом, когда они миновали городские ворота.

— Я не хотела... я...

Крис промолчал, и Тэлия снова сжалась и ушла в себя; остатки ее с трудом выработанной уверенности в себе разлетелись вдребезги.

Он догадывается... конечно, догадывается. Я неудачница; у меня не хватило самообладания даже на объезд половины округа. Я все делаю не так.

Но Крис не раскрывал рта, хотя бы для того, чтобы вынести ей приговор; Тэлия чувствовала только, что он о чем-то размышляет, но не могла сказать, о чем. Всю дорогу до Приюта она молча ехала рядом с ним, ожидая, когда упадет топор. И то, что он так и не упал, только ухудшило дело.

Крис ехал в молчании, только теперь начиная понимать, что совершил почти роковую ошибку, когда не сказал Тэлии ни слова утешения, не ободрил. Ее самооценка оказалась гораздо более неустойчивой, чем он предполагал. И нервы у нее явно разгулялись. Теперь, думал Крис, понятно, почему она не хотела рисковать, вынося какие-либо решения, и неохотно высказывала свое мнение, причем только тогда, когда он напрямую просил ее об этом. Когда он давеча расспрашивал ее в Приюте, она избегала отвечать на любые вопросы о своем самочувствии, отделиваясь словами, что все «в порядке». Крис начал сомневаться, оправится ли она когда-нибудь от сегодняшнего инцидента... и бояться, что сломал ее.

А потом, когда на землю уже спустилась густая тьма, в голову ему пришла тревожная мысль, что она медленно сходит с ума и, возможно, тянет за собой и его.

Когда они ехали к крошечной деревушке, обладавшей двумя особенностями — она являлась самым северным и одновременно ближайшим к Границе поселением, расположенным на краю самого Леса Печалей, — землю уже покрыл снег. Тэлия, больше привыкшая напрягать все силы, чтобы удержать остатки своих щитов, чем стараться почувствовать приближение населенного пункта, начала гадать, не изменили ли ей ее способности окончательно. Но нет — рядом находился Крис; ее ободренный, кровоточащий рассудок воспринимал его близость так отчетливо, что она была почти болезненной. Значит, дело в чем-то другом.

Наконец она собрала все свое мужество и сказала Крису о том, чего не чувствует.

— Просто слишком много... ну, «тишины», иначе мне не объяснить. Я почти ничего не чувствую, а то немного, что воспринимаю, выглядит так, словно все спят или без сознания.

— Ты уверена, что дело не в том, что холод на тебя так действует? — спросил Крис.

«Хотела бы я, чтобы он мог так действовать; — тоскливо подумала Тэлия, а вслух ответила:

— Нет... не думаю. Тогда в Зеленой Куще было так же холодно, а я почувствовала людей за день до того, как мы туда добрались.

Крис поразмыслил.

— Тогда ладно, нам лучше двигаться с максимальной скоростью, какую только выдержат чирры. Если что-то не так, чем скорее мы доберемся до места, тем лучше.

Они ускорили ход, перейдя с шага на рысь; под копытами Спутников скрипел снег, подузные бубенцы неистово звенели. Воздух был совершенно неподвижен, небо — безоблачно и так пронзительно

сине, что делалось больно глазам. Светило солнце, голые ветви деревьев отбрасывали на сугробы тени, похожие на голубое кружево. День выдался прекрасный, и странная тревога, которая не покидала Тэлию, казалась совершенно неуместной.

Деревенька, когда они ее завидели, показалась очень тихой... чересчур тихой. Она примостилась на вырубке, зажатой между двух прикрывающих ее холмов. Странно, на снегу не было совершенно никаких следов — ни ведущих в лес, ни обратно. Ворота стояли распахнутые, рядом — ни души. Лицо Криса выразило тревогу настолько явно, что Тэлия и без напора его эмоций поняла бы, что он напуган так же, как она. Он приказал Тэлии оставаться на месте, спустился с холма, на котором они стояли, к воротам деревни и въехал внутрь, ведя свою чирру в поводу.

Спустя короткое время Тэлия увидела, как захлопнулись ворота, и услышала, как скользнул в пазы запирающий их брус. Сразу вслед за этим через частокол по дуге перелетела стрела и воткнулась в снег по ее сторону ограды.

Тэлия подбежала к месту ее падения. На стреле было три кольца: три зеленых и одно красное. Она проверила узор на оперении — он вне всякого сомнения принадлежал Крису. Могло показаться, что со стороны Криса было глупостью выщипывать его, когда Тэлия собственными глазами видела, как он въезжал в деревню, но в действительности он только так мог уверить ее, что, когда ворота захлопнулись, их захлопнул он, а не притаившиеся внутри разбойники.

Стрела могла означать только одно. Всю деревню свалил какой-то мор.

Господь и Владычица... что же мне делать...

— отчаянно подумала Тэлия и покачнулась, когда Ролан нетерпеливо толкнул ее головой. Она ощутила его раздражение так явственно, словно Спутник высказал его. Он был сыт по горло ее душевными метаниями и самоедством; здесь требовалось действовать, просто действовать. Она отлично знает, что она должна делать, и, черт побери, лучше бы она наконец взялась за дело!

Казалось, что-то внутри нее, что было разбито, теперь вновь срасталось воедино. Тэлия заставила себя успокоиться и начать думать. Она написала записку, в которой сообщала Крису, что оставляет свою чирру привязанной к воротам и чтобы он завел животное внутрь, когда увидит, что она уехала. Потом взяла простую белую стрелу из числа своих собственных, прикрепила к ней записку и послала обратно через забор. Перерыла вьюки и отобрала карту, мех с водой и сумку с провизией для себя и Ролана.

Сверившись с картой, Тэлия убедилась, что ближайший Храм Исцеления находится в пяти днях езды к востоку. Значит, они с Роланом смогут добраться туда за два дня.

Она привязала чирру к забору, вскочила на спину Ролана, и они помчались.

Нынче был как раз один из тех случаев, когда способность Спутников буквально пожирать милю за милей стоила дороже любого золота или драгоценностей. Спутник мог часами двигаться со скоростью, равной скорости идущей галопом лошади, и притом не уставать. При необходимости он мог выдерживать такую изматывающую гонку несколько дней, не получая ничего, кроме воды и пригоршни-другой корма. Когда испытание оставалось позади, ему требовалось несколько дней усиленного питания и отдыха, но Спутник никогда не сдавал и редко хотя бы растягивал мышцы или сухожилия в условиях, которые оказались бы убийственными для обычной лошади. Везде, где могло пройти копытное животное, мог пройти и Спутник; мог он и карабкаться по обледеневшим, опасным каменным осыпям, на что осмеливаются только горные козы. Единственное, о чем оставалось беспокоиться Герольду, — о том, чтобы удержаться на его спине!

Тэлия и Ролан мчались до поздней ночи; она ела и пила, не сходя с седла, даже подремала немного. Дорога была свободной, сравнительно сухой и ровной, и Ролан выкладывался до конца. Им даже светила полная луна, так что оба ясно видели дорогу. Топот Спутника распугал всю живность, какая только обитала в округе, так что они ехали в тишине, нарушаемой только звуком ударов копыт Ролана о мерзлую землю. Это было жутковатое странствие, похожее на то, что бывает во сне, дикая скачка, которая, казалось, никогда никуда не приведет. Ролан оставался относительно свеж, поэтому они не останавливались почти до самого захода луны. Однако наконец даже ему потребовался краткий отдых. Незадолго до рассвета они сделали привал на маленькой поляне у дороги, возле ручья, увенчанного замерзшим водопадом.

Ролан остановился около озера под водопадом; бока его ходили ходуном, от шкуры на морозном воздухе шел пар, дыхание вырывалось белыми султанчиками и инеем оседало вокруг ноздрей. Тэлия разбила лед, но вода оказалась слишком холодной, чтобы он мог ее пить, — это было опасно. Вместо этого Тэлия напоила его из своего меха с водой: когда мех пустел, она наполняла его снова, согревала теплом собственного тела и давала Ролану, пока тот не напился вволю. Потом она в последний раз наполнила мех и, отдав Спутнику примерно треть пищи, которую взяла с собой, долго пила сама. Как раз когда взошло солнце, высекая пламя из сверкающего, словно россыпь самоцветов, водопада, они были готовы продолжить свою изнурительную скачку.

Около полудня они сделали новую остановку — по естественным надобностям. Это не заняло много времени, и Тэлия воспользовалась дневным светом и сравнительно теплыми лучами солнца, чтобы снять с Ролана сбрую и просушить, и растереть Спутника полотенцем, которое всегда возила в седельной сумке.

Она прижалась головой к его боку; колени у нее подгибались, и не только от долгой скачки.

«Помоги мне, Владычица... Целители обладают моим Даром... как же мне встретиться с ними? Как я вообще могу встречаться с кем-либо, когда я вот так вот разваливаюсь на части? О, боги... мне этого не вынести...»

Ролан ласково ткнулся в ее плечо; Тэлия почти услышала слова — так ясно дошло до нее сообщение. «Я помогу тебе», — говорило воспринятое ею чувство.

— О, боги... а ты можешь?

Ответ был безоговорочно утвердительным. Тэлия вздохнула, расслабилась, потянулась к Ролану...

И почувствовала, как поднимаются вокруг нее щиты, укрепленные приходящей извне силой; почувствовала, как ее охватывает покой и нечто вроде онемения, которое было настолько лучше, чем боль и напряжение, в которых она жила, что она чуть не расплакалась.

— Сколько?..

Его сожаление, похоже, означало, что он сможет удерживать защиту не слишком долго.

— Только поддержи ее, пока мы доберемся туда и обратно. Я стану работать так, чтобы полностью выматываться, и усталость удержит все под контролем. Я не могу передавать, когда у меня нет сил. Я выясню, что пошло не так, я знаю, что выясню... если только мне удастся побыть некоторое время вдали от людей...

Тогда поехали, — сказал нетерпеливый взмах его головы.

Сбруя, включая потник, оказалась на ощупь сухой, поэтому Тэлия, не теряя времени, оседлала Ролана и снова пустилась в путь; за спиной у нее, словно второй всадник, притулилась тревога.

Они галопом влетели во двор Храма Исцеления вскоре после наступления сумерек. Белая форма Тэлии и ее Спутник моментально привлекли к ней внимание: Ролан не успел еще остановиться, как возле нее стремени уже очутился одетый в зеленое послушник-Целитель, ожидающий распоряжений. Сразу вслед за ним подбежали еще двое: один нес горячее вино с травами для Тэлии, другой — свежую теплую кашу для Ролана. Те с благодарностью проглотили свои порции, пока кто-то бросился известить двоих Герольдов, прикомандированных к этому Храму. Тем временем еще один послушник зажег повсюду вокруг факелы, и не успела еще Тэлия допить вино, как к ней через мощный булыжником двор уже опрометью бежала хрупкая, тоненькая женщина, чьи коротко остриженные волосы пылали огненно-рыжим даже в ненадежном свете факелов. Через плечо у нее висела тяжелая сумка, зеленые одежды развевались, и на ходу она завязывала вокруг шеи шнурки плаща.

— Я Керитвин, — сказала она, подбежав к Тэлии. — Я здесь самый опытный Целитель в области моровых поветрий. Двое других, о которых ты просила, последуют за нами, как только будут готовы наши Герольды, а я готова ехать прямо сейчас.

— Тогда ладно: чем скорее мы вернемся к Крису, тем лучше. Вы привыкли ездить за спиной у Герольда? — Тэлия протянула руку, чтобы помочь Целительнице вскочить на Ролана.

— Можно сказать, что да, — ответила женщина, берясь за протянутую руку Тэлии. Когда их руки соприкоснулись, она бросила на Тэлию странный взгляд, на мгновение заколебалась, потом поставила ногу поверх ноги Герольда, поднялась и уселась на подушку позади Тэлии с легкостью, говорящей о большом опыте.

— Ролан намного быстрее, чем большинство Спутников, так что приготовьтесь.

Несмотря на предупреждение, Тэлия услышала, как Целительница тихо ахнула от удивления, когда Ролан рванулся в обратный путь по своим следам.

Однако не приходилось сомневаться, что рыжеволосой женщине такой способ передвижения не в новинку. Она удерживалась на спине Спутника, не выпуская из рук свои лекарства и пояс Тэлии, но и не цепляясь панически. Плащ она плотно запахнула, так, чтобы он прикрывал ее целиком, голову пригнула, прячась за Тэлией от бьющего в лицо встречного ветра. Тэлия с облегчением обнаружила, что Целительница готова есть и дремать, не сходя с седла, и, если уж на то пошло, даже еще меньше, чем Ролан, склонна останавливаться для отдыха.

Они достигли деревни вскоре после полудня второго дня обратного пути. Деревушка по-прежнему выглядела совершенно вымершей, а непредсказуемые щиты Тэлии на сей раз сомкнулись вокруг нее, так что она не чувствовала даже присутствия Криса внутри.

Целительница соскочила на землю, а Тэлия направила Ролана задом к воротам, и тот выбил на них дробь задним копытом. Где бы ни находился Крис, спит он или бодрствует, но, если только он и сам не заболел, это он услышит.

Она заволновалась и стиснула поводья в руках, когда Крис не появился сразу вслед за стуком. Он так легко мог сам подцепить болезнь: моровое поветрие — что угодно, только не незаразное заболевание. Возле ее стремени беспокойно шевельнулась Керитвин: судя по тревоге на ее лице, Целительнице пришли в голову те же самые мысли.

Но тут Тэлия услышала, как лязгнул, отодвигаясь, брус, и ворота со скрипом приоткрылись ровно настолько, чтобы впустить их. Она въехала внутрь, не задерживаясь, чтобы спешиться, и соскользнула на землю, только когда уже миновала ворота. Целительница вошла следом.

— Двое других едут за нами и будут меньше чем через день, а я была готова сразу, поэтому поехала вперед, — быстро сказала Керитвин Крису. — Каково положение?

Крис задвигал брус на место, а когда повернулся к ним лицом, Тэлии захотелось расплакаться от жалости. Она глазам своим не поверила, таким измотанным он выглядел: должно быть, оставался на ногах все время с момента ее отъезда.

— Плохо, — устало сказал Крис. — Похоже, все население слегло в течение одного-двух дней. Когда я появился, то нашел пять умерших, а с тех пор потерял еще троих.

— Симптомы?

— Жар, бред, какая-то красная сыпь и опухоли под нижней челюстью и под мышками. Керитвин кивнула.

— Снежная лихорадка — во всяком случае, так мы ее называем. Обычно она появляется сразу после первых снегопадов; после Середины Зимы она, по-видимому, исчезает и никогда не вспыхивает в теплую погоду. Как вы их лечили?

— Пытался поить, особенно настоем из ивовой коры, хотя, когда мне казалось, что жар слишком усиливается, особенно у детей, я ненадолго обкладывал их снегом, чтобы сбить его.

— Молодец! Я и сама не справилась бы лучше, — похвалила Керитвин. — У меня есть с собой одно специальное снадобье, но пройдет немного времени, прежде чем оно подействует, так что с теми, кому не грозит непосредственная опасность, мы будем продолжать делать то же самое. А сейчас я займусь самыми тяжелыми больными. Кому-нибудь из вас раньше приходилось помогать Целителю?

— — Я не могу, — ответил Крис, покачивая головой, так что прямые волосы упали ему на лоб. —

Последний Целитель, с которым я разговаривал, сказал, что мои Дары совершенно не годятся. Боюсь, от меня будет больше толку просто как от пары рук.

Керитвин повернулась и посмотрела на Тэлию странным оценивающим взглядом.

Та с трудом сглотнула, но ответила.

— Я никогда не пробовала, но мои Дары — Эмпатия и Целительство Души. Мой преподаватель говорил, что они относятся к типу Целительских. Если я буду ей ассистировать, я так или иначе не смогу держать щиты, но работа отнимет столько сил, что передавать я тоже не смогу.

— Эмпатия у Герольда? — Керитвин подняла бровь. — Что ж, тогда ты должна очень мне помочь. Во всяком случае, попытаемся; в худшем случае просто ничего не получится. Герольд, вы изолировали тех, у кого наиболее тяжелые случаи заболевания?

— Они все вон тут. — Крис показал на маленький домишко возле самых ворот. — Когда мне показалось, что это не принесет им вреда, я перетащил всех самых тяжелых больных в одно место.

— Отлично.

Керитвин дала ему около фунта какого-то травяного сбора, велев приготовить из него котел отвара. Крис должен был дать каждому больному по меньшей мере по чашке, и сам выпить немного. Когда Крис ушел, чтобы выполнить ее указания и позаботиться о Ролане, Керитвин с Тэлией вошли в дом.

В доме оказалось тесно и темно, так как для защиты от холода окна были закрыты ставнями. Крис приволок в три имеющиеся в домишке комнаты столько кроватей и коек, сколько смог втиснуть. Он делал все от него зависящее, чтобы содержать своих подопечных в чистоте, и жег в очаге травы, чтобы убивать вредные испарения, но в воздухе все равно чувствовался слабый, но отчетливый запах болезни. Вид стольких людей в тесной комнате вызвал у Тэлии приступ клаустрофобии, а запах — легкую тошноту. Спасибо и на том, что все больные находились, очевидно, в таком глубоком беспамятстве, что ей не от чего было пытаться заблокироваться. Керитвин, похоже, ничего не заметила.

Хуже всех было одной хрупкой старушке; на ее худом лице гротескно выделялась распухшая челюсть.

— Возьми стул и сядь рядом со мной, Герольд, — велела Целительница. — Сядь удобно, возьми меня за свободную руку и убери щиты... — снова оценивающий взгляд, — ..и делай то, что делаешь обычно, когда готовишься мысленно говорить — неважно что. Об остальном позабочусь я.

Тэлия закрыла глаза и заставила себя отрешиться от всего окружающего и временно забыть о тревогах, сосредоточившись на старом дыхательном упражнении.

Прошло долгое мгновение, прежде чем она убедилась, что все еще способна входить в глубокий транс. При том, что все прочее весело катилось в тартарары, Тэлия не испытывала полной уверенности в том, что ей удастся выполнить даже самое простейшее упражнение.

Осторожная проба доказала, что по крайней мере на этот счет ее страх беспочвенен.

Когда Тэлия достигла нужного уровня транса, Целительница предстала ее внутреннему взору в виде почти плотного сгустка энергии успокаивающего зелено-золотого цвета.

«Хвала богам, — подумала она с отрешенной признательностью, — Керитвин, должно быть, еще больший мастер, чем говорила».

Дело было не в том, что Целительница обладала контролируемой силой, равной силе любого из преподавателей-Герольдов, с которыми имела дело Тэлия, а еще и в том, что Тэлии со стороны Целительницы ничего не грозило. Керитвин не позволяла никаким отрицательным эмоциям возмутить поверхность своего сознания!

На месте же больной, казалось, клубилось что-то темное, грязно-красное. Тэлия с отстраненным интересом наблюдала, как Целительница посылала в эти угрюмые вихри копыя света, очищая и рассеивая тьму и раздувая крошечные тлеющие искорки, которые обнаруживала под нею, пока они вновь ярко не разгорались. Пока Керитвин работала, Тэлия одновременно ощущала и видела, как энергия перетекает от нее к Целительнице, восполняя ту, что потратила Керитвин.

Теперь, поняв, что требуется Целительнице, она открыла канал между ними как можно шире и потянулась, ища поддержки Ролана. От них двоих к Керитвин непрерывным мощным потоком потекла энергия, и работа пошла быстрее и увереннее. Все было закончено за минуту, и Тэлия почувствовала, как прервался контакт. Она ускорила дыхание, направила концентрацию вовне и открыла глаза.

Серые глаза Целительницы смотрели на нее с одобрением.

— Очень хорошо, Герольд; ты очень быстро ухватила принцип. Можешь продолжать так же хорошо, как начала?

— Я отдам все, что у меня есть.

— В таком случае, думаю, мор не унесет больше ни одной жизни. Как видишь, с первой больной мы справились очень неплохо.

Старушка теперь мало напоминала то болезненное существо, которое они видели перед собой, когда начинали. Опухли под челюстью уже уменьшились больше чем наполовину, и было ясно, что жар тоже почти спал. Взглянув на нее, Тэлия испытала огромную радость. Первый раз за столь долгое время она хоть что-то сделала правильно...

Только когда они оказали помощь всем находившимся в доме, Целительница наконец настояла, чтобы Тэлия отдохнула. Тэлия разыскала свои вьюки, вспомнив, что видела их, когда входила. Крис сложил их кучей у очага. Порывшись в них, Тэлия откопала немного сушеного мяса и фруктов, но обнаружила, что аппетит у нее настолько плох, что она не может даже вызвать в себе достаточно интереса, чтобы откусить кусок. Вместо того чтобы поесть, она осела на камень очага спиной к огню, скрестила ноги и, закрыв глаза, стала впитывать тепло, слишком обессиленная, чтобы что-либо чувствовать, и так радуясь передышке, что единственное, чего ей хотелось — это наслаждаться воцарившимся в мозгу покоем.

— Глупая девчонка! Тебе что, в вашей Коллегии вообще ничего не рассказывали о Дарах?

Тэлия удивленно открыла глаза: над ней с дымящейся кружкой в одной руке и плиткой чего-то в другой стояла Керитвин.

— Ты должна отлично знать, что если не восполнишь запасы энергии, от тебя никому не будет проку! — Она сунула то и другое в руки Тэлии. — Я знаю, что есть тебе не хочется — все равно поешь! Когда управишься с этим, поди отыщи своего напарника и заставь его поесть и поспать. Судя по его виду, он неделю не делал ни того, ни другого. Не беспокойся, когда ты мне понадобишься, я тебя найду. И позаботься, чтобы и у ваших Спутников все было в порядке.

Брусок оказался сушеными фруктами и орехами, спрессованными с медом. При других обстоятельствах Тэлия, вероятно, нашла бы их отвратительно сладкими, но стоило ей заставить себя откусить первый кусок, как пища показалась гораздо более привлекательной, и она быстро съела все до крошки. В жидкости она узнала отвар, которым Крис поил больных, и приберегла кусок плитки, чтобы заесть ею противный вкус во рту.

Сперва она пошла к Ролану. Крис снял с него сбрую, набросил на спину несколько одеял и отвел в конюшню при трактире. Он также оставил поблизости еду и воду, но больше ничего сделать не успел.

Тэлия вычистила и растерла жеребца, радуясь тому, что Спутники — умные создания, и их можно не вываживать шагом, пока не остынут — они делают это сами. Впервые на ее памяти Ролан выглядел явно усталым и откровенно голодным, но в остальном скачка ему нисколько не повредила. Тэлия тщательно укутала его от холода и рыскала кругом, пока не нашла клеть, где хранилось зерно. Она добавила в корм сушеных фруктов и щедро насыпала в кормушку, где Ролан мог легко его достать, потом принесла котелок горячей каши, которую Спутник с жадностью проглотил, как только она остыла настолько, чтобы ее можно было есть.

Как ни устала Тэлия, ей пришло в голову, что она должна проведать и Тантриса. Спутник Криса приветственно заржал и умоляюще загремел ведром для зерна. Тэлия рассмеялась — как давно она не смеялась! В кормушке у Тантриса лежало сено, голод ему не грозил, но он явно хотел, чтобы и ему

перепало немного от того лакомства, что получал Ролан. Тэлия угостила и его, и Тантрис благодарно потыкался в нее носом. Чирры, содержащиеся без привязи в большом загоне, откуда могли выйти наружу и где имелось столько корма, что хватило бы им на неделю, пребывали в прекрасном настроении. Тэлия сменила им воду и пошла искать Криса.

Ей не пришлось долго уговаривать его залезть в спальный мешок, который она расстелила возле очага. Фактически, он уснул прежде, чем доел то, что Тэлия ему дала; она осторожно вынула у него из рук миску с остатками каши, с которой Крис управился лишь наполовину, поставила так, чтобы он увидел, когда проснется, и сама принялась за работу, от которой его оторвала.

Все трое работали как одержимые до поздней ночи, спали и ели урывками, когда никому, по-видимому, не требовалась совсем уж неотложная помощь. Как ни странно, хрупкая на вид Керитвин, казалось, уставала меньше всех. Она проявляла невероятную выносливость и неутомимость; часто бранила Герольдов, заставляя отдохнуть, в то время как сама делала передышки реже всех.

Когда долгожданный звук ударов копыт в ворота возвестил о прибытии двух других Целителей и сопровождающих их Герольдов, все трое были вымотаны до предела.

Вновь прибывшие Целители — огромный, косматый, словно медведь, мужчина и круглолицая девчушка, которая казалась слишком юной, чтобы успеть заслужить Зеленое одеяние мастера вместо салатных одежд ученицы, — быстро приняли руководство у Керитвин, которая тут же устроилась в укромном уголке, подстелив несколько одеял, и мгновенно заснула. Оба сопровождавших их Герольда умели помогать Целителям и решительно отправили Криса и Тэлию в постель, так что те впервые с тех пор, как оказались здесь, спокойно проспали целую ночь.

На следующий день все снова были на ногах и работали. Ели и спали они по очереди, и к концу недели несколько их прежних подопечных настолько окрепли, что смогли начать помогать в уходе за своими товарищами по несчастью. И тогда Керитвин мягко, но решительно велела Крису отправляться в путь.

— Вы нам больше не нужны — даже для обычных дел, — настойчиво говорила она. — Наши Герольды в состоянии уладить любые споры; законы и новости доходят до нас самое редкое раз в месяц, и мы отлично можем пересылать отчеты. Я хочу, чтобы вы оба уехали отсюда, прежде чем сами подцепите заразу.

— Но... — запротестовал Крис.

— Уезжайте! — повторила Целительница. — Я повидала уже шесть случаев моровых поветрий, нынешний седьмой. Ваш отъезд не будет означать пренебрежения долгом. Лорис и Герольд Пелсин останутся здесь до Середины Зимы, так что вы здешним жителям больше не понадобятся! Ну, в дорогу!

Крис собрал пожитки, раздобыл немного свежей еды в дополнение к сушеной — на холоде порча продуктам не грозила, — оставил Герольдам, которые привезли Целителей, отчеты, а также передал письменные отзывы о деревнях, которые они с Тэлией уже посетили, для пересылки в столицу.

Однако Тэлии не удалось легко отделаться. Пока Крис беседовал с двумя другими Герольдами, Керитвин отвела ее в сторонку как раз тогда, когда Тэлия уже собиралась сесть в седло.

— Детка, — сказала она напрямик, — в твоих щитах столько дыр, что они похожи на мишени, по которым стреляли неделю, и не будь ты так измотана, ты передавала бы свои эмоции на весь мир! Ты в таком состоянии, что, будь у меня хоть немного времени, я не отпустила бы тебя отсюда. Но у меня нет ни свободного времени, ни сил. Не знаю, чем ты там занималась, или воображаешь, что занимаешься, но, что бы это ни было, это абсолютно не правильно. Лучше возьми себя в руки, девочка, и поскорее, не то начнешь воздействовать даже на не обладающих Даром. А теперь поезжай — и начинай работать над контролем Без обиняков высказав все это, она круто повернулась и ушла, оставив Тэлию разрываться на части, не зная — то ли бежать за Целительницей и умолять о помощи, то ли вскрыть себе вены, не сходя с места.

В конце концов она, однако, собрала жалкие ошметки мужества и выехала за ворота следом за

Крисом.

Крис сверился с картой: Керитвин приказала ему подыскать место, где они оба могли бы остановиться и как следует отдохнуть. Вскоре он сообщил Тэлии, что, кажется, нашел Путевой Приют, который лучше всего подходит для такой цели. Тэлия кивнула, погруженная в свои горести; Крис был озабочен тем, чтобы определить, где они сейчас находятся, и ничего не заметил — или, по крайней мере, ничего не сказал. Но после того, что сказала ей Керитвин...

Что ж, она будет вдвое осторожнее, чем прежде, только и всего.

Они находились уже в добрых полудне пути от деревни и далеко углубились в собственно Лес Печалей. Около полудня Крис объявил привал, так что они смогли перекусить, пока он старался сориентироваться по карте. Через Печали вело несколько узких дорог, и если они пропустили свою или приняли за дорогу звериную тропу, у них еще до наступления темноты могли начаться неприятности.

Но дорогу они выбрали правильно, и Путевой Приют находился в пределах досягаемости.

Счастье, что он оказался не слишком далеко, ибо только они спешили и достали из вьюков еду, как чирры начали всхрипывать и тревожно плясать на месте.

— Тэлия, чирры не капризничают без веской на то причины, — сказал Крис, обеспокоенно нахмурившись, когда его чирра в третий раз вырвала у него из рук чембур. — Ты можешь выяснить, в чем дело?

— Не знаю... — с сомнением ответила Тэлия; ее все еще колотило после столкновения с Целительницей, к тому же она никогда особенно не работала с животными. — Но попробую.

Она сосредоточилась и погрузилась в глубокий транс, в котором ей прежде удавалось коснуться сознания животных. Образ того, что вызывало их беспокойство, оказался отчетливым и резким — и достаточным для того, чтобы Тэлия как можно скорее вынырнула обратно, на поверхность сознания.

— Снег, — сказала она кратко, поскольку образ был кристально ясным и воспринимался в высшей степени обостренно из-за внушаемого им страха. — Много снега... сильная пурга надвигается с севера. Она настигнет нас еще до наступления сумерек.

Крис выругался.

— Тогда времени у нас мало. Поехали.

Глава 7

Когда чирры поняли, что Тэлия выяснила причину их тревоги, к ним вернулось их обычное добронравие. Герольды спешили изо всех сил, но и чирры, и Спутники с трудом удерживались на ногах на обледенелой дороге, а от наползающих с севера туч день потемнел, словно уже наступили сумерки. Потом меж деревьев завыл сильный ветер. Примерно фарлонг назад дорога, по которой они двигались, повернула на север, и теперь ветер дул путешественникам прямо в лицо. Крис и Тэлия спешили и боролись с его напором бок о бок со Спутниками и чиррами. Когда с неба повалили первые крупные хлопья снега, положение путешественников стало уже весьма тяжелым.

Спустя несколько мгновений с начала снегопада оба Герольда не могли уже ничего разглядеть в нескольких шагах от себя. Ветер был настолько силен, что вырывал полы плащей из их окоченевших пальцев; он завывал в голых сучьях, несясь по земле, визжа, словно бесноватый. Деревья стонали и протестующе скрипели, неистово размахивая ветками над головами путников. Перекричать бурю было так трудно, что ни Крис, ни Тэлия и не пытались говорить, а когда им действительно требовалось что-то сообщить друг другу, объяснялись знаками. Ни один из виденных Тэлией буранов не шел в сравнение с нынешним, и она надеялась (когда сквозь цепенящий холод пробивались хоть какие-то мысли), что для их Сектора такое все же не типично.

Слой снега на земле рос с пугающей быстротой — сперва он доходил людям до щиколоток, потом до колен. Они потеряли всякое представление о расстоянии и времени и боролись просто за то, чтобы переставлять ноги. Ведущую к Путевому Приюту тропинку Крис и Тантрис обнаружили благодаря скорее случайности, чем чутью или чувству направления — они буквально вывалились на нее, когда исследовали росшие вдоль дороги кусты.

Тропинка вскоре круто нырнула вниз между двух невысоких гряд, которые отчасти заслонили путешественников от ветра. Крис и Тэлия выпустили стременные ремни, за которые держались, и, спотыкаясь, поплелись следом за Спутниками, положившись на то, что те способны вывести их к Приюту. К тому времени, как они до него добрались, люди уже едва различали тропу перед собой. Стена Приюта возникла из серо-белой стены снега перед ними только тогда, когда они чуть не уперлись в него.

Приют, вероятно, никто не посещал с тех пор, как летом его проверила и завезла припасы специальная команда. Быстрый осмотр поленницы сказал Крису и Тэлии, что дров не хватит, чтобы они смогли протянуть так долго, как им, вероятно, придется просидеть в занесенном снегом Приюте. Нельзя было терять времени; они оставили чирр привязанными к стене здания, сами обвязались веревками, прикрепили их к пряжкам на седлах и, вооружившись топорами, отправились на поиски валежника.

Труд был каторжный, особенно сразу после недавнего испытания. Руки и плечи Тэлии ломило от непривычной работы, тело окоченело от холода. Снег так облепил ее плащ, что при каждом движении скрипел и отваливался целыми пластами. Мир сузился настолько, что в нем остались лишь боль, топор в руках и валежник под ногами. Больше всего на свете Тэлии хотелось лечь на мягкий снег и отдохнуть, но она знала, что этого как раз ни в коем случае делать нельзя. И она продолжала бороться с болью и летящим в глаза снегом, выстраивая из цепенящего холода и рези в натруженных мышцах оплот против отчаяния, которое пробудила в ней своим резким предостережением Целительница Керитвин. Тэлия все понукала себя в сгущающейся тьме, пока не осознала, что почти не видит, куда опускается ее топор. Уже почти настала ночь — настоящая ночь.

Пора было остановиться. Когда они с Роланом уже в полной темноте волокли последнюю вязанку, Тэлия могла уже только цепляться за его подпругу, и Спутник тащил и ее, и дрова обратно к Приюту. Ветер усилился — а ей-то казалось, что дальше просто некуда, — и едва не срывал с Тэлии плащ. Она дышала со всхлипом, воздух вонзался в горло и легкие ледяными иглами.

Она отворила дверь Приюта и удивленно заморгала — за ней не оказалось ничего, кроме маленькой темной комнатухи с еще одной дверью в противоположной от входа стене. Спустя мгновение до затуманенного усталостью сознания Тэлии дошло, что в здешнем Приюте, в отличие от всех, которые она до сих пор видела, имелись сени, предназначенные для того, чтобы задерживать царящий снаружи холод.

Тэлия с трудом, непослушными руками открыла вторую дверь; Ролан протиснулся в Приют следом за

ней. Крис со своей последней вязанкой ненамного обогнал ее на обратном пути и успел уже окурить комнату и развести огонь в очаге. Он отвязал Тэлию от Ролана, и она с благодарностью заковыляла на полуотмороженных ногах к огню, горевшему, словно желтая путеводная звезда. Крис завел Ролана во внутреннее помещение Приюта, и Тэлия, рухнувшая поближе к теплу очага, увидела, что он ввел внутрь также и Тантриса и обеих чирр. Пока Крис не разместил всех как следует, было немного тесновато, но Тэлия знала, что никто и ничто не сможет протянуть долго снаружи, на воющем ветру.

Тэлия стащила с себя облепленную снегом одежду и развесила ее рядом с вещами Криса на крюках над очагом. Крис уже занимался приготовлениями к ужину, так что, натянув шерстяную сорочку и старые штаны (она чувствовала себя слишком измученной, чтобы переодеться полностью) Тэлия вытащила из их скаток с постельными принадлежностями серо-бурые одеяла и устроила поверх сухого сена перед очагом что-то вроде гнезда. Так они с Крисом могли удобно расположиться и согреть свои больные, дрожащие тела, пока готовится еда.

Тэлия тупо смотрела в огонь; и ум, и тело ее все еще оставались замерзшими и оледеневшими. Она упрямо держалась за свое оцепенение, не желая оказаться перед его альтернативой. И преуспела: она пребывала в изнеможении и апатии еще долго после того, как по идее должна была уже начать подавать признаки жизни. Крис простоял над ней несколько минут прежде, чем до нее дошло, что он тут.

— Тэлия... — неловко начал он, — Я знаю, что сейчас не время и не место, но лучшего, наверно, не будет. Нам с тобой надо поговорить.

Сама того не замечая, Тэлия медленно поднялась на все еще непослушные ноги, чувствуя холод, который не имел никакого отношения к бушующей снаружи метели.

— О ч-ч-чем? — заикаясь, спросила она, страшась самого худшего.

— Перед тем, как мы уехали, Керитвин перекинулась со мной парой слов, — начал Крис, и отчаяние, которое Тэлия сдерживала из последних сил, обрушилось на нее с сокрушительной силой, равной силе бурана, а вместе с ним, как ни странно, ее захлестнуло и нечто вроде безнадежной ярости. — Черт, Тэлия... она сказала, что ты таишься от меня; что твой Дар полностью вышел из-под контроля!

Что-то внутри Тэлии разлетелось вдребезги, и буря, которую она так долго сдерживала и подавляла, вырвалась на волю.

Крис ожидал гнева, возражений — но не этого! В него ударили попеременно волны самоубийственного отчаяния и убийственной ярости; удар в буквальном смысле слова бросил его на колени. Глаза застлал багровый туман. В ушах стоял рев, за которым ему смутно слышался визг разъяренной лошади и стук копыт о камень.

Этот-то звук и вытащил его из безумия, прежде чем он успел схватить какое-нибудь оружие и убить себя, Тэлию или их обоих. Он выставил самый мощный ментальный щит, какой только мог, с трудом поднялся на ноги и бросился на Тэлию, буквально вмазав ее спиной в стену с такой силой, что у него самого лязгнули зубы.

— Прекрати! — заорал он на дикое, потерявшее человеческий облик существо, бьющееся в его руках. — Прекрати, черт бы тебя побрал! Посмотри, что ты с нами делаешь! — Он яростно рванул и развернул ее так, чтобы она собственными глазами увидела невероятное зрелище — Ролана, с оскаленными зубами и дикими, налитыми кровью глазами, загоняющего Тантриса в угол. — Гляди, что ты делаешь с ними!

Тэлия посмотрела — и рухнула так внезапно, что Крис не успел даже подхватить ее: она выскользнула у него из рук. Упала и сжалась в бесформенный ком на холодном каменном полу Путевого Приюта, рыдая так, словно потеряла все, что было ей дорого в жизни.

И буря, бушевавшая в стенах Приюта, стихла, словно ее и не было.

Крис опустился на колени возле Тэлии, приподнял и прижал к плечу. Она не сопротивлялась; казалось, она даже не замечала, что он здесь. Крис обнимал ее, пока она плакала — страшные, надрывные

рыдания, казалось, раздирали ее изнутри на части; огонь, который он развел, все опадал и опадал, а буря снаружи вторила ее горькому плачу.

Наконец, когда Крису показалось, что огонь может вот-вот погаснуть совсем, он поднял Тэлию и уложил в устроенное ею гнездо из одеял и сена. Она свернулась в клубок, отвернувшись от него и все еще плача. Он подкинул дров в огонь, закончил недоделанные дела и вернулся к ней.

Он забрался под одеяла, продрогший до костей, и снова обнял Тэлию, такую же замерзшую, как он сам. Неистовство ее горя, казалось, поубавилось; Крис легонько встряхнул девушку.

— Ну же, — сказал он, чувствуя себя крайне неловко. — Поговори со мной, барышня...

— Я... я... — всхлипнула она, — я хочу умереть!

— Почему? Потому что твой Дар вышел из-под контроля? Что за разговор для Герольда?

— Никакой я не Герольд.

— Здравствуйте пожалуйста! — перебил ее Крис. — Кто это сказал?

— Все говорят... ты сам рассказывал...

— О, черт...

Только теперь Крис понял, из-за чего заварилась вся каша: он сам ее заварил, рассказав Тэлии о ходящих о ней слухах. Боги, он же знал, что ее самооценка не слишком высока... то, что он сказал ей тогда, в самом начале поездки, должно быть, было для нее словно удар в солнечное сплетение. Должно быть, он толкнул ее в замкнутый круг самокопания и сомнений в себе, а тот развернулся в идущую по нисходящей спираль, из которой у Тэлии не было сил вырваться. Ее Дар — такая штука, которая может питаться сомнениями и превращать их в реальность, что, в свою очередь, дает новую пищу сомнениям, усиливая их по мере того, как потеря контроля превращает сплетни в действительность.

И вот вам результат. Полностью развитый Дар, не поддающийся вообще никакому контролю, и девушка, готовая убить себя, стоит ему отвернуться.

— Послушай меня... черт возьми, Тэлия, послушай. — Крис снова встряхнул ее. — Если бы все обстояло так плохо, Ролан оставил бы тебя. Он отверг бы всякого, кто недостойн Белого. Предпринимал ли он какие-либо шаги в таком направлении?

— Н-н-н-нет...

— Он хотя бы предупреждал тебя? Рыдания стали чуть тише.

— Н-н-нет.

— Он помог тебе, разве не так? Он хранил твою чертову тайну. Он считает, что ты по-прежнему Герольд. Так действуй, как Герольд, черт тебя дерит! Перестань переживать и начни думать. Ты в беде; ну же, как нам тебя из нее вытащить?

Тэлия впервые подняла на него глаза — опухшие и красные.

— Нам?

— Нам, — подтвердил Крис. — Я виноват не меньше твоего. Мне ни в коем случае не следовало рассказывать тебе те проклятые сплетни... надо было поверить тебе, когда ты сказала, что все это не правда. Готов поспорить, что именно мои сомнения ухудшили дело. А?

Тэлия покачала головой, потом уткнулась лицом ему в грудь. Крис притянул ее ближе и начал гладить по волосам и легонько укачивать.

— Бедный ребенок... — шептал он, — бедный, напуганный, одинокий ребенок... вот... попробуй-ка. — Он протянул руку, вытащил из вороха пожитков маленькую кожаную фляжку и передал Тэлии.

— Расстроенные чувства часто лечат вином. Попробуй, должно помочь!

Тэлия приняла у него из рук фляжку, сделала глоток и чуть не задохнулась. Она словно глотнула сладкого жидкого огня!

— Что... это... такое? — спросила она, хватая воздух ртом.

— Снадобье Целителей — они зовут его «спиритом», духом вина. Его получают, замораживая вино, которое делают из меда, а потом выбрасывая лед; во фляжке — то, что остается. Тот, помнишь, медвежеватый, дал мне его, когда мы уезжали.

Тэлия еще раз отхлебнула, на сей раз совсем чуть-чуть и с большей осторожностью. Второй глоток не обжег так, как первый, и после него во рту и в желудке осталось очень приятное ощущение. И он безусловно притупил как остроту ее восприятия, так и чувствительность обнаженных нервов. Что было лучшим из всего, что случилось с ней за день; поэтому Тэлия сделала третий глоток.

— Полегче, малышка, — рассмеялся Крис; в его смехе прозвучало облегчение. — Это крепкая штука!

— Точно, — сказала Тэлия, ощущая легкое головокружение. — Но я чувствую себя гораздо лучше. Не такой освежаванной.

— На это я и надеялся, — отозвался Крис, отбирая у нее фляжку и в свою очередь отхлебывая из нее. — Думаю, его не положено пить на голодный желудок, но, мне кажется, ты в этом нуждаешься. Черт, после того, что я пережил, и я тоже!

Выпитого оказалось достаточно, чтобы теперь Тэлия всего лишь смутно ощущала присутствие сознания Криса; его близость больше не причиняла боли.

— Спасибо.

— Не за что.

Тэлия тихо лежала в кольце его рук, чувствуя себя совершенно опустошенной; они по очереди прихлебывали из фляжки. Пламя шипело и потрескивало, среди красных и рыжих языков мелькали маленькие — синие и зеленые. Тэлия наконец-то начинала чувствовать, что полностью согрелась — что под ударами бури представлялось ей невозможным — и расслабилась, — а ведь казалось, этого ей не удастся уже никогда. Огонь распространял душистый запах хвои, словно фимиам из лесной зелени. Чирры и Спутники время от времени переступали с ноги на ногу, шурша соломой, которую подстелил им Крис. Боги, что она едва не сотворила с ними! Тэлия мысленно коснулась Ролана — только на миг, чтобы убедиться, что с ним все в порядке...

Его прощение и любовь были столь безграничны, что на глаза ей вновь навернулись слезы.

— Эй, — ласково сказал Крис, — я думал, мы договорились, что плача больше не будет.

Когда Тэлия не ответила, он взял ее рукой за подбородок, приподнял и поцеловал.

Это задумывалось, как братский поцелуй.

Братским он оставался не дольше секунды.

— Светлые Гавани! — удивленно выдохнул Крис, когда они наконец оторвались друг от друга.

Тэлия прильнула к его плечу; охватившее ее желание удивило ее не меньше, чем Криса, хоть она и знала, что это — довольно обычная реакция после сильного потрясения. Сейчас она не воспринимала Криса как наставника или даже как Герольда — только как друга и эмоциональную защиту — и точно знала, что он так же чувствует ее желание, как она — его. На сей раз уже она потянулась к нему.

Когда их губы встретились и раскрылись, Крис мягко спустил ее сорочку до пояса. Тэлия вздрогнула от наслаждения, когда его губы скользнули по тыльной стороне ее шеи, по линии плеч, когда он поцелуями стер с ее глаз слезы; он охнул, когда она робко захватила губами мочку его уха. Теперь, когда щитов Тэлии больше не существовало, они с Крисом, похоже, чувствовали малейший оттенок переживаний друг друга. Когда Тэлия легко, как пушинкой, провела пальцами вдоль позвоночника Криса, она ощущала то же, что и он; когда она напряглась и задохнулась, когда Крис нашел неожиданно чувствительное место, он, сопереживая, напрягся так же, как она.

Наконец охватившее обоих желание стало слишком острым, чтобы они могли сдерживаться дальше; Крис медленно опустил Тэлию на одеяла возле себя, скользнул в ее объятия и вошел в нее.

Он оказался совершенно не готов к кинжальному удару боли, которую разделил с ней так же, как

прежде делил удовольствие. Он хотел сразу отстраниться, но Тэлия отчаянно вцепилась в него и не пустила.

Она ждала боли и вытерпела ее. Чего она не ожидала — это того, что Крис станет смирять свое желание, чтобы провести ее через боль, и под конец терпеливо дождетсЯ, чтобы она получила наслаждение, прежде чем получить его самому.

Когда он обмяк, Тэлия перевернулась, потом снова устроилась, положив голову на сгиб его руки. Оба свернулись калачиком в своем теплом гнезде, усталые и насытившиеся, не чувствуя особой необходимости делать что-либо, кроме как лежать и перебирать в памяти совместно пережитые ощущения.

Долгое время не раздавалось ни одного звука, кроме потрескивания огня да тихих шевелений четвероногих в другом конце Приюта.

Крис повернул голову и заглянул в темные глаза Тэлии, расширенные и дремотные от удовольствия.

— Почему ты не сказала мне, что ты девственница? — спросил он тихо.

— Ты не спрашивал, — сонно сказала она. — А что? Разве это так важно?

— Думаю, я не лег бы с тобой, если бы знал.

— Тем больше оснований не говорить, — логично заметила Тэлия. Она придвинулась ближе к Крису, положив голову ему на грудь и натянув одеяла поверх них обоих. — Но я рада, что первым оказался ты.

— Почему?

— Кроме всего прочего, сплетницы, мои сестрицы-Герольды, оказались правы, что было... намного лучше, чем, как я полагала, обычно бывает в первый раз.

— Комплимент? — спросил Крис, развеселившись.

— Комплимент.

Тут ему пришла в голову новая мысль.

— Погоди-ка минутку. Я думал, ты и Скиф... Тэлия улыбнулась — первая настоящая улыбка, которой он добился от нее за много месяцев.

— Тебе и полагалось так думать. Ужасно — у нас обоих было кошмарное расписание, и мы так уставали, что все время засыпали прежде, чем успевали до чего-либо дойти.

Она рассказала Крису комически-досадную историю их со Скифом неудавшегося романа, и как он в конце концов кончился тем, что вместо того, чтобы разделить ложе, они принесли друг другу клятву побратимства.

— Бедняга Скиф! И бедняжка Тэлия, — хмыкнул Крис. — Ты знала, что его задразнят до полусмерти, если эта история выплывет наружу, не так ли? И позволила всем думать иначе.

— Угу. Бедный Скиф... — зевнула Тэлия, — жертва неуголенного вожделения. — Она заобъятая, но, как ни хотелось тревожить, он знал, что надо сыпала в его Крису ее не встать.

— Проснись, соня. Если не хочешь встретить утро с головной болью, тебе нужно проглотить немного еды и выпить чего-нибудь помимо этого адского зелья. Что-то, а головная боль поутру тебе совсем ни к чему, а учитывая, насколько крепкую штуку мы пили, ты, верно, пожалеешь, что не умерла, если дело дойдет до похмелья. И потом, сейчас нам, может, и тепло, но среди ночи мы проснемся совершенно заоченевшими, если не устроим себе постель получше. После всего, что мы перенесли сегодня, мне страшно не хотелось бы видеть, как ты завязываешься в узлы от судорог только из-за того, что нам не хватило капельки здравого смысла.

Тэлия зевнула во весь рот, но возражать не стала. Оба достали чистое белье и переоделись. Пока Крис разливал по мискам похлебку из висящего над огнем котелка, Тэлия заново переустроила их «гнездо», набросав на него все, что могло послужить одеялом. Крис приготовил горячий чай, и они запили им ужин.

После того как Крис засыпал огонь золой, они улеглись в обнимку, не видя теперь смысла

возвращаться к прежней практике раздельных постелей.

— Я страшно рада, что это случилось сейчас, — сказала Тэлия перед тем, как Крис провалился в сон.

— Почему, птичка?

— Вдвоем спать теплее, чем поодиночке... А мороз заметно усиливается. ***

Крис с удовольствием обнаружил, что Тэлия (в отличие от некоторых его прежних любовниц) спит спокойно: она не ворочалась и не делала попыток стаскивать с него одеяла (что, по его мнению, было кратчайшим путем к разрушению в остальном вполне удачного союза). Он нашел даже, что ее присутствие создает странное ощущение уюта и служит превосходным противоядием от воя ветра снаружи.

Проснулся он лишь один раз, когда Тантрис поскребся в его сознание: им с Роланом нужно было выйти. Криса очень порадовало наличие в Приюте крошечного предбанника: в обычную планировку он не входил, но Крису удалось втиснуть туда одну чирру и одного Спутника и все-таки затворить дверь во внутреннее помещение, прежде чем открывать наружную дверь. Если бы входная дверь отворялась прямо в помещение Приюта, как обычно и бывало, всякий раз, выпуская животных, Крис вместе с ними выпускал бы и большую часть драгоценного тепла.

Ветер несколько не ослабел, и снег по-прежнему валил все так же густо. Несомненно, уже настал день, но Крис не смог даже определить, в какой стороне находится солнце, не говоря уж о том, как высоко оно стоит. Понадобились все его силы, чтобы удержать дверь, — ее едва не вырвало у него из рук; тогда-то он и понял, почему разбудили его, а не Тэлию. Он оставил на чиррах недоуздки и чембурсы, и Спутники вывели их наружу.

Еще одно достоинство чирр, — подумал он с улыбкой, — мулов не приучишь проситься по делам на двор».

Царапанье копыта о дверь возвестило о возвращении четвероногих. Крису удалось удержать дверь и захлопнуть ее за ними, но, невзирая на то что предбанник служил буфером, после того, как чирры и Спутники вышли и вошли, в Приюте заметно похолодало. Наполнив самый большой из имеющихся в наличии котелков снегом, Крис снова развел огонь, затем заботливо счистил со всей четверки лед и снег. Убедился, что животным удобно, и с улыбкой заметил, что все четверо улеглись, тесно прижавшись друг к другу, причем чирры оказались по бокам, а Спутники — в середине.

— Ну ты и хитрюга, — сказал он Тантрису и улыбнулся, получив веселый ответ:

— А ты бы лег снаружи, будь у тебя выбор? У них есть шуба, брат-по-духу, а у нас нет!

Крис был признателен Тантрису за его беззаботность; оба Спутника, похоже, восприняли события минувшей ночи просто как еще одно препятствие, которое нужно преодолеть, а не как какое-то непоправимое несчастье. Это ободрило Криса, поскольку он предполагал, что ему понадобится их помощь.

Он подвесил полный полурастаявшего снега котелок над очагом, потом, прежде, чем залезть в постель, которая с каждым мгновением выглядела все заманчивей, снова прикрыл огонь золой.

Когда он нырнул под одеяло и растянулся подле Тэлии, его ждал еще один приятный сюрприз. Вместо того, чтобы отодвинуться, Тэлия прижалась к его замерзшему телу своим, теплым, и обнимала, пока он не перестал дрожать, несмотря на то, что сама на три четверти спала. «Никогда еще, — подумал Крис, уплывая обратно в сон, — не встречал лучшей проверки для дружбы!»

Когда он наконец проснулся по собственному почину, то решил, что прошло несколько часов; вероятно, сейчас стояло позднее утро или ранний день. Никакого веского повода вставать, по-видимому, не появилось; ветер снаружи завывал с прежней свирепостью.

— Хорошо бы в Приютах были окна, — сказал он сквозь дрему. — Невозможно определить, идет еще снег или нет.

— Нет, — сонно пробормотала Тэлия ему в ухо.

Крис и не знал, что она проснулась.

— Что — нет?

— Не так уж невозможно определить, идет еще снег или нет. Послушай, и услышишь, как снежинки ударяют в крышу и стены с наветренной стороны. Звук другой, не такой, как только от ветра. Что-то вроде шипения.

Крис прислушался: она оказалась права. У завывания бури снаружи имелся какой-то шипящий оттенок.

— Откуда ты знаешь такие вещи? — спросил он, немало удивленный.

— Узнаешь, когда поспишь на чердаке. На чердаках крепковерских домов окон нет, а малыши спят именно там. Так что, если хочешь понять, в расчете на какую погоду одеваться, придется учиться узнавать все звуки, которые погоду сопровождают. Ты куда?

— Раз уж мы проснулись, надо снова раздуть огонь.

Крис принес охапку хвороста из вороха, который он еще раньше затащил внутрь, разгреб прикрытые золой угли, и вскоре пламя снова разгорелось. Несмотря на тепло, которое давали присыпанные угли, комната выстудилась; труба предусмотрительно закрывалась заслонкой, но ветру все равно удавалось выдувать часть тепла. К тому времени, когда он счел, что огонь горит как надо, Крис совершенно закоченел. Он юркнул в постель, и Тэлия снова прижалась к нему, чтобы согреть.

— Ты делаешь определенно гораздо больше того, что требует от тебя долг, — сказал Крис, когда перестал дрожать. — Спасибо.

— Пожалуйста. Считаю, что я расплачиваюсь с тобой за прошлую ночь.

Он нарочно не правильно истолковал ее слова.

— Светлые Гавани, птичка, ты не перестаешь удивлять меня! Я и не подозревал, что за твоей безмятежной внешностью скрывается такая чувственная особа.

Тэлия приняла игру.

— А почему бы и нет?

— Ты безусловно не показывала этого, даже намеком. И ты явно не... практиковалась, скажем так.

— До сих пор я не встретила никого, с кем чувствовала бы себя достаточно свободно, за исключением Скифа, а на нашей с ним связи, похоже, лежало проклятие! — В голосе Тэлии прозвучал печальный смешок. — Но нельзя сказать, что я не интересовалась предметом; я ведь еще не рассказывала тебе о Ролане.

— А Ролан-то тут при чем?

— Помнишь, я говорила тебе, что он всегда присутствует на заднем плане моего сознания? И что я всегда знаю, что он делает, и никак не могу от него заблокироваться? — Лицо Тэлии немного омрачилось, когда ей подумалось, что сейчас она не в состоянии заблокироваться вообще ни от кого.

— Ну? — подтолкнул ее Крис. — И что с того?

— По ночам на Спутниковом Поле становится очень интересно... а Спутники-кобылы, помимо продолжительности беременности, имеют с людьми еще одну общую черту. — Крис смотрел непонимающе, и она вздохнула. — Они всегда «в охоте», о мудрый наставник.

— Боже правый. И если ты не можешь от него заблокироваться...

— Это значит именно то, что пришло в твой грязный умишко.

— Опыт из вторых рук?

— Что-то в этом роде.

Крис притянул к себе ее голову и поудобнее пристроил у себя на плече.

— Тэлия, я сожалею, что не заметил твоего состояния, и сожалею еще больше, что не предпринял ничего, чтобы тебе помочь.

— О... я... — Тэлия мгновенно посерьезнела, когда он упомянул о ее эмоциональном срыве. — Боги, Крис, что же мне делать?

— Нам.

— Что?

— Нам. Тебе, мне, Тантрису и Ролану. Случившееся — вовсе не полная катастрофа, как ты, похоже, думаешь. Вспомним простые истины. Прежде всего, ты научилась кое-чему, чего ты не забудешь. Теперь позволь сказать тебе одну вещь, Королевский Герольд. Смысл твоего пребывания здесь в том, что на стажировке ты встретишься со всеми проблемами, с которыми, вероятно, столкнешься и при дворе, только тут они будут гораздо определеннее, гораздо проще. Ты учишься тому, как справляться с трудностями, там, где разобраться с ними легче, вместо того, чтобы очертя голову ринуться в воду — и утонуть. Возьми человека, который держал на другого зло так долго, что это стало одержимостью, навязчивой идеей. Тебе уже довелось однажды видеть такое; ты узнала бы это состояние, если бы увидела снова?

Тэлия вспомнила, как почувствовала себя, когда девушка-служанка посмотрела ей в глаза, и странный холод, который она тогда ощутила.

— Да, — сказала она наконец.

— И как ты думаешь, ты смогла бы с таким справиться?

— Может быть... Хотя, думаю, мне понадобилась бы помощь.

— Молодец. Прежде ты ответила бы «да». А теперь ты понимаешь, что тебе может потребоваться поддержка. Ты учишься, желторотик. Теперь — трудная часть. Твой Дар вышел из повиновения; нам нужно снова взять его под контроль. Я готов поспорить, что причиной случившегося отчасти явилось то, что никто не сообразил, что тебе нужна специальная подготовка, которая должна научить тебя не позволять своему эмоциональному состоянию устанавливать обратную связь с Даром. Я даже не уверен, что такая подготовка вообще существует.

— Почему ты это говоришь?

— Потому что не могу вспомнить ни одного Королевского Герольда в обозримом прошлом, который обладал бы таким сильным Даром, каким обладаешь ты. Я никогда не слышал об эмпатии настолько сильной, чтобы ее можно было использовать как оружие. Таламир явно ею не обладал — равно как и Кейгвин до него. Я не знаю даже, есть ли на свете Целитель с такой сильной эмпатией. Быть может, тебя мог бы обучить Целитель, но я не рискнул бы биться об заклад, что это так.

— Тогда что же...

— Мы, черт возьми, преотличнейше придумаем, как тебя обучать. Все четверо. Прежде всего, у тебя пропали все щиты. Восстановить их, наверно, будет труднее всего, но, думаю, возможно, нам удастся теперь взяться за дело по-другому. Эй, Дивноногий...

Тантрис поднял голову и фыркнул.

— Да, властелин мира?

— Валяй, иронизируй.

— Ты первый начал.

— Вопрос серьезный, Пожиратель Сена. Ты сможешь установить для нее щиты извне? Тантрис задумчиво поглядел на них обоих.

— Да, — ответил он после продолжительного молчания, — но не очень надолго.

— Если можешь ты, значит, и Ролан...

— Смог.

Крис поднял бровь.

— Ха. Мне следовало догадаться. Ладно; что мне такое тоже под силу, я знаю: я усиливал щиты малышни, которую обучал. Итак, если мы будем чередоваться, один за другим, сможем ли мы прикрывать

ее, пока она имеет дело только с нами троими?

— Думаю, да. — Тантрис оценивающе посмотрел на другого Спутника. — Ролан велит сказать тебе, что мы, вероятно, можем справиться даже с небольшими группами людей.

— Я на такое и не рассчитывал. Отлично. Моя вахта первая. Когда я подам сигнал...

— Я подхватчу, — пришел уверенный ответ. — С удовольствием, брат-по-духу.

— Общий смысл уловила? — Крис повернулся к Тэлии, одновременно выстраивая вокруг нее щиты.

— Ты... О, Боги! — Облегчение на ее лице явилось для Криса откровением: до сих пор он и не представлял, в каком напряжении она находится.

— Точно. Ну вот... временно устранив одну часть проблемы, мы разберемся с той ее частью, которая представляет угрозу для окружающих.

— Передача...

— Но не сейчас. Ты слишком устала и не сможешь ничего передать дальше собственного носа, если только я не сделаю ошибки, еще раз напугав тебя до полусмерти, так что проблема может подождать. Я проголодался, и мне нужно помыться.

Хотя Крис и Тэлия часто пользовались баней деревни Развилка, предпочитая в качестве укрепляющего средства мытье сну, на который у них не хватало времени, с тех пор, как они помылись в последний раз, прошел уже не один день. А поскольку оба были по натуре чистоплотны, они сей факт остро ощущали.

— Тогда ты первый. Я хочу привести в порядок четвероногих, так что помоюсь потом. Я вот-вот их почую, и если не вычистить их как следует, здесь может начать пахнуть. А коль скоро я все равно займусь Роланом, то могу почистить и всех четверых. Незачем нам обоим пачкаться.

Крис принял: воздух слегка благоухал мокрой шерстью и лошадиным потом.

— Ты не обязана чистить всех четверых, но если настаиваешь, я не против. Хотя ты наносишь удар по моей восхитительной привычке потакать своим слабостям. Если ты и дальше будешь так добродетельна и самоотверженна по отношению ко мне и работе, мне тоже придется найти себе какое-нибудь дело. — Крис тяжело вздохнул и сделал грустные глаза.

Тэлия скорчила ему рожу, впервые за много недель чувствуя себя самой собой. Она оделась, накинула плащ и взялась за чембур первой чирры.

Хозяйственные хлопоты заняли у них весь остаток дня — работа по дому и починка вещей, которой они пренебрегали, пока ухаживали за больными. Тэлия только порадовалась этому: ей не хотелось оказаться лицом к лицу со своими проблемами прямо сейчас, когда она так эмоционально ранима. После спокойного обеда Крис отправился обследовать припасы.

С противоположной стороны от входа в комнату имелась низенькая дверца: она вела в пристройку, служившую кладовой. Крис нашел там столько провианта, сколько и мечтать не смел, а кроме того, обнаружил какие-то незнакомые кувшины и бочонки. Несколько штук он втащил в Приют.

В кувшинах оказался мед и растительное масло.

— Кто-то из живущих поблизости, должно быть, оставил их тут уже после наступления зимы, — сказал удивленный Крис. — В теплую погоду оставлять их здесь было бы неразумно, да и небезопасно: они испортились бы или привлекли зверей. Вот почему они не в обычной упаковке. А что в бочонке?

— А маслом можно будет и лампу заправлять. — Тэлия открыла бочонок. В нем лежало нечто напоминающее сушеные бобы. Крис озадаченно разглядывал странное содержимое.

— Но зачем... — начал он, и тут Тэлия вспомнила кое-что из рассказов Шерил.

— Ростки! — воскликнула она. — Чтобы мы не заболели зимней немочью, если застрянем здесь так надолго, что кончатся фрукты. Нужно замачивать эти штуки в воде, пока не прорастут, а потом есть ростки. Так поступают в тех местах, откуда родом Керен и Шерил.

Крис отнесся к ее словам очень серьезно.

— Возможно, они нам и пригодятся. Даже если фруктов и хватит, они сушеные и спасают от зимней немочи не так хорошо, как свежие.

— Он мысленно пересчитал припасы.

— Думаю, мы продержимся месяц или около того, — решил он, исходя из прежнего опыта сидения взаперти под снегом. — А буран такой, что, возможно, меньше и не получится. Метет все так же сильно, и, судя по тому, как выглядело сегодня небо, не думаю, чтобы снегопад скоро прекратился.

— Но хватит ли нам фуража? Тантрис и Ролан — едоки что надо, а кормить их корой и ветками, как чирр, если кончатся запасы корма, мы не можем.

— Помимо того, что лежит в ближнем углу, там, в дальнем конце пристройки — отсюда не видно — достаточно корма и соломы, в кипах и брикетах, — заверил ее Крис. — Выглядит так, словно тот, кто завозил в здешний Приют припасы, ожидал, что будет такая сильная пурга. Что лично мне кажется странным, хотя я недостаточно знаю здешние места, чтобы сказать, типична такая погода для этого времени года или нет. Дирк мог бы лучше ответить на этот вопрос.

— Чем бы ни объяснялось такое изобилие припасов, нам повезло.

Они приготовили кое-какую еду на ужин, и Крис заново настроил арфу. Бросив на Тэлию вопросительный взгляд, он заиграл песню, которую она пела на пирушке Герольдов. Расценив взгляд как приглашение, Тэлия растянулась рядом и негромко запела. Крис тихонько мурлыкал про себя, вторя ей; его голос, хоть и не мог сравниться с голосом Дирка, звучал довольно мелодично. За их спинами Спутники и чирры насторожили уши, слушая пение с явным интересом.

Внезапно к ним присоединились два новых голоса, которые подпевали без слов, жутковатым дискантом. Тэлия и Крис в изумлении подскочили, музыка смолкла — и незнакомые голоса вместе с ней.

Озадаченные Герольды начали снова, на сей раз не спуская глаз с затененной части Приюта. Через мгновение зазвучали и дисканты.

— Так мне и надо за то, что поднимал на смех рассказы Дирка и Хартена! — сказал пораженный Крис. — Чирры действительно поют!

Ролан и Тантрис глядели на своих братьев по стойлу с подобием иронического изумления. Очевидно, они тоже не ожидали, что те запоют. Чирры же, забыв обо всем, кроме музыки, раскачивались, прикрыв глаза и как можно дальше вытянув шеи. Горло у обеих пульсировало, так что не оставалось никаких сомнений в том, что песнь исходит от них.

— Не переживай. Я бы тоже не поверила, — сказала Тэлия. — Я имею в виду, чирры в некотором роде похожи на овец, а овцы не поют. Вероятно, мало кто играет или поет вблизи от них, потому-то люди и не слышат их пения. Мы же ведь ни разу не слышали: звери всегда оставались снаружи, под навесом.

Чирры с восторгом подхватывали почти все, что исполняли Герольды, но, похоже, особенно им нравились более задорные мотивы. Но самым поразительным — помимо того простого факта, что чирры вообще поют, — было то, как они пели. Животные не столько следовали мелодии, сколько выводили вариации к ней, причем обычно избирали самый высокий регистр. Прежде чем вступить, чирры обычно один-два куплета слушали, но их вариации, хоть и очень простенькие, всегда вписывались в мотив. Тэлия знала великое множество певцов-людей, которые не могли похвастаться, тем же.

Они музицировали так некоторое время, настолько увлеченные этим нечеловеческим хором, что позабыли обо всех своих заботах. Концерт продолжался до тех пор, пока пальцы Криса не устали настолько, что он уже не мог больше играть. Ему страшно не хотелось останавливаться, однако после нескольких неверно взятых нот, услышав которые, чирры прижали уши и стали похожи на пару оскорбленных старушек, Крису пришлось признать, что пора дать рукам отдых.

— В таком случае...

— Хочешь узнать, что я надумал? Тебе, правда, будет нелегко, птичка...

— А последние несколько недель не было? — ответила Тэлия с горечью.

— Не так; я собираюсь действовать очень жестоко. Я представляю схему так: те двое из нас, кто не будет занят блокированием, и особенно Ролан, станут подстергать тебя, как коты у мышиной норы. Малейший признак того, что ты передаешь, — и мы все набросимся на тебя. Готов поспорить, что через несколько дней ты черта с два станешь передавать, не сознавая, что делаешь!

— Звучит неприятно, — сказала Тэлия медленно. — Но, похоже, может сработать.

— Затем, когда ты получишь представление о том, когда передаешь, а когда нет, мы перейдем к сознательному управлению передачей. Затем поработаем над тем, чтобы ты контролировала ее уровень. И наконец, займемся восстановлением твоих щитов.

— Если ты думаешь, что я смогу...

— Я, черт возьми, отлично знаю, что сможешь! — отрезал Крис. — Но сегодня вечером мы ничего делать не будем. Если ты вымоталась так же, как я, — а если после всего, что ты пережила, ты не вымотана больше, значит, ты повыносливей меня, — то ты сейчас вообще ни на что не способна, а уж на то, чтобы работать со столь деликатной вещью, как сорвавшийся с цепи Дар, — и подавно.

При последних словах он вдруг остро ощутил собственную усталость и напряжение от того, что удерживает ее щиты. И в тот самый момент, когда он осознал, что его контроль слабеет, он почувствовал, как Тантрис скользнул на его место.

« Мой черед, братец », — твердо сказал голос в его мозгу. Крис вздохнул и мысленно, без слов поблагодарил.

Пока Крис обихаживал Спутников, Тэлия приготовила все, что нужно на утро. Она уже сбросила одежду и лениво тянулась за шерстяной сорочкой, которую использовала в качестве ночной рубашки, когда обнаружила, что ее запястье поймано рукой Криса.

Он тихо подошел к ней сзади и теперь завладел и вторым запястьем, прижав Тэлию спиной к своей груди.

— Тебя ведь, конечно, еще не клонит в сон? — выдохнул он ей в ухо, и по спине Тэлии пробежала сладкая дрожь.

— Нет, — ответила она, запрокидывая голову, когда его губы коснулись ее шеи сзади и двинулись кругом, к ямке под ухом.

— Хорошо. — Крис потянул ее вниз, на одеяла, которые расстелил рядом с очагом, у самого огня. Растянулся возле, так что Тэлия оказалась между ним и очагом. Она чувствовала себя впервые по-настоящему расслабившейся с тех пор, как была Избрана Элспет.

Крис баюкал ее, обняв за плечи, а другой рукой чертя узоры, от которых ее кожу, казалось, покалывало; руки Тэлии задвигались, полуинстинктивно откликаясь на то, что она воспринимала от него, — сначала нерешительно, потом все увереннее. Казалось, каждый дюйм кожи стал вдвое чувствительнее, и Тэлия что-то бормотала от удивления и восторга, когда руки Криса делали новые и захватывающие вещи. Стоило ей подумать, что он возбудил ее уже до предела, как его ищущий рот передвигался на новое место, и Тэлия узнала, что значит полностью пробудиться для желания.

Учась у него, она подчинялась ему, когда он доводил ее возбуждение до лихорадочного, давал немного остыть, затем начинал возбуждать вновь. Наконец, когда Тэлия была уверена, что они оба не могут больше терпеть, он снова нашел губами ее рот и соединился с ней.

По сравнению с тем, что они оба испытали затем, боль была меньше, чем ничто.

Когда наконец Крис высвободился, они долгое блаженное мгновение лежали сплетясь, все еще сохраняя глубокую эмоциональную связь друг с другом. Крис приподнялся и, одновременно натягивая собственную рубашку, другой рукой подал Тэлии ее почти забытую сорочку. Тэлия нырнула в нее, лениво подобрала одеяла с полу и перестелила постель. Потом, пока Крис присыпал огонь золой на ночь, улеглась и свернулась клубочком с чувством полного удовлетворения.

— Знаешь, твой Дар вовсе не всегда плох — сказал наконец Крис. — Если бы ты когда-нибудь выбрала себе спутника жизни, думаю, я завидовал бы ему, дружок. Теперь я понимаю, что имеют в виду, говоря о том, какво жениться или любить с Целителями — особенно если у них у всех та же разновидность эмпатии, что и у тебя.

258 — Да ну? — Уши у Тэлии чуть не встали торчком от интереса. — А что говорят?

— Что с ними, может, и не проводишь много времени, потому что их в любой момент могут куда-то вызвать, но зато уж то время, которое ты с ними проводишь, сторицей окупает их частые отлучки.

Тэлия высунулась, чтобы повыше натянуть на них обоих одеяло, и внимание Криса привлекла какая-то странность в ее руке. Он снова поймал ее за запястье и, немного нахмурясь, повернул так, чтобы на ладонь упали последние отсветы огня.

Ладонь обезображивал глубокий шрам в форме неровного круга.

— Вот, — спокойно сказала Тэлия, отвечая на его невысказанный вопрос, — причина, по которой я так долго боялась мужчин... и почему не доверяю красавцам. Мой братец Джастус, с невинным лицом златокудрого ангела и сердцем демона, сделал это со мной, когда мне было девять лет.

— Зачем? — В одном слове уместилось целое море потрясения и смятения.

— Он хотел... не знаю, чего он хотел; может быть, просто увидеть, что мне больно. Он ненавидел все, что не мог подчинить себе. Он обычно старался причинить как можно больше боли скотине всякий раз, когда с ней надо было что-то делать. Когда он окунал овец в воду, чтобы вывести у них паразитов, то держал их до тех пор, пока они наполовину не захлебывались; когда он их стриг, то наносил страшные раны. Лошади, которых он объезжал, потом уже ни на что не годились: их дух был полностью сломлен. Думаю, Джастуса бесило то, что у меня имелась возможность бегства от скуки жизни в Усадьбе, которой он не мог меня лишить, — он не мог отнять у меня чтение и мечты. Однажды он велел мне утопить мешок с котятками; вместо этого я раскрыла мешок, и они все разбежались. Уверена, он знал, что я поступлю именно так. Он заломил мне руки за спину, сбил с ног, так что я упала ничком, наступил мне на запястье и приложил к руке раскаленную докрасна кочергу. Думаю, в тот раз он зашел дальше, чем намеревался; не думаю, что он хотел обжечь меня так сильно, по крайней мере, он испугался, когда увидел, что натворил. Но, Боги, я никогда в жизни не забуду его лица, когда он прижигал меня. — Тэлия содрогнулась, и Крис чуть сильнее прижал ее к себе. — Его... непристойное веселье... снилось мне в кошмарах еще весь второй курс в Коллегии. Я знаю, что старшие слышали мои крики, но никто не спешил приходить, поскольку все знали, что Джастус собирался дать мне поручение, и решили, что меня наказывают за то, что я лодырничала. Однако, когда я не замолчала и через несколько минут, одна из Младших Жен пришла посмотреть. Уже после того, как все зло совершилось. Когда она увидела меня, Джастус уже отшвырнул кочергу. Келдар, Первой Жене, он сказал, что ударил меня за непослушание, а я схватила кочергу, чтобы дать сдачи, но оказалось, что та слишком раскалилась в огне. Ему даже не пришлось объяснять, как вышло, что у 260 меня сожжена ладонь, а не пальцы. Конечно, поверили ему, а не мне.

— Боги! — Криса замутило — и стало чуть понятнее, почему Тэлия не доверилась ему.

— Это случилось... давно. Я почти избавилась от последствий того, как тот день на мне отразился. Думаю, если бы Джастус остался жив и измывался над женой или детьми... но он мертв. Умудрился погибнуть через год или два после того, как меня Избрали. Был набег, и ему, конечно, приспичило доказать, насколько он храбрее всех. А Келтев, который обещал вырасти похожим на него, кажется, поумнел, так что... — Тэлия пожала плечами.

— Келтев — тот самый, который дразнил тебя за то, что ты хотела стать Герольдом? Теперь я понимаю, почему ты так долго терпела Синих. У тебя уже был опыт; после Джастуса ты, наверно...

— Что касается физических истязаний, Синие были дилетантами. Зато в душевных оказались вполне... искушены. Но от своих единокровных братьев и сестер я научилась тому, что если доставишь мучителям радость, дав понять, что они достигли цели, если как-то покажешь, что тебе больно, то сделаешь только хуже. И откуда я могла знать, что мне поверят?

— Ох, Тэлия... — Крис крепко прижал ее к груди. — Бедная ты птичка!

— Не так уж было и страшно, — тихо сказала она, уткнувшись ему в плечо. — К тому же я теперь поумнела. У меня есть люди, которых я могу любить, друзья, которым могу доверять — мои однокурсники, учителя... а теперь... — она немного застенчиво поглядела на Криса, — ..ты и Дирк.

— И все остальные члены Круга, птичка, — ответил он, мягко целуя ее в лоб. — Я только сожалею, что не доверял тебе. Но мы это исправим. Мы все исправим.

Тэлия просто вздохнула в знак согласия.

В очаге остались уже только рдеющие угли, и Крис, которому еще не хотелось спать, неотрывно смотрел на них, позволив мыслям течь свободно.

— Знаешь, вы с Дирком великолепно поладите, — задумчиво пробормотал он. — У вас головы работают почти одинаково.

— С чего ты взял?

— Ты не делала ничего, чтобы избавить от боли себя, но рискнула разозлить брата, чтобы спасти котят. Это до того похоже на Дирка, что даже не смешно. Сделай ему больно... он просто уйдет в себя и спрячется от всех. Но попробуй обидеть друга или какое-то беззащитное существо... Боги! Он пожертвует собой, чтобы спасти его, или вырежет у тебя сердце, потому что не смог его спасти. Вы с ним одного поля ягоды; я серьезно думаю, что вы станете больше, чем просто приятелями.

— Ты правда так думаешь? — спросила Тэлия с чуть излишней живостью.

Все кусочки сложились, и подозрение, которое уже раньше появилось у Криса, превратилось в уверенность.

— Ну, Тэлия, — хмыкнул он, — мне, право, кажется, что ты слегка втрескалась в моего напарника!

Он почувствовал, как загорелась лежащая у него на плече щека.

— Немножко, — призналась Тэлия, зная, что отпираться бесполезно.

— Только немножко?

— Больше, чем немножко, — почти неслышно ответила она.

— Всерьез?

— Я... не знаю. Все главным образом зависит от него. — Теперь она покраснела уже отчаянно. — Боюсь, при должных условиях это очень быстро могло бы стать серьезным.

— А сейчас? Тэлия вздохнула.

— Крис, я не знаю, просто не знаю. И зачем я беспокоюсь, питаю какие-то надежды? Я ведь не знаю, как он ко мне относится... вероятно ли, что он хоть чуточку заинтересуется мной, или нет...

— Ты-то, может, и нет. Но я, думаю, знаю. Если я правильно его понимаю, он уже заинтересовался. — Крис вспомнил, как вел себя Дирк как раз перед их с Тэлией отъездом. Тот все не мог остановиться, говорил, как завидует тому, что Крис получил ее в стажеры, и очень долго распространялся о ее чудесном голосе. Обычно, с тех пор как та сука-придворная ранила его, он обращал на женщин очень мало внимания, если не считать случайных грубых замечаний.

Еще Дирк намекал, что им было бы неплохо поупражняться всем вместе, чтобы они смогли выступать в качестве трио. Святые Звезды, да он ни разу прежде ни с кем не предлагал упражняться, даже с Джедусом.

— Во-первых, — сказал Крис медленно, — он хочет, чтобы мы всегда играли вместе. Я имею в виду, он хочет, чтобы мы с ним играли, а ты пела.

— Правда? — ошеломленно сказала Тэлия. — Он играет?

— Так же хорошо, как я, или лучше. Однако, поскольку у меня нет голоса, а у Дирка он есть, он настолько добр, что предоставляет играть мне. В дороге мы очень часто играем вместе, но едва ли кто-нибудь в Круге, кроме меня, знает, что он умеет.

— А он еще говорил, что я полна неожиданностей!

— О, он был прав. — Крис рассеянно погладил ее по волосам. Владыка Света, они так хорошо подходят друг другу. В каждом есть гораздо больше, чем видно на поверхности. В каждом есть глубины, которых он, Крис, никогда не увидит, и он знает это.

Он тихонько засмеялся.

— Что тебя так насмешило?

— Светлые Гавани, я едва осмеливаюсь подумать, какова бы ты могла быть в руках того, кого бы по-настоящему любила! Ему лучше иметь хорошее сердце, а то он может не пережить остроты ощущений!

— Крис! — возмущенно воскликнула она. — Ты говоришь так, словно я паучиха, которая съедает своего самца!

Он взъерошил ей волосы.

— Может, мне следует позаботиться о том, чтобы из вас с Дирком получилась пара. Он самый сильный человек из всех, кого я знаю.

— Еще немного в том же духе, — предостерегающе сказала Тэлия, — и, когда заснешь, я засуну тебе за шиворот снежок.

— Однако же ты жестока. Если подумать, может, лучше предупредить его, чтоб не связывался.

— Попробуй, и, когда вернемся, я пойду прямиком к Нессе и скажу, что ты признался мне в неугасимой страсти к ней, но слишком застенчив, чтобы сказать ей о своих чувствах самому.

— Да ты не просто жестока — ты исчадие зла!

— Самозащита, — отпарировала она.

— Злобное чудовище, — отвечал Крис, дергая ее за волосы, так что они упали Тэлии на глаза. — Знаешь, я не могу представить, что смог бы сидеть, запертый в снегах, с кем-либо, кроме тебя и Дирка, — особенно так долго, как нам, наверно, придется здесь проторчать.

Тэлия посерьезнела.

— Это действительно может продлиться так долго?

— Если снег скоро не перестанет, вполне может продлиться месяц. Приют стоит в долине и защищен деревьями. Нам еще не так плохо. Я тут недавно попытался выйти за деревья; не вышло. Снега кое-где навалило в рост чирры. Даже после того, как снегопад прекратится, нам придется подождать, пока Стража расчистит дорогу, потому что до тех пор мы никуда не сдвинемся.

— Откуда кому-то знать, где мы?

— Я сказал Целителю — тому, медвежеватому, кажется, его зовут Лорис — где собирался залечь на отдых. Кроме того, птичка, может, все и к лучшему. Очень может быть, что нам понадобится все это время, чтобы снова взять твой Дар под контроль.

— Да... правда, — сказала Тэлия ровно. — Ох, Крис... ты правда веришь, что мы сможем?

Крис не без удовольствия заметил это «мы», поскольку оно означало, что Тэлия уже не думает о решении своей проблемы в одиночку.

— Не только я, но и Тантрис и Ролан так считают. Ты же не собираешься спорить с ними, верно?

— Я... пожалуй, нет.

— Мне послышалось сомнение. Никаких сомнений — именно из-за них прежде всего ты и попала в беду. Мы загоним тебя обратно под контроль. Я, может, и не Кирил и не Ильза, но все-таки как-никак преподаватель Даров. Я знаю, что делаю.

— Но...

— Я же сказал, никаких «но»! Поверь, Тэлия. Поверь в себя так же сильно, как в меня. На данный момент вера — самая хлипкая ножка из всех, на которых стоит твой Дар.

На это Тэлия не ответила, только задумчиво смотрела на огонь, пока глаза ее не начали слипаться и в конце концов не закрылись, а медленное ровное дыхание не сказало Крису, что она уснула.

Крис же продолжал бодрствовать гораздо дольше, ведя с самим собой борьбу, в которой он обязан был победить: борьбу за то, чтобы отринуть беспристрастность Герольда и искренне и безраздельно поверить в Тэлию.

Ибо если он не сможет поверить в нее, она обречена, да, вполне вероятно, и он тоже. В тот миг, когда Тэлия почувствует в нем сомнение, ее отчаяние и боль от его предательства направят ее Дар против них обоих. А у Криса не было сомнений относительно того, чем это кончится.

Глава 8

Крис бежал по истерзанному бурей лесу, преследуя ледяного призрака, тварь, которая казалась то волком, то ветром, а то жуткой помесью того и другого. Она оглядывалась на него через плечо, полу скрытая снежными смерчами, скаля льдистые клыки и излучая холод и злобу. Крис трясся, не в силах справиться с дрожью в руках, хотя и стискивал в них оружие, пытаясь унять озноб.

Оружие... Он опустил глаза и с удивлением увидел, что в руках у него лук, и стрела уже наложена на тетиву. Тварь впереди него зарычала, растворилась, превратившись в водоворот воздуха и снежной крупы с черными, как преисподняя, глазами, потом вновь обернулась двигающимся скачками коварным сугробом. Крис несколько раз наводил на него лук, но существо ни разу не дало ему возможности сделать прицельный выстрел.

Тэлия находилась где-то впереди, он слышал ее прерывистый плач сквозь стенания ветра и вой снежного волка, а опуская глаза, видел ее следы — но ему все не удавалось разглядеть ее сквозь крутящийся вокруг занавес снега. И тут до Криса дошло, что снежный волк подкрадывается именно к ней...

Он ускорил шаги, но ветер боролся с ним, швыряя в глаза ледяные кинжалы и слепящие пригоршни снега. Тварь впереди испустила долгий вой, полный торжества и ненасытного голода. Она была быстрее и хитрее Криса — и должна была догнать Тэлию прежде, чем он сможет до нее добраться. Крис попытался крикнуть, предостеречь...

И, вздрогнув, проснулся. Ветер снаружи выл, как сбесившееся чудовище. Тэлия коснулась его плеча, и Крис невольно подскочил.

— Прости, — сказала она. — Ты... думаю, тебе что-то снилось.

Крис потряс головой, чтобы стряхнуть последние клочья кошмара.

— Господи! Да уж, снилось. Я что, разбудил тебя?

— Да нет. Я не очень хорошо спала. Крис попытался успокоиться и обнаружил, что не может. Его охватило и никак не отпускало неясное дурное предчувствие. Оно не имело никакого отношения к проблемам Тэлии: быстрый обмен мыслями с Тантрисом подтвердил, что она тут ни при чем.

— Крис, тебе не кажется, что нам, может быть, следует перенести припасы в другое место? — тихо и очень нерешительно сказала Тэлия.

— Похоже, неплохая идея, — отозвался он, сразу ощутив, что его тревога связана именно с провиантом. — А что? Что заставило тебя подумать об этом?

— Мне все время снилось, что я хочу перенести их, но не могу ничего сдвинуть с места. Все вещи оказывались слишком тяжелыми для меня, а ты не желал помочь. Просто стоял и смотрел на меня.

— Ну, сейчас-то я не буду просто стоять и смотреть. — Крис принялся выпутываться из одеял. — Сам не знаю почему, но мне кажется, нам лучше послушаться твоего сна.

Они перенесли все, что было сложено позади Приюта, и разместили по обе стороны си-входной двери. Пока они работали, ощущение неотложности их действий не ослабевало, а усиливалось, словно у них оставалось совсем мало времени. Работа была тяжелая, выматывающая, вымораживающая — таскать сквозь метель громоздкие кипы сена и соломы, но ни один из них и не подумал остановиться, пока не перетаскивали все до последнего брикета, последней былинки.

Пока еще не совсем стемнело, оба по очереди собирали в долине валежник, и только когда подобрали последнюю деревяшку, еще не погребенную под снегом, Криса наконец удовлетворил сделанный запас. На все время сидения взаперти в снегах топлива хватить не могло, но на то, чтобы продержаться, пока не кончится пурга, хватало за глаза. Если, когда буря стихнет, им не удастся раздобыть еще валежника, они смогут срубить одно из деревьев, окружающих Приют, — хвойных, со смолистым соком, благодаря которому дрова будут гореть даже сырыми.

Но когда Крис и Тэлия вернулись в свое пристанище, им предстояла новая работа. Ибо, хоть и казалось, что разумных причин для беспокойства нет, они продолжали следовать своим смутным

предчувствиям и перетащили все продовольствие из расположенной в пристройке кладовой внутрь Приюта. В результате в комнате стало очень тесно, но, если стараться не слишком много расхаживать, терпимо.

К тому времени, как они закончили, оба продрогли и устали так же, как в первый вечер. Герольды, нахохлившись, сидели у огня, держа свои миски с похлебкой, вымотанные настолько, что не могли даже разговаривать. Воющий за дверью ветер, казалось, вселился в их души, оступая и опустошая, пронизывая до мозга костей. Люди, съездившись, лежали в постели в каком-то оцепенении, пока ими не завладел сон.

Рано утром на следующий день ветер внезапно усилился так, что задрожали даже прочные каменные стены. Крис и Тэлия проснулись одновременно и прижались друг к другу, чувствуя себя очень маленькими и уязвимыми и с изумлением и страхом прислушиваясь к бушующей снаружи стихии. Теперь Крис радовался, что они послушались инстинкта и перетащили все на подветренную сторону Приюта, к тому же уложили так, что можно легко достать.

— Хорошо, что тут крыша не тростниковая, как в последнем Приюте, где мы останавливались, — шепнула ему Тэлия, дрожа, явно подавленная ревом ветра снаружи. — Тростник бы уже давно сорвало и унесло.

Крис рассеянно кивнул, прислушиваясь главным образом к реву бурана, терзающего защищающие их стены, словно зверь, пытающийся выгнать добычу из норы. Он был наполовину испуган, наполовину зачарован: буря явно была легендарного размаха, и ничто из того, что он когда-либо видел или читал, не могло подготовить его к такой мощи. В Приюте снова становилось холоднее — ветер выдувал тепло.

— Я лучше разведу огонь, и надо, чтобы один из нас не спал и присматривал за ним. Тэлия, устрой из наших припасов и брикетов корма трехсторонний закут и настели туда побольше соломы. Нужно, чтобы между нами и каменным полом оказалось побольше прослойки, чем до сих пор. Оставь место для четвероногих: если станет слишком холодно, им придется как-то втиснуться сюда, поближе к огню.

Тэлия выполнила его указания, устроив настоящую берлогу; кроме того, надела поверх шерстяной сорочки еще две туники. Крис разворошил угли и снова раздул огонь — и, увидев пленку льда, затягивающую их котелки с водой, порадовался, что сделал это.

Они заползли обратно в заново переустроенную постель и обнялись, чтобы побыстрее согреться, глядя на огонь, замороженные пляской пламени и завыванием ветра за стенами. Казалось, для мыслей места нет, их всех унесло ледяным ветром.

Из транса их вывел страшный треск. Звук был такой, словно к Приюту приближался сказочный великан, круша по дороге деревья. Шум парализовал людей, словно кроликов, окостеневших от страха. В любом случае бежать было некуда. Если что-то разрушит Приют, они, лишившись крова, через несколько часов замерзнут насмерть. Ни Крис, ни Тэлия не могли понять, откуда исходит шум. Казалось, он продолжался несколько минут, неумолимо приближаясь к Приюту, пока не закончился наконец грохотом, который сотряс заднюю стену дома, и треском, который, вне всякого сомнения, шел из-за низенькой дверцы.

Они очень долго сидели, потрясенные, не в силах пошевелиться; сердца у обоих, казалось, готовы были выскочить из груди.

Наконец...

— Светлая Богиня! Оно вправду прошло там, где мне слышалось?

— 3 — 3-за Приютом, — заикаясь от волнения, выговорила Тэлия, покрывшаяся от страха гусиной кожей. — Там, где кладовая.

Крис поднялся и подергал дверь. Она не поддавалась.

— Где была кладовая, — сказал он и заполз обратно под одеяла.

Тэлия не решилась возразить.

Еще три раза они слышали, как падали, ломаясь, деревья, но ни одно из них не упало так близко. И,

словно эта демонстрация силы истощила наконец ветер, он начал слабеть и стихать. Примерно к полудню он стих совсем, и остался лишь слабый тикающий звук падающего снега. Поскольку теперь не было ветра, который сметал бы его с крыши, снега скоро нападало столько, что и этого звука стало не слышно.

Из Приюта перестало уходить тепло. Вскоре стало так тепло, что Тэлия и Крис наконец согрелись; тепло убаюкало их, и они, сами того не заметив, вновь погрузились в свой прерванный сон.

Разбудили их Спутники. Сколько времени они проспали, Крис и Тэлия не имели представления: огонь угасал, но еще теплился, а тишина ничего не объясняла.

Ролан передал Тэлии, что ему необходимо выйти. Немедленно. По лицу Криса она поняла, что то же сообщил ему Тантрис.

Крис посмотрел на нее и пожал плечами.

— Какая разница, узнаем мы все сейчас или потом. Во всяком случае, мы все еще живы, и у нас есть крыша над головой, — сказал он и натянул свежую смену одежды; Тэлия последовала его примеру.

Скоро должно было стемнеть. Благодаря сложенному возле входной двери фуражу ее не занесло снегом, иначе им ни за что не удалось бы ее открыть. За стеной из брикетов сена обнаружился сугроб выше роста Криса.

Чирр зрелище несколько не смутило; они бросились прямо в сугроб и двинулись сквозь него, словно поплыли: благодаря длинным шеям им удавалось держать голову над поверхностью. Следом двинулись Спутники, а за ними — оба Герольда. Пробившись сквозь сугробы разной высоты — одни доходили Тэлии до пояса, другие не уступали по высоте первому, — они внезапно очутились на участке, где ветер сдул весь снег до самой травы.

В обступившем их вековом лесу чувствовалась сдерживаемая мощь, от которой у Тэлии словно встала дыбом шерсть на загривке. Здесь присутствовало нечто... не совсем живое, но и не мертвое. Нечто... выжидающее. Следящее. Оценивающее. Чем бы это ни было, оно нависало над ними несколько долгих мгновений. Тэлия обнаружила, что до боли в глазах всматривается в тени под деревьями, ища каких-нибудь следов пугающего «нечто» и ничего не находя. Но что-то там было. Что-то нечеловеческое, почти стихийное, и... и единое — каким-то странным образом, который Тэлия не могла определить, могла только ощущать — с самим лесом. Словно бы лес давал этому «нечто» тысячу глаз, тысячу ушей...

— Где дорога? — тихо спросила Тэлия; получилось испуганно и пискляво, При звуке ее голоса Крис вздрогнул, огляделся, потом медленно повернулся, очевидно пытаясь сориентироваться. Отсюда Приют казался всего лишь самым высоким из множества сугробов. В кольце окружавших его деревьев появились незнакомые просветы.

— Вон там... — наконец показал Крис. — Возле тропы стояло дерево...

— Которое сейчас лежит поперек тропы.

— Когда мы до него доберемся, мы можем впрямь Спутников и чирр, и они оттащат его в сторону... Надеюсь.

— А что насчет задней стены Приюта? — спросила Тэлия, не чувствуя уверенности, что ей хочется это выяснять.

— Давай посмотрим, удастся ли нам добраться дотуда.

Прокладывая в сгущающемся мраке путь сквозь сугробы, они добрались до места, откуда было видно, что случилось позади Приюта, пусть даже пробиться туда им еще не удалось. Крис присвистнул.

Упало не одно, а почти дюжина деревьев, причем каждое из них валило следующее, а последнее рухнуло на край Приюта. Пристройка исчезла: ее попросту расплющило.

— По крайней мере, у нас не будет нехватки дров, — с натянутым смехом сказала Тэлия.

— Тэлия... — В голосе Криса послышался благоговейный страх. — Раньше я никогда не верил рассказам о Печалях и Проклятии Вани-эля, но... посмотри, как упали деревья!

Тэлия подавила приступ почти панического страха и внимательно посмотрела туда, куда он показывал. Разумеется, деревья легли в одну линию, упав в ту сторону, куда дул ветер — все, кроме последнего. Тэлия не видела никакой причины, почему оно отклонилось в сторону, а упало оно так же, как его собратья, оно раздавило бы Приют — и их с Крисом — всмятку. Но нет: дерево упало под острым углом, совершенно не задев Приют и разрушив только пустую пристройку. Оно упало почти что против ветра.

— Боги, — сказал Крис. — Я... я ни за что бы в такое не поверил. Я никогда раньше не верил в чудеса. — Он снова огляделся. — Я... это звучит глупо, но, кто бы ты ни был... спасибо.

Только он это произнес, как неотступное чувство, что за ними наблюдают, исчезло. Тэлия обнаружила, что снова может свободно дышать.

— Вот что, нам лучше вернуться в дом. Уже почти стемнело. — Крис поглядел на небо и снег, который по-прежнему сыпался оттуда и явно не собирался переставать.

Подавленные сознанием своего положения и разрушениями, виденными снаружи, они приготовили еду, поели и убрали за собой — все в полном молчании. Наконец Тэлия высказала то, что тревожило их обоих:

— Сможем ли мы отсюда выбраться?

— Хотел бы я быть оптимистом и обнадежить тебя, сказав «да»... Но, по правде сказать, не знаю, — ответил Крис, уткнув подбородок в колени и глядя на огонь. — До дороги далеко, а, как я уже говорил, за деревьями будет хуже. На то, чтоб проложить туда тропу, уйдет много времени, и нет уверенности, что, когда мы прокопаемся, Стража уже туда доберется.

— Может, нам попробовать пробиться, не прокладывая тропы?

Крис покачал головой.

— Чирры могли бы такое сделать, без поклажи, но Тантрис и Ролан — нет. И даже если бы смогли, нам все равно понадобилась бы провизия. Просто не знаю.

— Но как нам расчистить тропу без инструментов?

— Да еще то дерево поперек дороги... Крис долго молча смотрел в огонь.

— Тэлия, — сказал он наконец, — крепковеры никогда ничего не покупают, если могут этого избежать, об их скупости ходят легенды. Что тебе известно о том, как делать лопаты?

— Не слишком много, — ответила она уныло, — но я попробую.

— Давай-ка посмотрим, что тут можно приспособить.

У них нашлась уйма сыромятных ремней для веревок, множество прямых, тяжелых веток для древков и поперечин, но ничего, из чего можно было бы сделать саму лопасть. Неиспользуемые ими топчаны оказались так крепко сколочены, что отодрать от них днища не получилось, а доски полки — слишком толстыми, чтобы подойти для их цели. Раньше в Приюте нашлись бы и полки из более тонких досок, но они остались в пристройке, которая превратилась в мезиво. Наконец Тэлия грустно вздохнула и сказала нехотя:

— Единственное, что мы можем использовать, — футляр от арфы.

— Нет! — запротестовал Крис.

— Больше нечего. Когда будем уходить отсюда, мы можем ослабить на Сударыне струны и обмотать ее одеялами и плащами, так что она будет в порядке и без футляра. Древесина там легкая и прочная, к тому же водонепроницаемая. Даже почти нужного размера и формы. У нас нет выбора, Крис. Джедус не сказал бы нам спасибо за то, что мы строим из себя сентиментальных дураков.

— Проклятие! — Крис помолчал мгновение. — Ты права. Выбора у нас действительно нет.

Он достал арфу из угла, где Тэлия оставила ее поверх кучи тюков. Невольно морщась, взял свой ручной топорик, осторожно отделил от рамы переднюю и заднюю стенки футляра и подал их Тэлии.

Она выудила из очага кусок угля и нарисовала на каждой некое подобие лопасти лопаты для уборки

снега. Одну вручила ему, а за другую взялась сама.

— Постарайся придать ей такую форму; я займусь тем же.

Она осторожно обстругивала края лезвием своего топорика; на пол рядом падали кудрявые стружки. Крис внимательно наблюдал за ней, пока не уяснил в точности, что она делает, затем принялся за свою доску. В одном им повезло: древесина оказалась достаточно плотной, чтобы ее можно было легко резать острым топориком. Когда обе заготовки стали напоминать формой лопаты, Тэлия наметила на них отверстия, которые предстояло просверлить ножом. К тому времени, когда Герольды закончили работу, руки и запястья у обоих устали и ныли.

Тэлия покрутила кистями, пытаясь вернуть им чувствительность и подвижность.

— Теперь мне нужны две деревяшки примерно такой ширины, — сказала она, показывая расстояние приблизительно в два пальца. — И такой же длины, как лопасти. Полагаю, их тебе придется вырезать из рамы.

Пока Крис доламывал футляр, Тэлия перерыла свои выюки в поисках горшочка с клеем. Найдя, поставила в котелок, до половины налитый водой, и подвесила над огнем, чтобы клей растопился. Тем временем она перебрала около дюжины палок, которые казались пригодными для рукояток, и выбрала две лучшие.

Когда клей был готов, она показала Крису, где просверлить в палках отверстия и как обтесать концы, которые предстояло прикрепить к лопасти. У нее самой были недостаточно сильные руки для такой работы. Когда Крис покончил с первой, Тэлия прикрутила ее к лопасти мокрым сыромятным ремнем, как можно туже натягивая его, чтобы он, высыхая, стянулся и крепче прижал черен к собственно лопате. Затем прикрепила к обратной стороне лопасти поперечную распорку, вырезанную из палки поменьше, точно так же прикрутив ее к рукоятке. Наконец, приклеила к основанию лопасти кусок рамы, чтобы тот играл роль стопора, не давая снегу соскальзывать. Прикрутила другой кусок палки к древку позади стопора, чтобы работал скрепой, затем проклеила все крепления в своем кустарном изделии, пропитав клеем даже сыромятные ремни. На чем ее познания и закончились; она отложила свое творение в сторону, чтобы просохло за ночь, и принялась за второе.

— Грубого обращения они не выдержат, — устало вздохнула она, закончив. — Нам придется буквально трястись над ними.

— Все лучше, чем копать снег голыми руками, — ответил Крис, беря ее руки в свои и растирая.

— Думаю, да. — Тэлия попыталась заставить себя расслабиться. — Крис, а как же Стража расчищает дороги?

— Они нанимают деревенских. Потом есть бригады с лопатами: они раскапывают самые большие заносы, а остальное просто утрамбовывают.

— Мне думается, это не слишком быстрый процесс.

— Да.

Коротенькое слово повисло в воздухе между ними. Тэлии стало не по себе, но она не хотела увеличивать навалившееся на Криса бремя, поддавшись своему страху.

Разделяющее их молчание все больше затягивалось.

— Страшно неприятно тебе говорить, — нехотя сказал Крис, — но ты передаешь. Я чувствую сильные эмоции, и мне известно, что источник не во мне: Тантрис только что подтвердил.

На миг вспыхнул гнев, потом — отчаяние...

— Черт возьми, Тэлия, замкни это в себе! Ты не делаешь легче никому из нас!

Тэлия подавила рыдание, до крови закусив губу и, взяв себя в руки, начала выполнять дыхательное упражнение; оно успокоило ее, успокоило настолько, что она действительно смогла обнаружить утечку и заблокировать ее. Крис облегченно вздохнул, улыбнулся ей, и Тэлия почувствовала, как внутри слабо шевельнулась надежда и радость от успеха.

Наконец Крис выпустил ее руки и пошел за арфой; Тэлия была совершенно не в настроении петь, но Крис выбирал только незнакомые ей вещи. Казалось, он просто плывет от мелодии к мелодии, возможно находя в подборе музыки забвение от мыслей об их бедственном положении. Тэлия только слушала; чирры, похоже, заразились ее мрачным настроением и тоже молчали. Тэлия использовала пение арфы, чтобы усилить действие успокаивающего упражнения и не открывала глаз, пока музыка не смолкла.

Крис уже поднялся и ставил арфу обратно на место у очага. Вернулся и, не говоря ни слова, растянулся рядом с Тэлией.

На сей раз молчание нарушила она.

— Крис, мне страшно. Я действительно боюсь. Не только из-за того, что со мной творится, а из-за всего... — она махнула рукой, — того, что там, снаружи.

— Знаю. — Пауза. — Я тоже боюсь. Мы оказались в неважном положении. Ты... могла убить нас обоих тогда вечером. Ты и сейчас могла бы. А снаружи... Я никогда не чувствовал себя таким беспомощным. Между нами говоря, мне просто хотелось бы опустить руки. Просто свернуться в клубок и надеяться, что все пройдет само собой.

Тэлия знала, чего ему стоило признаться в этом.

— Если б я не так запуталась; если б я была больше и сильнее. Или родилась с Даром Дальней Речи, вроде Кирила, — сказала она очень тихо.

— Что случилось, того не переделаешь. А что до Дальней Речи, не думаю, чтобы даже мы вместе, вдвоем, смогли дотянуться до кого-то, обладающего Даром нас услышать, а если бы и смогли, не думаю, чтобы оттого был какой-то прок, — вздохнул Крис. — Нам просто нужно держаться, как прежде, и надеяться, что мы выберемся отсюда раньше, чем подойдут к концу припасы. Если уж на то пошло, настоящая наша проблема — продовольствие. Если бы не это, я бы не волновался. Еды у нас хватит примерно на месяц, но дольше — вряд ли. Если кончится...

— Крис... знаешь, мы ведь все-таки в Печалях — помнишь дерево? Может быть... может быть, нам будет послана дичь.

— Возможно, ты и права, — задумчиво пробормотал он, немного просветлев. — Для того, чтобы послать нескольких кроликов под наши стрелы, понадобилось бы меньше магии, чем ушло на то, чтобы изменить направление падения того дерева.

— А может, мы выберемся прежде, чем придется беспокоиться о еде. И не нужно тревожиться обо мне, ты же знаешь. Я родом из Приграничья. Я могу обходиться гораздо меньшим количеством пищи, чем съедаю обычно.

— Давай не будем урезать рационы, пока это не станет необходимым. У нас будет уходить много сил на то, чтобы не замерзнуть.

Оба снова посмурнели. Тэлия решила, что теперь ее черед рассеять мрачное настроение.

— Интересно, что сейчас происходит там, при дворе. Уже ведь почти Середина Зимы.

— Столпотворение, что же еще. Всегда так. Дядя ненавидит Середину Зимы: на праздник съезжается столько людей, которые «совершенно случайно» захватили с собой прошения, что Совету приходится заседать чуть ли не каждый день.

Тэлия сокрушенно посмотрела на Криса.

— Мы не очень хорошо ладим с твоим дядей. Нет, не правда. Мы вообще с ним не ладим. Я знаю, что он меня не любит, но дело не только в этом. У меня постоянно такое чувство, что он ищет способа избавиться от меня.

Крис уставился на нее в полном изумлении.

— Тпру... постой-ка минутку... лучше начни с самого начала. Я просто ушам своим не верю...

— Хорошо, — нерешительно ответила Тэлия.

— Но только если ты обещаешь выслушать меня до конца.

— Полагаю, это только справедливо.

— Хорошо; когда я еще только появилась в Коллегии, мне, как ты знаешь, пришлось пережить довольно нелегкое время. Грязные проделки, гнусные анонимные записки, засады — это делали вольнослушатели, Синие, но для того, чтобы я не искала помощи внутри Коллегии, они создавали видимость, что виноваты во всем, возможно, другие ученики-Герольды. Апогеем стал случай...

— ..когда они сбросили тебя в реку сразу после праздника Середины Зимы...

— Причем хотели убить меня.

— Что? — воскликнул Крис.

— Это мало кому известно. Знают Элкарт с Кирилом; еще — Шерил, Керен, Скиф, Терен и Джери. Знали Ильза и Джедус; думаю, знает Альберих. Мери догадался. Я вполне уверена, что кто-то из них — а может, и не один — некоторое время спустя рассказал и Селенэй. Один из Синих велел мне «передать от них привет Таламиру» сразу после того, как они швырнули меня в воду — думаю, смысл вполне ясен. Они рассчитывали, что я утону, и если бы моя связь с Роланом не оказалась настолько сильна и он не узнал бы о случившемся... ну да ладно. Но когда их поймали, я лежала в жару и бреде и не могла никому ничего рассказать. Они заявили, что все было просто шуткой, что они не думали, что мне грозит что-то более страшное, чем простое купание. Твой дядя защищал их перед Советом, поэтому вместо того, чтобы обвинить их в попытке убийства, их слегка пожурили и отправили домой, к мамочке.

— Что едва ли указывает на то, что...

— Ты обещал не перебивать.

— Прости.

— В следующий раз мы столкнулись из-за Скифа. Это случилось как раз тогда, когда Скиф помогал мне разоблачить няню Элспет, Хулду. Мне нужно было выяснить, кто помог ей обосноваться в Валдемаре, помимо Селенэй и отца Элспет. Скиф отправился в кабинет начальника городской стражи, чтобы отыскать иммиграционные записи, и Орталлен застиг его там. Он приволок Скифа к Селенэй, обвинив в том, что тот-де хотел подделать записи в Книге Проступков. И требовал, чтобы Скифу назначили за такой проступок самое строгое наказание — отправили на следующие два года на Границу, чистить лошадей у Стражи. Ты знаешь, к чему это могло привести. В худшем случае, Скифа могли убить; в лучшем, он на два года отстал бы от нас, остальных, а я лишилась бы одного из двоих моих лучших друзей на тот момент — и единственного человека во всей Коллегии, кто мог бы помочь мне сорвать личину с Хулды. Я выручила Скифа, но для этого мне пришлось солгать; и могу тебе сказать, что Орталлен был очень недоволен.

Казалось, Крис хотел что-то вставить, но смолчал.

— Наконец, вопрос о моей стажировке. Орталлен «ввиду моей юности и неопытности» пытался настроить членов Совета так, чтобы те постановили, что я должна провести в поле три года — вдвое дольше обычного срока. По счастью, Селенэй, Элкарт и Кирил и слушать об этом не пожелаали — и напомнили всем, что вопросами стажировки ведают Круг Герольдов, и только он, так что Совет тут ни при чем.

— Теперь все?

— А что, недостаточно?

— Тэлия, всему, что ты рассказала, есть очень логичные объяснения, если знать моего дядю. Во-первых, ему никак не могло быть известно о злом умысле тех студентов — я в этом уверен. Большинство из них он знал еще с тех пор, когда они пешком под стол ходили; он даже людей взрослых, имеющих собственных детей, называет «юношами». И он, вероятно, чувствовал себя обязанным заступиться за них. В конце концов, с твоей стороны в Совете выступали двое: Элкарт и Кирил.

— Полагаю, звучит логично, — неохотно сказала Тэлия. — Но Скиф...

— О, Скиф... я отлично знаю, что мой дядя — ханжа и приверженец условностей. Скиф был для него занозой в одном месте с самого момента своего Избрания. Пока не появился Скиф, никогда не возникало

проблем из-за того, что студенты-Герольды учинили какие-то безобразия в городе; могли набедокурить вольнослушатели, ученики-Барды, очень редко — Целители, но Серые — никогда.

— Никогда? — Тэлия подчеркнуто приподняла бровь. — Я нахожу, что в это довольно трудно поверить.

— Ну, почти никогда. Но после того, как Скиф начал свои маленькие проделки... Господь и Владычица, Серые стали не лучше студентов-Бардов! А младшие, похоже, считают себя обязанными его перешеголять. Ну, дядя от этого не в восторге, отнюдь не в восторге. Он очень верит в военную дисциплину как лекарство от чрезмерного легкомыслия, и я уверен, что он никогда не желал Скифу ничего плохого.

— А как насчет меня? Почему он все время пытается встать между мной и Селенэй?

— Он не пытается. Ты и в самом деле молода; в его представлении Королевским Герольдом должен быть кто-то вроде Таламира. Я не сомневаюсь, что дядя искренне считал, что длительная стажировка пошла бы тебе только на пользу.

— Хотела бы я тебе верить.

— Заиметь на него зуб — это довольно по-детски... и непохоже на тебя...

— Я вовсе ничего не заимела!

— Тогда почему ты отказываешься даже подумать над тем, что я тебе говорю?

Тэлия сделала глубокий вдох и заставила себя успокоиться.

— Его действиям есть и третье объяснение. Может статься, что он считает меня угрозой своему влиянию на Селенэй. И я могла бы указать тебе еще на одну вещь, а именно: я готова поспорить, что человек, рассказавший тебе обо всех «слухах» обо мне, — твой дядя. И еще я готова поспорить, что он попросил тебя проверить их. Ему ведь известно, каков мой Дар. Он мог отлично знать, как подействует на меня вся эта отравка.

Вместо того чтобы с ходу опровергнуть ее слова, Крис, казалось, задумался.

— Такое действительно возможно; по крайней мере, в том, что касается стажировки. Он очень любит власть, мой дядюшка; он долгое время был главным советником Селенэй, а до того — ее отца. А с тем фактом, что Королевский Герольд всегда будет иметь больше влияния, чем главный советник, мало что можно поделать. И, хоть мне страшно неприятно признавать, — неохотно закончил он, — но ты права относительно того, от кого я узнал о слухах.

Тэлия поняла, что теперь, когда она заставила Криса подумать, а не просто отмахиваться, пора сменить тему. Ей страшно хотелось высказать предположение, что Орталлен вполне мог сам распускать эти слухи, но Крис ни за что бы не потерпел намеков на то, что действия его дяди не слишком порядочны.

— Крис... давай постараемся забыть о нем, во всяком случае, на несколько часов. У нас есть и другие причины для беспокойства.

Он хмуро посмотрел на нее.

— Вроде того факта, что у тебя хватает сил, чтобы передавать; того, что ты смогла проделать такое снова.

— Да. — Тэлия сделала глубокий вдох. — Я даже могла снова сорваться; сегодня днем я была на грани. Если бы нам нечего было делать; я бы сорвалась. И у меня начиналось... что-то вроде галлюцинаций там, снаружи.

— Проклятие.

— Я... буду стараться. Но я подумала, что лучше, чтобы ты знал.

— Легконогий? — Крис долго смотрел на Тантриса, потом удовлетворенно кивнул. — Он говорит, что думает, что они с Роланом смогут с тобой справиться, если опять станет худо. Он говорит, что в первый раз события вышли из-под контроля главным образом потому, что Ролан оказался застигнут врасплох.

Тэлия почувствовала, что у нее камень с души свалился.

— Хорошо. И... спасибо. Крис подмигнул ей.

— Я выбью из тебя дурь.

Она скорчила ему рожу и с гораздо более легким сердцем свернулась калачиком под одеялами, чтобы поспать.

Проснулись они почти в привычное для себя время: ни сегодня, ни в течение множества грядущих дней нельзя было терять время попусту — во всяком случае, если они хотели добраться до дороги прежде, чем у них кончатся припасы.

Оба оделись как можно теплее, взяли лопаты и принялись за долгий труд — прокладывать тропинку к свободе.

Снег оказался мокрым и тяжелым, и слава богу, поскольку так он лучше удерживался на лопатах. Но самый его вес затруднял работу, делал ее изнурительной. В поддень Крис и Тэлия сделали перерыв, чтобы поесть горячего и переодеться, поскольку то, что они надели утром, уже промокло насквозь. Они раскидывали снег, пока не стемнело настолько, что почти ничего не стало видно.

— Нам надо добраться до того дерева и оттащить его с дороги, пока снег такой, как сейчас, — сказал Крис за ужином — Если вдруг похолодает и все замерзнет, нам ни за что не удастся сдвинуть ту штуку с места. Она засядет во льду намертво, как пробка в бутылке.

— Все будет в порядке, пока снег будет продолжать потихоньку идти, — ответила Тэлия, вспоминая дни, когда пасла крепковерские отары овец в пору окота. — Беспокоиться о том, что похолодает, надо будет только, если погода начнет меняться.

Легли они рано, надеясь добраться до дерева еще до конца следующего дня.

Они прокопались к нему под вечер и, осмотрев массивный ствол, решили, что лучше всего будет разрубить его пополам топорами и припрячь чирр и Спутников к более легкому концу. К тому времени, как стемнело, ствол был перерублен чуть больше чем наполовину.

На другой день Герольды снова встали чуть свет и опять принялись за дерево. Перерубить его удалось к полудню, и после обеда они попытались оттащить его.

Накануне вечером они решили не полагаться на авось и из запасной веревки смастерили упряжь для себя самих. Теперь они впряглись рядом с чиррами и Роланом с Тантрисом.

Оказалось, хорошо, что они догадались поучаствовать. Только когда все шестеро уперлись и налегли изо всех сил, дерево чуть сдвинулось с места. Все пыхтели и задыхались от усилий, мускулы, казалось, кричали от боли, протестуя против непосильной нагрузки, а дерево медленно, по вершку в минуту, ползло по снегу. Для того, чтобы стащить его с тропы, ведущей к спасению, пришлось биться до темноты.

Когда стемнело, они поплелись обратно в Приют, чуть не плача от боли и изнеможения. Тем не менее люди досуха растерли чирр, а затем почистили, накормили и напоили Спутников и укрыли их одеялами. Только после этого они содрали с себя мокрую одежду и рухнули на постель. Оба слишком устали, чтобы думать о чем-либо, кроме того, чтобы просто лежать — и кроме боли во всем теле.

— Ты что, действительно хочешь ужинать? — тоскливо спросил наконец Тэлию Крис: была его очередь стряпать.

От одной мысли о еде ее замутило.

— Нет, — ответила она невнятным от усталости голосом.

— О, хорошо, — сказал Крис с облегчением — Я тоже.

— Я, кажется, никак... не согреюсь. — Тэлии понадобилось сделать усилие, чтобы выговорить это.

— И я. — Крис с тихим стоном сел. — Если ты заваришь чай, я достану меда.

— По рукам.

Они оставляли на очаге горячую воду для чая, зная, что она им понадобится. Оба не смогли встать на ноги и поползли каждый в свою сторону на коленях. Тэлия залила травяную смесь водой, расплескав

половину, поскольку у нее от усталости тряслись руки. Крис вернулся, держа в одной руке кувшин с медом, в другой — что-то еще.

Он с преувеличенной осторожностью поставил кувшин, и Тэлия щедрой рукой зачерпнула по три полные ложки на каждую кружку. К счастью, мед был слишком густым, чтобы расплескаться, подобно воде. Тэлия подтолкнула одну кружку к Крису, а тот в обмен вручил ей что-то.

«Что-то оказалось одной из плиток из прессованных фруктов и орехов, которыми пичкала их Керитвин тогда, в Развилке. От одного ее вида Тэлию затошнило.

— Знаю, — сказал Крис извиняющимся тоном. — Я чувствую то же самое. Но если мы ничего не поедем, то завтра придется за это расплачиваться.

Тэлия размешала в чае мед и выпила, хотя и было еще так горячо, что она едва не обварила себе язык. Когда внутри растеклось тепло, мысль о еде начала казаться чуть более привлекательной. К тому времени, когда Тэлия прикончила вторую кружку чая, она уже чувствовала самый настоящий голод.

Однако на то, чтобы разжевать твердую, вязкую массу, из которой состояла плитка, ушли все остатки ее сил. Судя по всему, Крис испытывал то же самое. Третья чашка чаю окончательно решила вопрос. Тэлия едва успела забраться под одеяла, как провалилась в сон.

Когда она проснулась, каждый ее мускул вопил — гневно и протестующе. Тэлия чуть переменяла положение, и у нее вырвался стон.

— Хоть бы я был трупом — тогда бы не так все болело, — безнадежно простонал ей на ухо Крис.

— Я тоже. Но я все время вспоминаю, что говорил Альберих.

— Тебе что, обязательно напоминать?» Лучшее лекарство от боли в мышцах — добавка того, что заставило их болеть «. Ох, как бы я хотел, чтобы он ошибался!

— По крайней мере, нужно выйти наружу хоть ненадолго, чтобы взглянуть, с чем придется иметь дело по другую сторону дерева.

— Ты права. — Крис медленно, пересиливая боль, разогнулся. — И надо затащить внутрь еще дров.

— И еще сена.

— И еще сена, верно. Вот что, птичка. Если ты чувствуешь себя так же, как я, ты не смогла бы сейчас передавать дальше собственного носа!

Они помогли друг другу помыться и одеться: до очень многих мест они не могли дотянуться самостоятельно, не вызвав вопль боли в натруженных мышцах. Тэлии удалось кое-как сварить кашу с фруктами, приготовив столько, чтобы хватило еще на два раза; то же относилось и к чаю. По всей вероятности, они так устанут, что не почувствуют вкуса ни того, ни другого, но еда будет сытной и теплой, и надо надеяться, что нынче вечером они не вымотаются настолько, чтобы сама мысль о еде вызывала отвращение.

Когда они отворили дверь, сверкание солнца на снегу заставило их отшатнуться: за ночь погода переменялась, небо было безоблачным. Не защитив чем-то глаза, они за несколько секунд заработали бы себе снежную слепоту.

— И что теперь? — спросила Тэлия, никогда прежде не сталкивавшаяся с подобной ситуацией.

Крис призадумался.

— Сверху прикрывай глаза капюшоном, а я посмотрю, не удастся ли что-нибудь приспособить для защиты от блеска снега.

Он перерыл свой выюк и вынырнул со свертком тонкой марли, которая использовалась для перевязок.

— Оберни ее раза два вокруг головы. Она должна быть достаточно тонкой, чтобы сквозь нее было видно.

Видеть сквозь марлю оказалось нелегко, но все было лучше, чем ослепительный блеск, от которого

слезились глаза.

Дерево лежало там, где они его и оставили, а за ним пролегала тропа, ведущая прочь. Куда-то в неизвестность.

Где она шла, можно было определить по просвету в деревьях и отсутствию подлеска. Сложность заключалась в том, что лежала тропа под сугробами, которые оттуда, где стояли Крис и Тэлия, представлялись никак не меньше четырех футов в высоту.

— Ну что ж, хотя бы поваленных деревьев там больше нет, — сказала Тэлия, стараясь казаться веселой.

Крис только вздохнул.

— Пошли за лопатами.

Сугробы были глубокими, но по крайней мере уступали толщиной тем, которые Крис и Тэлия раскапывали в своей ложине. Хотя толщина снега редко достигала меньше двух футов, она редко превышала и шесть. Герольды копали и утапывали до сумерек, затем затащили в Приют еще дров и фуража, поели и повалились на постель.

Тэлия проснулась посреди ночи, чувствуя, что очень замерзла. Озадаченная, она придвинулась поближе к Крису, который что-то пробормотал, но не проснулся. И все же Тэлии становилось все холоднее и холоднее. В конце концов она не выдержала и вылезла из кровати; стоило ей откинуть одеяло, как холодный воздух ударил ее словно молотом. Тэлия сунула ноги в овчинные тапки, завернулась в плащ и быстренько принялась подбрасывать в очаг дрова. Когда пламя разгорелось, она увидела, что на нее смотрят, моргая, чирры и Спутники — они вышли из своего угла и придвинулись поближе к теплу.

— Что такое? — сонно спросил Крис. — Почему так холодно?

— Погода опять переменилась. Температура падает, — сказала Тэлия, думая о том, что влажный снег снаружи, должно быть, смерзается сейчас в сугробы, похожие на глыбы белого гранита. — Мне кажется, богиня удачи только что отвернулась от нас.

Глава 9

Когда Крис и Тэлия наконец заснули, сон их был беспокойен; проснулись оба рано и с тяжелым предчувствием. Царящий в Приюте ледяной холод не вызывал желания понежиться в постели; Герольды быстро оделись и вышли, чтобы выяснить, насколько плохо в действительности положение. Назвать его хорошим не удалось бы при всем желании. Снег смерзся, стал твердым и зернистым, а сверху покрылся толстой коркой наста. Наст мог выдержать вес человека и даже вес не навьюченных чирр (при условии, что те будут ползти со скоростью улиток), но ни за что не выдержал бы чирр даже с небольшими выюками и Спутников. И словно этого еще было мало — стало очевидно, что их самодельные лопаты недостаточно прочны, чтобы раскидывать такой неподатливый снег.

Оба Герольда безнадежно смотрели на твердый, как скала, участок, где они прекратили работу накануне вечером, и на ставшие теперь бесполезными лопаты. Наконец Тэлия зло выругалась, закусил губу, чтобы сдержать слезы обиды, и напредила себе, что не должна допускать ни малейшей утечки эмоций сквозь щиты.

— Слушай, Тэлия, так мы ничего не добьемся, — сказал Крис после долгой паузы. — Ты устала, я тоже. Один день дня нас ничего не изменит... два или три — тоже, если уж на то пошло. Я — твой советник; что ж, я советую, чтобы мы отдохнули и дали телам прийти в норму, пока не сможем составить план, у которого есть хоть какой-то шанс вытащить нас отсюда.

Тэлия устало согласилась.

Когда Герольды снова оказались в помещении, она зажгла маленькую масляную лампу и окинула взглядом кавардак, который они устроили в Приюте.

— Очевидно, нам предстоит провести здесь некоторое время, так что пора уже перестать жить в свинарнике. Только посмотри! Нам едва хватает места, чтобы передвигаться.

Крис огляделся и сокрушенно согласился с ней.

Оба яростно принялись за уборку и перестановки. Работать в сравнительно теплом помещении было гораздо легче, чем разгребать снег. Еще до полудня в Приюте было чисто прибрано, подметено, все приведено в образцовый порядок.

— Какие-нибудь идеи появились? — решил спросить Крис за обедом.

— Ничего, имеющего отношение к проблеме. Хотя я действительно думала кое о чем из того, что нужно сделать. Раз уж мы застряли тут до тех пор, пока не придумаем, как справиться со снегом, надо что-то предпринять, чтобы устроить стирку. Единственная еще пригодная для носки теплая одежда, которая у меня осталась, — та, что сейчас на мне.

— Среди здешних запасов есть седельное мыло для мытья кожи, — сказал Крис, размышляя вслух, — и мы могли бы опорожнить два бочонка и стирать в них.

— У меня с собой более чем достаточно мыла для всего остального, — уведомила его Тэлия, — и, видит Господь, у нас нет недостатка в воде!

— Тогда ладно, давай! Я и сам не в лучшем виде, чем ты, — а я терпеть не могу ходить в грязном.

В примитивных условиях Приюта стирка белых одежд оказалась нелегким делом. Однако стирать опять-таки было легче, чем махать лопатами и перетаскивать деревья, и, к тому же, гораздо теплее. Под конец на каждой чистой поверхности в Приюте красовался какой-нибудь сохнувший предмет одежды.

— Вот уж не думала, что мне захочется снова увидеть комплект студенческого Серого, — сказала Тэлия, садясь на пятки и обозревая плоды своих трудов.

— Догадываюсь, о чем ты, — ухмыльнулся Крис, поднимая — глаза от последней пары сапог. — На тех проклятых тряпках, по крайней мере, не так заметна грязь. Ты как?

— Я все. Я почистила свои кожаные вещи, пока ты стирал.

— У меня это тоже последнее.

— Что ж, у меня еще осталась горячая вода — хватит на две хорошие ванны. Жаль, что мы не можем влезть в бочонки, чтобы отмокнуть, но, по крайней мере, сможем по-настоящему вымыться.

— Хорошая мысль, птичка. Хотя после всей мыльной воды, в которой я плескался сегодня, отмокать у меня больше особенно нечему!

Теперь, когда оба как следует вымылись, все стало рисоваться им в не столь мрачном свете, особенно потому, что сейчас они не испытывали боли от убийственного холода и перенапряжения мышц, преследовавшей их последние несколько дней.

Тэлия расчесывала перед огнем мокрые волосы; пляшущие языки пламени и мерные движения гребня действовали на нее гипнотически. Легкий запах затхлости, поселившийся в Приюте за время бурана, исчез, теперь здесь пахло очень приятно — мылом и кожей. В голове Тэлии мелькали отрывки старых преданий — разрозненные, случайные образы, касающиеся рассказов о битвах, о чем угодно. О битвах, и о том, как сами Спутники обычно сражались вместе со своими Герольдами. Впрочем, так ли уж случайно всплыли эти образы?

— Крис, — произнесла Тэлия медленно: в ее мозгу начала созревать идея. — Главная проблема для нас — твердый снег и наст. Лопаты недостаточно прочны, чтобы разбивать его. Но если мы обмотаем Спутникам ноги, чтобы они не порезались, Ролан и Тантрис могли бы... так же, как они сражались...

— Клянусь Звездами Владычицы, ты права! — с восторгом воскликнул Крис. — И еще, помнишь, ты спрашивала, какой прок чиррам от огромных когтей? Они выкапывают себе ими ямы для лежки — в земле или в снегу. Если б нам удалось объяснить им, что от них требуется, они могли бы выкапывать куски снега каких угодно размеров, лишь бы мы были в состоянии с ними справиться.

— Гавани, объяснить им все могут Ролан с Тантрисом!

Тантрис фыркнул, а Ролан мысленно послал Тэлии похвалу и чувство ласки.

Крис рассмеялся.

— Ладно, старик... — сказал он своему Спутнику, впервые за весь день по-настоящему повеселев. Затем снова повернулся к Тэлии:

— Вон тот Кладезь Премудрости, похоже, полагает, что мы сможем работать быстрее, чем прежде. Он пожелал узнать, почему мы раньше не додумались.

— Ну, от вас ведь не было бы особой пользы, пока снег оставался мокрым, верно? — обратилась Тэлия к двум парам прижатых ушей. Ролан покивал головой.

— А чирры бы не столько расчищали, сколько перепахивали снег. Сугробы, пока не замерзли, легко разваливались, — добавил Крис несколько самодовольно. — Вот так-то.

— Он еще что-нибудь сказал? — спросила Тэлия, немного завидуя способности Криса мысленно говорить со своим Спутником.

— Сказал только, что его беспокоило, что мы так напряженно работаем, — а потом просто-напросто приказал нам завтра отдыхать. Можно подумать, мы какие-нибудь зеленые ученики.

Тэлия уныло покачала головой, поскольку не сомневалась, что Ролан полностью одобряет идею Тантриса. В его мысленном послании тоже присутствовал отчетливый оттенок беспокойства, что оба Герольда, и Тэлия, и Крис, работают слишком много.

— Ролан говорит то же самое. Не думаю, чтобы мне хотелось спорить. Ох, Светлые Гавани, как все болит! — Тэлия расправила ноющие плечи и распрямила руки. — Это едва ли назовешь остановкой на отдых, которую нам велела сделать Керитвин.

Крис добродушно простонал, в свою очередь потянувшись.

— Как бы то ни было, я сейчас вымотан больше, чем тогда, когда мы сюда добрались, если только такое возможно. И уж определенно гораздо больше страдаю от боли в мышцах.

— Тогда у меня есть предложение: как насчет массажа?

— А ты как?

— О, Господи, хорошо бы, — вздохнула Тэлия.

— Я разомну тебя, а потом ты — меня. Обнажайся, девушка — я не могу работать через четыре рубашки и тунику!

— Всего две, — возразила она со смехом. — И, кстати, летние. Когда я стирала, то постаралась выстирать все, что нашла!

Тем не менее она подчинилась и растянулась на подстилке из одеял возле очага. Чуткие пальцы Криса находили одну за другой все до последней болевой точки и разминали их, снимая боль. Убаюканная его ласковыми прикосновениями, Тэлия погрузилась в полудрему.

Крис разбудил ее, пощекотав ей шею.

— Моя очередь, — сказал он, когда Тэлия лениво повернула голову.

Она умиротворенно вздохнула, поднялась на колени и натянула сорочку (блаженно чистую и теплую, поскольку лежала у огня), а Крис занял ее место возле очага. Тэлия старалась подражать его приемам и отыскивала наиболее набрякшие, а значит, самые усталые и больные мышцы. В скором времени Крис так же успокоился и расслабился, как и она, и оба нежились в идущем от огня тепле, словно парочка довольных кошек.

— Я сделаю все, что ты захочешь, — томно пробормотал Крис. — Только не проси меня шевелиться. И не останавливайся.

Услышав, каким голосом он это сказал, Тэлия хихикнула, ласково растирая ему плечи.

— Хорошо же, тогда расскажи о Дирке.

— Обещаешь не останавливаться?

— Конечно.

— Хорошо, — сказал Крис с удовлетворением, — потому что история получится очень длинная. Прежде всего, я должен начать с его деда.

— Ох, брось, — сказала Тэлия, подняв бровь, — Это что, действительно необходимо, или ты просто пытаешься продлить удовольствие?

— Клянусь тебе, совершенно необходимо. Итак, » когда-то, давным-давно», когда дед Дирка основал свою Усадьбу, он жил на самой Границе. Он был очень честолобив, поэтому каждый год прибавлял к своим землям еще немного, и остановился только тогда, когда у него оказалось столько, сколько может надеяться возделывать разумный человек с помощью умеренного числа работников. К тому времени благодаря ему и таким, как он, Граница отодвинулась. И поскольку теперь жить стало безопаснее, он женился.

— Логично, учитывая, что он должен был произвести на свет хотя бы одного отпрыска, дабы тот стал отцом Дирка.

— Спокойно, девушка. На самом деле, их единственный ребенок оказался девочкой, но мысль оставить Усадьбу дочери его не смущала: он всецело рассчитывал на то, что она в свое время выйдет замуж, и земля все равно останется в их роду. Однако у богов было на уме другое.

— Разве когда-нибудь бывает иначе?

— Прежде всего, оказалось, что его дочь обладает по-настоящему мощным Даром Целительства. Ну, сие стало открытием столь же приятным, сколь и неожиданным, поскольку уговорить Целителей обосноваться возле Границы нелегко. Там для них всегда работы больше, чем они могут успешно выполнить, если только поблизости не поставлен Храм, а ты знаешь, каковы Целители — скорее умрут, чем оставят что-то недоделанным. Так или иначе, Целители из Приграничников, похоже, всегда считают, что их долг — служить в тех местах, где они родились, так что вероятность, что она осядет где-то в другом месте, была мала. Счастливый и гордый отец отправил ее в Коллегию Целителей, и в должный срок она вернулась в Зеленом. Пока что все шло, как и ожидалось. Однако то, что она стала Целительницей, расстроило

первоначальные планы ее отца. Казалось, тамошним молодым людям как-то не слишком хотелось ухаживать за особой, которая никогда, из-за своего Дара, не сможет всецело посвятить себя одному человеку. И это несмотря на то, что я рассказывал тебе о Целителях. В конце концов, Целитель — прежде всего Целитель, а все прочее — уже потом.

— Так же, как Герольды или священники. Погляди на нас.

— Замечание принято. Так или иначе, даже весьма лакомая приманка в виде наследства не смогла залучить ни одного из соседних хуторян или их сыновей за свадебный стол. Старик уже начал отчаиваться удержат в семье таким трудом нажитое имение. И тут в сюжете произошел второй поворот. Однажды поздним осенним вечером разразилась страшная буря.

— Хватит с меня бурь.

— Тихо, то была необходимая буря. По сути дела, первая осенняя буря в той части королевства: раньше такого не водилось. Началась она после заката, и молниями повалило столько деревьев, что той осенью не понадобилось рубить ни одного: дров хватало и так. С небес лил ледяной дождь — скорее струями, чем каплями. Гром грохотал так, что ни разговаривать, ни спать никто не мог. И вот, посреди смятения и хаоса, в дверь усадьбы кто-то постучал. — Крис явно наслаждался вовсю.

— Без сомнения, высокий, темноволосый, таинственный незнакомец.

— Кто из нас рассказывает, ты или я? В сущности, там действительно оказался незнакомец — полузахлебнувшийся, полузамерзший, полумертвый и очень замызганный, но блондин и едва ли таинственный. Это был молодой Бард, только недавно окончивший свою Коллегию и начинающий положенный период странствий. Он заблудился в грозу, упал в реку — словом, все неприятности, какие только могли, с ним приключились. Когда он замолотил в их дверь, он был уже в жару, бреду, и на верном пути к роскошному воспалению легких.

— Я чую роман.

— У тебя хороший нюх. Естественно, юная Целительница взялась за него, выходила, вернула здоровье. Точно так же естественно, они влюбились друг в друга по уши. Будучи человеком чести, а кроме того, имея голову, битком набитую романтическими балладами, Бард в истинно героическом стиле попросил у старика разрешения жениться на его дочери. Беспокоился он напрасно, потому что к тому времени старикан уже начинал думать, что любой зять — лучше, чем ничего. Однако согласился он с условием, чтобы они остались в Усадьбе.

Старый крестьянин изрядно удивился, когда никчемный — как он считал — бродяга Бард согласился от всего сердца — конечно, при условии согласия своего Круга. Откуда старику было знать, что наш Бард сам родился крестьянином, и его любовь к музыке и любовь к его дочери тесно переплетались с любовью к земле и глубоким ее пониманием? Что же, Круг согласился — при условии, что он напишет балладу на звание Мастера о той буре, уходе за ним и всем прочем; и он счастливо зажил со всеми тремя своими Любвицами — землей, дамой и музыкой. Потом, прежде, чем минул год, у него появилась и четвертая.

— Дирк. Так вот откуда у него такой чудесный голос!

— И где он научился так хорошо играть. Однако на самом деле ты немного опережаешь события. Первым родился не Дирк. У него есть три старшие сестры, две младшие и маленький братик. Когда в их ряды удастся привнести какое-то подобие порядка и организации, они устраивают семейные концерты. Слышала бы ты, как они поют все вместе, — это чудесно; клянусь, даже младенцы ревут в нужной тональности! Что ж, дедушка отошел в лучший мир счастливым, зная, что земля останется в роду, поскольку к тому времени, как он скончался, две его внучки уже принялись с увлечением плодить собственные огромные выводы.

— Я спрашивала о Дирке.

— Тэлия, птичка моя, отделить Дирка от его семьи невозможно. Они все одинаковы: посмотри на одного и узнаешь, каковы все остальные. Как в их хозяйстве вообще могут делаться какие-то дела, ума не приложу, поскольку кажется, что оно состоит исключительно из хаотических элементов.

— Точно так же, как любой Бард.

— На самом деле он наиболее организованный из всей тамошней оравы. Если бы не он и мужья сестер, они проводили бы все время, носясь кругами. Но там прямо в воздухе разлито невероятное количество любви, и она щедро выплескивается на каждого, кто сдуру позволяет затащить себя к ним.

— Вроде тебя.

— Вроде меня. Дирк настоял на том, чтобы приволочь меня к себе домой в первые же праздники после того, как мы познакомились, когда выяснил, что дома со мной не будет никого, кроме слуг. Его домашние обращались со мной в точности как с членом семьи; я удостоился всего, от купания детей до слезных поцелуев на прощание. Я был изрядно ошеломлен. Безусловно, я не ожидал ничего похожего!

Тэлия хихикнула, представив себе сдержанного, немного застенчивого мальчика, каким, вероятно, был тогда Крис, очутившегося — как ему, должно быть, показалось — в семействе умалишенных.

— Когда я привык к ним, мне стало страшно весело. И я при любой возможности ездил с Дирком, когда тот отправлялся домой. Сейчас уже четыре его сестры замужем. Три из них живут в домах, пристроенных к первому, изначальному, а их мужья все вместе работают в Усадьбе, поскольку отец Дирка обзавелся больными коленями. У последней же имеется собственная земля, за которой нужно присматривать, но они по-прежнему съезжаются на все праздники, какие только есть в календаре. Хорошо, что все они так хорошо ладят.

— Мы говорили о Дирке.

— Верно. — Глаза Криса озорно блеснули, когда он уловил в голосе Тэлии нетерпение. — Его Избрали даже в еще более раннем возрасте, чем меня, — ему исполнилось всего одиннадцать; возможно, потому, что он в одиннадцать был во многих отношениях старше, чем я в тринадцать. Избрали нас в один и тот же год и почти в один и тот же месяц. Он рассказывал мне, что Ахроди Избрала его посреди рыночной площади в ярмарочный день, а он все пытался привлечь ее внимание к своей сестре, потому что считал, что слишком уродлив, чтобы быть Герольдом!

— Бедный малыш.

— Так что в Коллегии мы стали однокашниками. Он увидел, как мне одиноко и как я непривычен к общению с другими ребятами, и решил, что мне нужен друг. А поскольку я, похоже, заводить друзей не умею, он подружится со мной сам! Хотя на занятиях уже мне приходилось помогать ему, и он никогда не показывал успехи выше средних. Все мы принимали как дело решенное, что после стажировки он будет работать в Приграничных Секторах, а я стану преподавать. Потом мы выяснили, как подходят друг к другу наши Дары, как невероятно удачно мы сотрудничаем, и планы довольно резко изменились.

— И вы начали работать парой.

— О, да. К тому же он обнаружил, что мы обладаем также чем-то вроде Дара к интриге. Ты бы поразилась, узнав, в скольких переделках мы побывали, и все же нам, похоже, всегда удавалось выпутаться и возвратиться домой овеванными славой.

— Крис, а какой он на самом деле?

— Под маской паяца? Очень чувствителен — это у него наследственное. Бесконечно добр к беззащитным; тебе надо как-нибудь взглянуть на него, когда он держит на коленях ворох котят или младенцев. Однако не думай, что он мягок и сентиментален. Мне доводилось видеть, как он хладнокровно перерезал людям глотки, когда они того заслуживали, причем нападал в темноте, сзади, без всякого намека на честную игру. Он говорит, что, раз они собираются сделать то же самое с ним, то нет смысла предупреждать их заранее. Там, где дело касается королевы, государства и Круга, он может быть совершенно безжалостным. Ну, что там еще? Ты танцевала с ним, так что знаешь, что его вид увальня-крестьянина крайне обманчив. Он один из немногих, кого Альберих согласится поставить вместо себя для работы с лучшими учениками, когда сам заболит. И при всем том в некоторых отношениях Дирк ужасно уязвим. Я помогал ему оправиться после того, как ему разбили сердце, и клянусь тебе, Тэлия, что лично сверну шею любому, кто еще раз причинит ему такую боль. Крис лежал, повернув голову набок и подложив под нее скрещенные руки; Тэлия не могла не заметить выражение лютой, холодной ненависти, которое появилось на его лице.

Свирепый тон Криса, когда он произносил последние слова, был совершенно непритворным. Он слишком хорошо помнил, как выглядел тогда Дирк — сломленным, раздавленным, — страшно было сравнивать то, каким его сделала та сука, с тем, каким он был, когда она еще не опробовала на нем свои когти. Дирк редко ронял хоть слезинку — но тогда, когда его жизнь и надежды оказались разбиты, он беспомощно плакал на плече у Криса. Такого Крис никогда больше не хотел увидеть. И если только от него хоть что-то зависит, то и не увидит.

Тут в голову ему пришла мучительная мысль. Он знал, что Дирка более чем интересует Тэлия... и она тоже выказывала признаки того же чувства. Но им с Тэлией предстоит еще почти год провести вместе, а теперь, когда они стали близки, чертовски маловероятно, чтобы они вернулись к прежним отношениям. И что, черт возьми, делать, если она начнет влюбляться в него?

Что представлялось вполне возможным: в конце концов, почти все остальные представительницы женского пола, с которыми ему, Крису, доводилось провести хоть сколько-то времени, в итоге неминуемо впадали именно в такое состояние.

Даже думать об этом не хотелось...

— Полагаю, пора что-то предпринять по части твоей проблемы, — сказал Крис, решив, что беда не столь вероятна, если он вновь утвердит свой авторитет и положение старшего.

— Например? — Тэлия медленно села, взмахом головы откинула волосы с освещенного пляшущими языками пламени лица, которое приняло серьезное выражение.

— Я собираюсь вернуть тебя к самым азам. К самому первому, чему меня научили.

— Блокированию?

— Черт, девочка, нет же, — ответил он, изумленный. — Более основополагающему — а если в первую очередь тебя научили блокироваться, может, тут и кроется первопричина нынешней проблемы. Я возвращаю тебя напрямую к первым шагам. Земле и центру.

Тэлия недоуменно поглядела на него и слегка переменяла положение, поджав под себя ноги.

— Земле и чему?

— О Боги, — простонал Крис. — Как, черт возьми, ты могла не... ну конечно. Ильза, наверно, думала, что ты уже знаешь основы. Может, ты и знала... инстинктивно. — Он закусил губу и напряженно размышлял, уставившись поверх головы своего стажера. Тэлия тихо сидела, тревожно глядя на него в полутьме Приюта. — Беда в том, что, как часто говорил мой учитель, инстинкт — плохая замена сознательному контролю.

— Я... Полагаю, я довольно успешно это доказала, не так ли? — с горечью ответила Тэлия.

— Ну, а раз инстинкт отпадает, у тебя нет основы, чтобы перестроиться. — Крис сделал глубокий вдох, остро чувствуя висящий в Приюте слабый запах мыла, соломы и животных.

— Боги. — Тэлия вздохнула и потеряла висок. — Ладно... зверствуй, как умеешь.

— Не смейся, — угрюмо ответил он, — Прежде, чем я закончу, тебе вполне может показаться именно так. Ладно, тебе удобно? Совершенно удобно?

Тэлия сдвинула брови, чуть поерзала, затем кивнула.

Крис скрестил ноги и тоже устроился поудобнее, найдя положение, в котором солома под одеялом лежала ровно и не причиняла неудобств.

— Закрой глаза. Ты не можешь разобраться в том, что приходит к тебе извне, если не можешь понять, что есть ты, а что — не ты. Мой учитель называл это «каркасом внутри шкуры». Найди внутри себя место, которое ощущается наиболее устойчивым, и работай оттуда. Почувствуй все — а потом отодвинь все, что почувствовала, потому что можешь опознать это, как себя.

Он говорил с Тэлией голосом, который называл «учительским», успокаивающе и монотонно. Она вполне естественно погрузилась в полутранс, довольно хорошо расслабившись. Расфокусировав глаза и положившись больше на свой Дар Видения, чем на зрение, Крис видел каждое движение Тэлии благодаря

меняющимся узорам энергии внутри нее. В нынешней ситуации его Дар оказался очень полезен, может быть, даже полезнее, чем мог бы быть ее собственный.

Глядя — и в то же время не глядя — особым образом, от которого он чувствовал напряжение в глазах, Крис увидел энергетические поля и потоки. То, что ему открылось, трудно описать: он словно наблюдал многочисленные образы или «призраки» Тэлии, каждый в ореоле собственного цвета. Когда Крис смотрел таким образом на неодаренных или же одаренных, но нетренированных, образы не совсем совпадали и края их были зыбкими и расплывчатыми.

У Тэлии же края оказались почти болезненно резкими, а сами образы вспыхивали через неравные и непредсказуемые интервалы — и были столь разобщены, что могло показаться, что они принадлежат нескольким разным людям. Если она сможет найти свой центр, они сольются воедино; если сможет заземлиться, вспышки прекратятся.

— Хорошо; коль скоро ты нашла устойчивую точку, имей в виду, что существует подобная ей вне тебя — в самой земле. Когда нащупаешь, соедини себя с ней. Нахождение центра устойчивости называется «центровкой», соединение себя с землей — «заземлением»

Хотя его Дар не имел ничего общего с Даром Тэлии, Крис мог судить, что она почти добилась и того, и другого. Почти, но не совсем. Образы накладывались один на другой, но не сливались; и они меркли, становились ярче и меркли вновь. Крис видел, что она не сбалансирована и не соединена, хотя ей, вероятно, казалось, что она в точности выполнила все, что он просил. Бедняжка — он намеревался поступить с ней очень жестоко.

Крис вздохнул и подал знак Тантрису... который дал Тэлии грубый ментальный толчок.

Который привел к ее падению вверх тормашками.

— Недостаточно хорошо, — холодно сказал Крис, когда лежащая навзничь Тэлия, не вставая, ошеломленно уставилась на него. — Если бы ты сделала все как надо, он не смог бы тебя и с места сдвинуть. Еще раз. Заземление и центровка.

Она попыталась — на сей раз сильно напуганная. Вышло даже хуже, чем в предыдущий. Тантрис едва-едва подшлепнул ее, а она уже потеряла внутреннее равновесие. Только физического контроля на сей раз не утратила, хотя была очень близка к тому. Она заметно покачнулась, словно от удара.

— Заземление и центровка, девочка. Урок для младенцев. Это должно стать рефлексом. Рефлексом, а не инстинктом. Еще раз.

К тому времени, когда Крис наконец оставил ее в покое, Тэлия дошла до полного изнеможения, взмокла от пота, все ее мышцы свело, и она тряслась от усилий сдержать слезы. Однако кое-чего они все-таки достигли, о чем Крис ей и сказал.

— Ты еще не попала, — сказал он, — но ты ближе. Каждый раз, когда ты пыталась это сделать, ты все ближе подходила к своему подлинному центру — кроме последней попытки: тут тебя понесло совершенно не туда. Поэтому мы и прекращаем занятие — ненадолго.

Тэлия уткнулась лицом в ладони, дрожа всем телом.

— Думаю, — спустя минуту сказала она глухо, — что могла бы без особого труда возненавидеть тебя.

— Так что же не возненавидишь? — спросил Крис, стараясь скрыть опаску и холодок, который почувствовал при ее словах.

Тэлия медленно отняла руки от лица и взглянула на него.

— Потому что ты стараешься мне помочь и используешь единственный известный тебе способ.

Крис, ждавший ее ответа затаив дыхание, испустил долгий вздох облегчения.

— Владыка Огней, — сказал он истово, — ты не поверишь, как я рад это слышать.

— Потому что, если бы я возненавидела тебя, я могла бы очень легко тебя убить.

— Именно. Особенно легко, когда я с тобой работаю, поскольку для того, чтобы Видеть, что ты делаешь, мне приходится полностью снимать защиту.

Тэлия содрогнулась, и он придвинулся, чтобы обнять ее. На мгновение она напряглась, потом обмякла, положила голову ему на плечо.

— Сколько еще...

— Пока не сделаешь все как надо.

— Боги. И это только самое начало?

— Всего лишь первые шаги.

Тэлия закусила губу, заглушив всхлип разочарования; Крис не услышал, а скорее почувствовал его, и сердце у него сжалось от боли за нее.

И все же он сказал еще более жестокую вещь:

— Ладно, пожалела себя — и будет. Давай-ка за работу.

И когда Тэлия, не веря своим ушам, уставилась на него, он рывкнул на нее, как любой инструктор на тренировке:

— Заземление и центровка, девочка, заземление и центровка!

Когда Крис наконец отстал от нее, было так поздно, что ему уже дважды приходилось подбрасывать дров в огонь; Тэлия была обессилена не только эмоционально, но и физически. Она заползла в постель и сжалась в комок под одеялами, слишком вымотанная даже для того, чтобы плакать.

Крис устал почти так же, как она. Пошатываясь, он склонился над очагом и присыпал огонь золой, мучительно стараясь двигаться четко, силясь контролировать движения трясущихся рук.

— Ты почти добилась цели, — сказал он наконец — Подошла очень близко Думаю, ты смогла бы, если б у тебя еще остались силы для последнего шага.

Мрачная пустота, стоявшая в глазах Тэлии, исчезла.

— Я... я думала, что, может...

— Завтра мы сделаем кое-что другое: попробуем работать в связке. Стоит тебе найти свой центр, как ты уже больше его не потеряешь. Боги, так обидно глядеть на тебя... Я же Вижу, как ты подходишь вплотную и промазываешь, и мне орать хочется.

— Ну, изнутри это тоже не мед, — парировала Тэлия; потом ей удалось изобразить слабую улыбку. — Самое малое, что ты можешь сделать после того, как истязал меня весь вечер, — лечь рядом и согреть.

— О, думаю, я смог бы предпринять и что-нибудь более личное, — отозвался Крис, в свою очередь выдавливая улыбку.

Тэлия заснула почти моментально, истратив за день все силы до капли. Крис лежал без сна гораздо дольше, пытаясь сообразить, как сочетать тренировки с совершенно необходимой работой по разгребанию снега. Как раз перед тем, как он наконец погрузился в сон, Тантрис сказал последнее слово:

— Не один день, — приказал Тантрис. — Вы устали больше, чем думаете. Завтра вы отдыхаете тоже.

— Я в порядке, — шепотом возразил Крис.

— Ха! Ты только так думаешь. Подожди до завтра. Кроме того, если ты добьешься того, чтобы она центровапась, ты окажешься уже на полпути к решению проблемы. Полагаю, она имеет первостепенное значение.

— Страшно не хочется признавать, — зевнул Крис, — но ты прав, Легконогий.

Крис действительно не отдавал себе отчета в том, как зверски они устали, до тех пор, пока не проснулся на следующий день первым и не обнаружил, что уже далеко за поддень. Он разбудил Тэлию, и

они закончили починку уже высохшей одежды, по обоюдному молчаливому согласию как можно дольше откладывая неизбежный урок.

Наконец именно Тэлия сказала нехотя:

— Полагаю, пора...

— Печально, но факт. Итак... — Крис уселся на покрывающие их «ложе» одеяла и похлопал по ним, указывая ей место перед собой. — Я говорил, что собираюсь сегодня попробовать новую тактику. Ты уже входила со мной в контакт раньше, так что знаешь, на что это похоже.

Тэлия села, скрестив ноги, соприкасаясь с ним коленями, и настороженно взглянула на него.

— Кажется, помню. А что?

— Я хочу попытаться показать тебе твой центр А теперь просто расслабься и на сей раз предоставь мне делать всю работу.

Крис подождал, пока Тэлия не ввела себя в полутранс, прикрыл глаза на срок, достаточный, чтобы войти в транс самому, затем легонько наложил руки на ее запястья. На то, чтобы установить контакт, ушло немногим больше мгновения: эта часть ее Дара все еще работала — пожалуй, даже слишком хорошо. Крис медленно открыл глаза и Посмотрел, зная, что Тэлия видит то же, что и он.

Она взглянула, задохнулась и вцепилась ему в руки, вырвав обоих из транса и из контакта.

Крис ожидал чего-то подобного и был подготовлен к падению. А Тэлия — нет, и теперь сидела, трясая головой, чтобы в ней прояснилось.

— Чертовски глупый поступок, — сказала она, когда к ней вернулся дар речи.

— Спорить не стану, — ровным голосом ответил Крис. — Готова попробовать еще раз?

Тэлия вздохнула, кивнула и изготавилась снова. На сей раз она больше не хваталась за него; она вообще почти не пошевелинулась.

Наконец она сама разорвала транс, не в силах выдержать напряжение.

— Похоже на попытки рисовать, смотрясь в зеркало, — произнесла она сквозь стиснутые зубы.

— Итак? — отозвался Крис, не желая поощрять в ней желание пожалеть себя.

— Итак, попробую еще раз.

Только много часов спустя она одержала победу; как и подозревал Крис, когда Тэлия правильно зацентрировалась, раздался почти слышимый щелчок, сильно смахивающий на тот, с которым встает на место вывихнутый сустав. Одновременно он увидел вспышку энергии — и сполох чего-то, почти похожего на боль, — а потом его захлестнул поток облегчения. Крис и Тантрис подтолкнули ее., потом дали ей хорошего тычка... без всякого результата.

— Заземляйся! — приказал Крис; она на ощупь и настолько неуклюже побрела к такому неумелому заземлению, что и другое его подозрение — что она никогда прежде не занималась правильной центровкой и заземлением — получило убедительное подтверждение. Именно тут Крис и осознал, что дело не в том, что в блокировке Тэлии имелись ошибки — она просто рухнула; а рухнули щиты прежде всего потому, что никогда не имели должной основы.

— Хорошо, — спокойно сказал он. — Теперь все так, как надо. Понимаешь теперь, почему это так важно?

— Потому, — ответила Тэлия медленно, — что для того, чтобы что-то строить, требуется фундамент.

— Правильно, — согласился он. — А теперь выходи оттуда.

— Но...

— На сей раз ты сделаешь все сама. Без моей помощи. Заземление и центровка, желторотик.

— Заземление и центровка. Черт возьми, не так!

- Еще раз. Заземление и центровка.
- Еще раз, и быстрее.
- Черт побери, это уже должно было стать рефлексом! Снова.

Тэлия сдерживалась изо всех сил. Если бы не забота и участие Криса, столь безграничные, что Тэлии не требовалось никакого усилия, чтобы их ощутить, она бы уже давно вышла из себя. Заземление и центровка, снова и снова, быстрее и быстрее — и Тантрис и Ролан, отвешивающие ей затрещины в самый неожиданный момент.

В первый раз, когда они пихнули ее, прежде чем она как следует все сделала, Тэлия на мгновение оказалась в буквальном смысле нокаутирована: когда она пришла в себя, Крис с бесстрастным лицом поддерживал ее.

- Тантрис ударил меня, — сказала она возмущенно.
- Ему и полагалось, — ответил Крис, отпуская ее.

— Но я не успела подготовиться. Так несправедливо. — Тэлия уставилась на него, теряя свой хлипкий контроль над эмоциями. То, что они делали, казалось ей предательством. Ужасно походило на предательство...

— Верно, черт возьми, несправедливо. — Крис ответил на гнев и боль, прозвучавшие в ее голосе, холодным презрением. — Жизнь вообще несправедлива. И тебе это давным-давно известно. — Тут он почувствовал гнев — ее гнев: больше ему было взяться неоткуда, поскольку сам Крис под напускным презрением прятал тревогу и немалый страх. Провоцируя Тэлию, он рисковал жизнью, и отлично знал это. — Черт побери, опять у тебя утечка. Замкни в себе! — Гнев стих; Тэлия покраснела от стыда. Крис не дал ей возможности вновь вступить в замкнутый круг сомнений и жалости к себе. — Ну же; заземление и центровка — и находи центр прежде, чем они успеют тебя подловить.

322 Он не давал ей передышки даже за едой — неожиданно рывком, чтобы она нашла центр, позволял Тантрису и Ролану на свое усмотрение выбирать момент, когда она не будет ждать нападения, и толкать ее. Только когда он сам обессилел настолько, что уже не мог толком Видеть, он объявил, что на сегодня достаточно, пора спать.

Тэлия раздевалась на ночь в полном молчании, столь замкнувшись в себе, что ни по ее лицу, ни по глазам ничего нельзя было прочесть. Крис ждал, что она что-нибудь скажет. Напрасно.

— Я не сожалею о случившемся, — заговорил он наконец. — Я знаю, что не твоя вина, что ты вышла из Коллегии недоучкой, но не испытываю раскаяния из-за того, что делаю сейчас с тобой. Если ты не научишься чему надо жестким способом, то вообще не научишься как следует.

— Знаю, — ответила Тэлия, остро взглянув на него. — И не сержусь на тебя — во всяком случае, не сейчас. Я просто устала, и о Боги, голова болит так, что я едва могу думать.

Крис расслабился, потянулся за коробкой с ивовой корой на каминной полке и с виноватой улыбкой вручил ее Тэлии.

- Раз так, надо полагать, я могу без опаски укладываться в постель?

— Во всяком случае, в постели я бы тебя убивать не стала, — отозвалась Тэлия с тенью прежнего юмора. — А то все одеяла слипнутся.

Крис рассмеялся и лег, глядя, как она заваривает себе чашку травяного чая от головной боли. До сегодняшнего дня он не чувствовал уверенности — но теперь уже посмел поверить, что она действительно обуздает свой дикий Дар. Пройдет не так много времени, и центровка станет рефлексом. После чего восстановление всех утраченных навыков будет лишь вопросом времени.

- Крис! Не спишь?
- Вроде нет, — сонно ответил он, убаюканный теплом и усталостью.
- Я только хотела сказать, что признательна тебе. По крайней мере, тогда, когда ты меня не

колотишь.

Крис хмыкнул, но ничего не ответил.

— Ты нужен мне, Крис, — закончила Тэлия тихо. — Этого я не забываю даже тогда, когда больше всего злюсь. Ты действительно мне нужен.

Прошло некоторое время, пока до Криса дошел смысл ее слов — а когда дошел, то потряс так, что он чуть снова не проснулся. Не будь он таким усталым...

Однако уснул он с чувством вины. Она нуждается в нем. Боги Милостивые, а что если на деле она чувствует нечто большее?

Тэлия подождала, пока глубокое и ровное дыхание Криса не сказало, что он действительно заснул, и осторожно вылезла из постели, не потревожив его. Ей всегда лучше думалось, когда руки были заняты каким-нибудь делом — привычка с времен детства, — поэтому она взяла свою чашку с отваром ивовой коры и села чистить металлические части Ролановой сбруи, 324 которым полагалось блестеть. Плащ, в который она завернулась, защищал спину от холода, а горящий перед ней огонь давал ровно столько тепла, сколько требовалось для уюта. По-настоящему успокоившись, Тэлия обратилась мыслями к стоящим перед ней бесчисленным проблемам.

Пламя весело потрескивало; хотела бы Тэлия чувствовать себя веселой. Господь и Владычица, в какую жуткую передрыгу она угодила! Хватило бы и бурана; хватило бы любой из ее проблем. А необходимость разбираться со всеми ими сразу...

По крайней мере положено начало... нечто вроде начала... переучиванию. Когда они закончили сегодня, Крис выглядел довольным. В одном он был прав: теперь, когда она знает, что из себя представляет» центровка «, она никогда уже не утратит способности находить эту твердую основу. Сегодня днем ей хотелось убить Криса, и не раз — но она учится способу, который сделает ее сильнее, и теперь, успокоившись, может оценить его по достоинству.

Она нуждается в Крисе, нуждается так, как еще никогда и ни в ком не нуждалась.

Но — Господь и Владычица — что, если это нечто более сложное, чем необходимость, или даже необходимость и чувство того рода, что она питала к Скифу?

Крис действительно красив — красив, как ангел. И, несмотря на некоторое самодовольство и тщеславие, он человек, дружбой которого она могла бы только гордиться. Взять хотя бы то, как он рискует жизнью — в буквальном смысле — ради того, чтобы она снова обрела контроль над собой и своим Даром. Он добр, он ласков, он внимателен, и, учитывая, какие шутки играл с ней в последнее время ее ум, очень даже возможно, что она бессознательно воспользовалась своим Даром для того, чтобы повлиять на его к себе отношение. Даже вплоть до того, чтобы затащить его в постель...

Видит Владычица, она-то отнюдь не красавица. И если она повлияла на Криса в этом отношении, то могла вызвать и более глубокое чувство.

Тэлия стиснула кружку так, что рукам стало больно. Вот уж чего она не хотела. По крайней мере, сначала. Но теперь?

Крис довольно сильно нравится ей. Довольно сильно — но не настолько.

Ее тянет к Дирку — вне всякого сомнения. Причем сильнее, чем когда-либо к кому-либо.

Чувство почти такое — признала Тэлия немного нехотя — словно Дирк — доселе неузнанная, доселе невостребованная другая половина ее самой, и с тех пор, как они встретились, она никогда не почувствует себя снова цельной, если не...

Если не что?

Герольды редко заключают долговременные союзы какого-либо рода, довольствуясь тесной дружбой внутри Круга, легкими, построенными на чистой физиологии отношениями и контактом со своими Спутниками. И по правде сказать, мало кого из известных ей Герольдов такая жизнь хоть чем-то не устраивает.

Рассуждая реалистично, их работа слишком опасна, чтобы прочные узы, узы любви-судьбы между Герольдами были возможны или желательны. Взять хотя бы, что случилось с Керен, когда погибла Ильза: не будь Шерил именно тем человеком, кто требовался ей тогда, и не окажись она тут же, рядом, то Керен вполне могла бы, не выдержав горя утраты, убить себя.

К тому же она, Тэлия, видела Дирка всего несколько раз.

Однако для Герольдов порой хватало и одного раза.

Мысли Тэлии обратились к прошлому.

Однажды поздно вечером они собрались в комнате Керен за горячим вином со специями и разговором, порой довольно фривольным. Беседа как-то сама перекинулась со скабрезных шуток на правду, лежащую в основе некоторых легенд и сказок, которые посторонние рассказывают о Герольдах; собравшиеся потешались над некоторыми особенно нелепыми преувеличениями.

— Возьмите чепуху насчет любви с первого взгляда, — хихикнула Тэлия. — Кому-то следовало бы задать Бардам хорошую трепку. Как может кто-то с первой встречи знать, что некто, с кем он только что познакомился, станет его единственной любовью и спутником жизни?

— Как ни странно, это не преувеличение, — серьезно ответила Шерил. — Когда любовь приходит к Герольдам, то приходит обычно именно так. Словно есть нечто, даже еще более глубинное, чем инстинкт, что узнает родную душу. — Она пожала плечами. — Метафизично, сентиментально, но правда.

— Ты хочешь сказать, что с вами обеими такое случилось? — недоверчиво сказала Тэлия.

— По сути дела, сразу же как я увидела Керен, — ответила Шерил. — Невзирая на то что мне тогда еще не стукнуло четырнадцати.

Керен кивнула.

— Ильза и я поняли все, когда встретились в середине третьего курса — хотя прежде только махали друг другу через комнату, очень уж разное было у нас расписание. Однако мы действительно подождали, пока обе не убедились, что наше чувство — нечто прочное, а не мимолетное, и пока не закончили стажировку, прежде чем связать свои жизни.

— А я не хотела вмешиваться в то, что совершенно очевидно являлось любовью-судьбой.

— Мы были бы тебе рады. По правде сказать, нас немного удивляло...

— Но я-то тогда этого не знала, верно? — рассмеялась Шерил. — Но правда, Тэлия, каждый из тех, кто когда-либо наблюдал любовь-судьбу в действии и с кем я беседовала, говорил то же самое; так, например, было с родителями Селенэй. Любовь либо вспыхивает при первой же встрече, либо не приходит никогда.

— И если это не любовь-судьба, то ты никак не сможешь превратить ее в таковую — в нечто большее, чем временная связь, — как бы тебе ни хотелось, — подхватила Керен. — Мой брат-близнец убедился в этом на собственном опыте.

Должно быть, Тэлия выглядела очень заинтересованной, хотя ничего и не спросила, поскольку спустя мгновение Керен продолжила:

— Помнишь, я пару раз упоминала, что у меня есть племянница и племянник почти твоего возраста? Так вот, это дети Терена. Нас с ним Избрали не одновременно — прошло семь лет, прежде чем его Спутник пришел за ним. Я к тому времени уже стала полевым Герольдом, а Терен был женат и плавал на лодке, промышляя ловом губок. Потом — свершилось. Его Избрали. И оказалось, что жена, с которой, как ему думалось, они жили хорошо, значила для него так мало, как ему и не снилось. Терен хотел ее любить, действительно хотел. И пытался заставить себя любить ее — но не вышло. Он прошел через полосу копания в себе и бесконечных самообвинений, прежде чем понял, что чувства нет и не будет, и его настоящая жизнь — с Кругом и Спутником. И, по правде сказать, его жена — теперь бывшая жена — похоже, не слишком убивалась. Детей Терена усыновила наша семья, а она развернулась и вышла замуж за другого и, насколько я заметила, без особого сожаления. Так что, как видишь, — заключила Керен, — если ты Герольд, то ты либо встречаешь кого-то, кого полюбишь на всю жизнь, и сразу это понимаешь,

либо живешь всю жизнь без таких страстных чувств.

Тэлия вздохнула.

Если она хочет быть честной с самой собой, то должна признать, что описание в точности похоже на то, что случилось с ней при встрече с Дирком. Да, «похоже» — вот в чем завыка. Откуда ей знать, что происшедшее — не какая-то фантазия, плод ее собственного воображения?

Хотя на фантазию походит не слишком. Скорее напоминает зубную боль, или, быть может, чувство, которое испытывал Джедус. Он говорил, что ему часто, кажется, что его утраченная нога все еще на месте и ноет.

И внутри у Тэлии тоже что-то ноет.

Отлично. А как насчет Криса?

То, что она чувствует к Крису... просто не столь глубоко. Да, она нуждается в нем — его поддержке, его знаниях, его одобрении. Но «нуждаться» — не совсем то же, что «любить». Или, вернее, чувство, которое Тэлия испытывает к Крису, — другая разновидность любви: любовь-дружба, по существу, более близкая к тому, что она испытывает к Ролану, Скифу или даже Керен, чем к чему-то другому.

Но если Крис всерьез влюбился в нее... Боги, даже думать жутко.

Допустим, ведет он себя не слишком похоже на влюбленного. И давеча... казалось, он чуть ли не в нос ей тыкал Дирка. Вне постели он обращается с ней скорее, как Альберих с учеником, который обзавелся где-то не правильными навыками и теперь их нужно из него выбить. За исключением расчистки снега, когда он обращается с ней как с совершенно равной, не давая поблажки, но и не позволяя взвалить на себя больше, чем положенную ей часть работы.

Если, конечно, ее ум не играет шуток с ними обоими — что весьма возможно.

— Ох, пламя ада, — вздохнула Тэлия.

По крайней мере, ей удалось разобраться хоть в некоторых своих чувствах. И так или иначе, она ничего не может тут поделать — пока не возьмет свой Дар под полный контроль и не сможет выяснить, что «реально», а что нет. Тэлия допила остатки совершенно остывшего чая, отложила сбрую и скользнула обратно в постель. Единственное, что она могла сделать сейчас, — заставить себя заснуть: она знала, что очень нуждается в сне. Лучше всего — постараться решать зараз проблемы только одного дня, поскольку в данный момент перед ней стоят более неотложные проблемы. Если она не сможет вновь взять свой Дар под контроль, все окажется под вопросом...

Ибо Тэлия отлично сознавала, как близко она подошла к тому, чтобы пересечь черту и утащить за собой Криса. И такое могло случиться снова, особенно если он сделает что-то, что сильно напугает ее... А если это случится...

Если это случится, все очень легко может закончиться смертью — его, ее или обоих.

Глава 10

Ну что ж, Тэлия знала одно средство держать себя в узде, а именно — работать столько, чтобы доводить себя до полного изнеможения. Посему наутро она поднялась рано, почти затемно, и принялась выжимать из себя все соки, так, чтобы один день сливался с другим, окутанный серой дымкой усталости. Вскоре она уже не могла сказать, который нынче день и даже сколько они уже здесь пробыли.

Обычно Тэлия вставала первая, на рассвете, и расталкивала Криса. Кто-то из них стряпал завтрак, а заодно и лепешки из бездрожжевого теста и какой-нибудь суп или похлебку — словом, что-нибудь, что могло дожидаться их почти весь день без присмотра и не подгореть: оба знали, что к тому времени, как вернутся, у них едва достанет сил поест и кое-как умыться перед тем, как рухнуть в постель.

После плотного завтрака, состоявшего из фруктов и каши, Тэлия обычно обматывала ноги Спутникам, чтобы не поранились об острые края наста, а Крис взнуздывал чирр, и все шестеро обитателей Приюта выходили наружу, на мороз, чтобы приняться за работу.

Ролан и Тантрис обыкновенно двигались первыми и разбивали ледяную корку и твердый снег под нею, поднимаясь на дыбы и обрушиваясь на них передними ногами или же разворачиваясь задом и изо всех сил лягая. Потом они отодвигались, и их место занимали Крис и Тэлия, которые подбирали отколотые Спутниками куски и отпихивали по обе стороны прокладываемой тропы. С тем, что оставалось, расправлялись мощными когтями передних лап чирры, пока не доходили до слоя снега, который оказывался слишком твердым, чтобы копать, или слоя льда, слишком скользкого, чтобы зацепиться. Затем Герольды убирали куски, выкопанные чиррами, вычерпывали лопатами рыхлый снег и снова уступали место Спутникам.

Они работали без передышки, пока солнце не оказывалось в зените, затем делали короткий перерыв, чтобы наскоро пообедать. Вернувшись, работали дотемна. С каждым днем путь до Приюта и от него становился все длиннее; порой лишь это соображение удерживало Тэлию от того, чтобы бросить работу. Бывали, и слишком часто, случаи, когда все продвижение сводилось к нескольким футам — после целого дня каторжного труда; а Тэлия знала, что Приют находится в нескольких фарлонгах от дороги. Сильнее всего искушение сдаться было, когда они как-то раз подсчитали, что за день прошли чуть больше десяти шагов.

Когда начинало темнеть, Крис обихаживал Спутников, а Тэлия чистила чирр, одновременно тщательно осматривая — нет ли признаков какого-нибудь повреждения или растяжения мышц. На Ролана и Тантриса можно было, конечно, положиться — если бы пострадали сами Спутники, они бы сообщили об этом своим Избранникам, но чирры — другое дело. А если бы одна из чирр не смогла больше работать, их продвижение замедлилось бы вдвое.

Наконец, Крис или Тэлия — обычно Тэлия — делали все необходимое для того, чтобы каждый из четвероногих получил вволю корма и воды и был укрыт одеялом от ночного холода, а уж только потом они с жадностью проглатывали собственный ужин и укладывались спать.

Никогда еще ни одному из них не приходилось выполнять такую тяжелую физическую работу. Постоянный холод пробирал до костей, мышцы болели не переставая. С каждым днем они все больше изматывались. Крис с Тэлией строго распределили припасы, и количество пищи, которое они получали, не покрывало затрат энергии. Оба худели и становились все менее выносливы физически. Тэлия почти не замечала перемены, так постепенно она совершалась, но порой мимолетно думала, что ее друзья остолбенели бы от удивления, увидев, как она выглядит.

Всю первую неделю их работы по прокладыванию тропы Крис продолжал муштровывать Тэлию, пока заземление и центровка не стали в самом деле рефлексом. После чего оставил ее в покое, только порой устало давал какой-нибудь совет. Контроль Тэлии над передачей эмоций то появлялся, то исчезал непредсказуемым образом, хотя Крис явно ни разу не заметил, что она передает. Если бы заметил, то накинулся бы на нее, в этом Тэлия не сомневалась. Теперь, когда у нее имелась прочная основа, ее щиты действительно начали восстанавливаться, но пока представляли собой тончайшую завесу, наличие которой едва удавалось ощутить. Тэлия работала над контролем почти с той же упорной одержимостью, с которой

прокладывала тропу.

Только дважды они отступали от заведенного распорядка, когда подходили к концу их запасы чистой одежды. Эти два дня они посвятили повторению первой большой стирки и мужественным попыткам поднять упавший дух друг друга. Устав так, как устала Тэлия, легко впасть в депрессию. Однако несколько раз Тэлия обнаруживала, что Крис впал в отчаяние и его надо вытаскивать. Непрекращающийся мороз нисколько не облегчал сей задачи, равно как и то, что им действительно пришлось рубить живые деревья на дрова. А сырая древесина, даже вперемешку с высушенной, давала гораздо меньше тепла. Тэлии казалось, что ей никогда уже не согреться.

Но однажды днем, спустя примерно месяц после того, как они впервые добрались до Приюта, Тэлия подняла голову и внезапно с изумлением обнаружила, что они наконец-то достигли дороги.

И дорога так же покрыта сугробами, как и тропа, с которой они сражались.

— Ну и что теперь? — спросила Тэлия безрадостно.

— О Боги!.. — Крис опустился на один из вывороченных кусков снега без следа своей обычной грации. Такого поворота событий он никак не предвидел; он всегда полагал, что, когда они выбьются на главную дорогу, она окажется тоже уже расчищенной. Он усталился на расстилающуюся перед ним ледяную пустыню и попытался думать.

— Буран... наверно, распространился дальше, чем я думал, — сказал он наконец. — Иначе дорожные бригады уже должны были оказаться на расстоянии, на котором мы ощутили бы их присутствие.

Крис был совершенно ошеломлен и выбит из колеи — на сей раз он абсолютно не представлял, что делать дальше. Он только тупо смотрел на нетронутое пространство снега, покрывающего дорогу, не в состоянии даже связно мыслить.

Тэлия старалась прояснить сознание... сохранять спокойствие... но в ушах ее звенела окружающая их жуткая тишина. И опять появилось чувство, словно кто-то смотрит в спину.

Она с опаской глянула на Криса, чтобы узнать, чувствует ли он то же самое, — и в следующее мгновение уверилась, что все возникает только в ее мозгу.

Как бы то ни было, ощущение, что за ней следят, стало еще сильнее, чем прежде. И приобрело слегка зловещий оттенок. Оно оказалось очень сродни муторному чувству, которое Тэлия всегда испытывала, когда делала какую-то работу по дому, а Келдар стояла над ней, следя и выжидая, когда она допустит хоть малейшую ошибку. Нечто там, за спиной, сомневалось в Тэлии... не доверяло ей... и ждало, когда она как-то оступится. И когда это случится... Тэлию охватила паника; она задохнулась и не смогла выговорить слов, которые собиралась сказать.

Крис неотрывно, словно в трансе, смотрел на непотревоженный наст, не в состоянии наскрести в себе сил, чтобы сказать что-то. Однако постепенно осознал, что испытывает беспокойство — точно кто-то следит за ним из-под прикрытия кустарника, растущего среди заснеженных деревьев. Он попытался отогнать тревожное чувство, но оно все росло, и наконец уже только сила воли удерживала Криса от того, чтобы резко обернуться и поглядеть, кто же смотрит ему в затылок...

Взгляд этот не производил впечатления полностью враждебного... но был настороженным. Словно то неизвестное, что следило за Крисом, было не совсем в нем уверено.

Крис попытался защититься, очистить свой мозг от странных ощущений — и только усилил их, когда поднял щиты.

И теперь ему также виделось и слышалось нечто — неясные силуэты, заметные только краем глаза и снова ускользавшие из виду, когда он пытался взглянуть на них прямо. И где-то на самой границе слуха ему чудились свистящие шепоты...

Все это вполне могло исходить из одного источника. Тэлия уже как-то раз говорила ему, что у нее,

кажется, бывают галлюцинации; она вполне могла затягивать и его в созданный ею самой мирок иррациональных кошмаров.

— Тэлия! — гневно рявкнул он, изрядно испуганный. — Замкни в себе!

И круто обернулся к ней, взбешенный, почти готовый ударить ее за то, что она утратила контроль над передачей эмоций.

Тэлия забыла о странном наблюдателе, забыла обо всем, кроме гневного — и несправедливого — обвинения Криса. Она покраснела, побледнела... и взорвалась.

— Это не я! — выкрикнула она.

Крис продолжал смотреть на нее с полным недоверием, и тут она потеряла контроль.

На сей раз, по крайней мере, Спутники были готовы и быстро заблокировались. Однако на Криса удар ее страха перед создавшимся положением и злости на него самого пришелся всей тяжестью. Он невольно поднялся на ноги, пошатываясь, стал пятиться, но шагов через пять или шесть оступился и упал навзничь на твердый снег; его лицо стало таким же белым, как и лицо Тэлии, и единственное, что он смог сделать, — вскинуть руки перед лицом, тщетно пытаясь защититься.

И наблюдатель зашевелился...

Тэлия застыла: чувство, что некая мощь разворачивает кольца, собираясь нанести ей смертельный удар, было столь сильным, что она не могла даже вздохнуть. Каким-то образом она остановила разбушевавшуюся бурю чувств — и одновременно с восстановлением ею контроля Ролан медленно выступил вперед и встал возле нее. При этом он повернулся не к Тэлии, а к следящему за ними лесу, и вся его поза выражала молчаливый вызов.

Пришло чувство легкого удивления... и ощущение, что за ними следят, исчезло.

Тэлия почувствовала, как столбняк отпустил ее, и ей захотелось умереть со стыда за то, что она едва не сделала с Крисом. Он удивленно хлопал глазами, а она слепо отвернулась от него, прислонилась к стволу дерева и разрыдалась, закрыв лицо руками.

Крис с трудом поднялся на ноги и обнял ее.

— Тэлия, птичка моя маленькая, прошу тебя, не надо, — взмолился он. — Прости меня, я не хотел... я просто сорвался. Все будет хорошо. Все обязательно будет хорошо... Прости меня. Прости...

Но однообразные дни, полные изнурительного труда, и ночи, дававшие слишком мало отдыха, сказались и на нем. Лишь когда у обоих на лицах начали замерзать слезы, они смогли остановиться и перестать всхлипывать от подавленности и отчаяния.

— Эта... та штука, которая следит... Тэлию трясло не только от холода.

— Я... не хочу говорить об этом, — сказала она, опасливо оглядываясь через плечо. — Не здесь... не сейчас.

— Так, значит, не ты...

— Нет. Жизнью клянусь. Крис поверил.

— — Ладно, давай обсудим, что мы имеем, — сказал он, снова взяв себя в руки. — Буран оказался сильнее, чем мы думали. Здесь — самый северный конец дороги. Дорожные команды не могут находиться от нас больше чем в нескольких днях пути, а наш запас продовольствия пока еще к концу не подходит. С нами все будет в порядке — особенно если начнем урезать рационы.

— Если будем отдыхать, еды нам потребуется меньше, — сказала Тэлия, вытирая глаза марлей, которой раньше защищалась от солнца.

— И мы можем выставить знак, показывающий, что мы здесь. Я могу довольно далеко пройти по насту — он меня выдерживает, а ты еще легче меня; примерно часа ходу хватит. Подожди тут.

Крис вскочил на Тантриса; они пустились по прорубленному в снегу узкому проходу обратно к Приюту

и исчезли из виду. Тэлия ждала, когда они вернутся, временами настороженно оглядываясь через плечо. Что бы ни следило за ней, оно было на волосок от того, чтобы ударить; почему она так в этом уверена, Тэлия не знала, но отделаться от самой мысли не могла. Она не имела представления, что его удержало, но не хотела, чтобы оно застало ее врасплох. Она обхватила Ролана за шею и ждала, установив самый жесткий контроль, какой только могла. Ибо ей казалось, что наблюдатель начал действовать только тогда, когда создалось впечатление, что она нападает на Криса. Если причина действительно была в том, она совершенно не собиралась нечаянно спровоцировать угрозу снова.

Минуло по меньшей мере свечное деление — слишком долго для ее душевного спокойствия, — прежде чем показались Крис и Тантрис, рысью возвращающиеся обратно. Крис вез четыре белые стрелы, два длинных шеста и несколько ярко-синих тряпок.

— Их будет видно издалека. Вот, изобрази узор на своих, будь добра. — Он спешился и вручил ей две стрелы, а сам занялся двумя остальными. — Мы привяжем стрелы к палке и воткнем палку посередине того места, где проходит дорога. Когда команды найдут их, они поймут, что мы здесь и все еще живы. Они даже будут точно знать, кто мы, если с ними окажется Герольд — любому, кто пойдет с ними, наверняка будет известен наш узор.

— А зачем это делать?

— Если не сделаем, то они могут не расчистить досюда дорогу. Здесь всего лишь самая северная ее петля; строго говоря, она не так уж нужна для сообщения между Развилкой и Ягодником. Обходить кругом дольше, чем срезать напрямик через Печали, но зимой никто, кроме Герольдов, особенно не путешествует. И никто точно не знает, где мы» потерялись».

Он вручил Тэлии одну из своих стрел в обмен на ее. Каждый привязал стрелы к одному из шестов и сделал его как можно приметнее, привязав тряпки, которые стали развеваться на ветру.

— Ты иди в сторону Развилки, а я в сторону Ягодника, — сказал Крис, готовясь вскарабкаться на покрытый настом снежный вал. — Воткни свой шест на первом же перекрестке, до которого дойдешь. Я сделаю то же самое. Будем надеяться, что дорожные команды найдут хоть один из них прежде, чем остановятся.

— Крис... а что если снова пойдет снег?

— Тэлия, любовью Богини тебя заклинаю, даже не думай о таком. Пройди как можно дальше, но к сумеркам возвращайся.

Тэлия никогда еще не чувствовала себя такой одинокой. Из заснеженного леса по сторонам не доносилось почти ни звука. За спиной она слышала скрип шагов Криса, который осторожно пробирался по насту, стараясь не ступать, а скользить, чтобы не проломить его. И все равно, прежде чем он отошел слишком далеко, чтобы до Тэлии долетали от него какие-либо звуки, она по меньшей мере один раз слышала хруст, который означал, что он провалился. То, что у Криса не хватило душевных сил даже на то, чтобы выругаться, показывало, в каком подавленном состоянии находится он сам.

Тэлия тоже двинулась в путь; зачастую ей приходилось огибать высокие сугробы, на которые она не осмеливалась даже пробовать взобраться. Глаза жгло от слез и солнечного блеска, она чувствовала себя усталой, как никогда в жизни. Радовалась только, что легче Криса; снежный наст легко выдерживал ее вес и ни разу не провалился, как под ним.

Тишина была жуткой... пугающей. По-своему такой же пугающей, как прежде — вой бури. Задолго до того, как Тэлия достигла поворотной точки своего пути, ее начало трясти, и отнюдь не только от холода. Не слышно было ни птиц, ни зверей, ничто не указывало, что здесь есть и другие живые и движущиеся существа, кроме нее. Ужасное чувство, что за ней следят, возможно, и прошло, но в Лесу Печалей все равно ощущалось нечто жуткое, нечто, тронутое холодом смерти и льдом отчаяния. Какая бы сила ни властвовала тут, она была бессонной и вездесущей; Тэлия знала это совершенно точно, и знала каким-то образом, что ощущает лишь самое слабое касание этой силы — и ей не очень-то хотелось полагаться на предполагаемую защиту своего Белого одеяния Герольда, осмеливаясь зайти слишком далеко в одиночку. Она почувствовала огромное облегчение, когда увидела наполовину занесенный снегом указатель

перекрестка: он означал, что Тэлия может воткнуть свой разукрашенный посох в наст на вершине сугроба и повернуть назад.

Никогда еще вид другого человеческого существа не доставлял Тэлии такой радости, как тогда, когда она завидела Криса, пробирающегося по снегу навстречу ей.

Вернувшись в Приют, Тэлия проверила, что у них осталось из припасов.

— Лучше бы они пришли поскорее, — сказала она, стараясь, чтобы в ее голосе не прозвучало сомнение. — Даже если будем осторожны, еды у нас немного. На неделю, вероятно, хватит, но едва ли намного дольше.

— Если они обеспокоены так, как я думаю — как надеюсь, — то будут работать не покладая рук, даже при свете факелов, — сказал Крис; его голос от усталости утратил всякое выражение. — Они просто не могут появиться намного позже.

— Они могут вообще не признать нас за Герольдов, — заметила Тэлия, пытаясь пошутить. — Сомневаюсь, чтобы они когда-нибудь видели таких оборванных Герольдов. Мне пришлось буквально до дыр оттирать свои вещи, чтобы они снова стали белыми. Наш вид едва ли улучшит образ Герольда, который у них сложился.

Она сморщила лицо, изображая старческую гримасу, и прокаркала:

— «Герольды? Какие ишо Герольды! Самозванцы вы, слепому ясно! Побродяги! Жулики! А где вы взяли ентих своих побеленных кляч, а? А?»

Долгое мгновение Крис только молча таращился на нее, потом внезапно начал смеяться так же безудержно, как недавно плакал. Возможно, утомление было виной тому, что оба стали так же подвержены взрывам почти истерического веселья, как и взрывам слез. Тэлия начала хихикать сама, потом зашлась от хохота. Они вместе рухнули на свое гнездо-постель — не держали ноги — и долго хохотали так, что едва могли вздохнуть. Не успевал один взять себя в руки, а другой попытаться последовать его примеру, как один взгляд вызывал новый приступ хохота.

— Хватит... пожалуйста... — задыхаясь, вымолвил Крис наконец.

— Тогда не смотри на меня, — ответила Тэлия, решительно уставясь на пятно на своем сапоге и не отрывая от него глаз, пока не смогла восстановить дыхание.

— В Ягоднике есть Пункт Пополнения Припасов, — сказал Крис, изо всех сил стараясь говорить о чем-то серьезном. — Мы сможем получить там новую форму и отдать свои кожаные вещи в отбелку и обработку. Но предупреждаю, размеры будут только приблизительно нашими.

— Лишь бы Белое оказалось действительно белым, а не серым, и не все в дырах.

— Полагаю, ты вряд ли умеешь шить настолько, чтобы переделать то, что мы получим? — тоскливо спросил Крис. По его лицу Тэлия видела, что утонченную натуру ее наставника слегка беспокоит мысль, что в одежде, которая окажется ему не по росту, он будет выглядеть далеко не так безупречно, как обычно.

Тэлия поглядела на него, приподняв бровь.

— Мой дорогой Герольд, да будет тебе известно, что к третьему курсу Коллегии я шила Белое. Очень может быть, что часть твоего собственного гардероба сшита именно мной.

— Странная мысль. — Крис медленно стянул сапоги. — Тогда... в самом деле не ты играла шутки с моим сознанием?

— Нет, — ответила она. — Пока ты не заорал на меня.

— Боги... Кажется, я схожу с ума. Тэлия растирала свои белые, заледеневшие ступни, пытаясь восстановить в них кровообращение.

— Не надо... пожалуйста... все дело в изоляции, тревоге, — ответила она, почувствовав, как что-то в груди сжалось от страха. — Недостаток отдыха, недостаточное питание...

— Заставляют меня видеть всякую всячину? А ты что-нибудь видишь?

— Нет, — признала она. — Но... мне кажется, будто лес... следит. Почти все время.

Крис вздрогнул. Тэлия увидела, как он подскочил и закусил губу.

— Ничего, — сказал он. — Просто... Тантрис говорит, что ты права. Он говорит, что лес действительно следит за нами. Проклятие... Я думал, это ты со мной такое вытворяешь. Прости.

— Крис... Я опять потеряла контроль... — На глаза Тэлии навернулись жгучие слезы.

— Эй, не так серьезно, как в прошлый раз, — и ты же сама восстановила его. Верно?

— Вроде. Что бы там ни было... Когда я набросилась на тебя, то вдруг возникло ощущение, что оно сделает что-то со мной, если я причиню тебе вред. Тут-то я и испугалась так, что пришла в чувство.

— И восстановила контроль. Как бы это ни получилось, контроль восстановила ты. Не теряй в меня веры, маленькая птичка. И в себя тоже не теряй.

— Постараюсь, — сказала Тэлия; ее голос слегка дрожал. — Постараюсь.

Между ними повисло свинцовое молчание, пока Крис не взял на себя задачу его нарушить.

— Джедус оставил тебе свою арфу, так что, я полагаю, ты умеешь на ней играть, но я ни разу не слышал, как ты это делаешь. Сыграешь?

— Я и в подметки тебе не гожусь, — запротестовала она.

— Ну уважь меня, — настаивал Крис.

— Ладно, но ты можешь пожалеть о своей просьбе.

Тэлия завернулась в одеяла, чтобы попытаться сохранить в ногах немного тепла, и взяла у Криса арфу, которую он достал из угла. Впервые она играла кому-то, кроме Джедуса. Отсветы огня на золотистой древесине арфы воскресили в ее памяти те дни и чувство острой печали. Тэлия на мгновение задержала руки на струнах, потом заиграла первое, что пришло на ум.

Песня называлась «Солнце и Тень», и после первых же нескольких нот Крис отчетливо понял, что Тэлия исполняет ее совсем не так, как он. Там, где они с Дирком подчеркивали оптимистическое начало, предвестие конца всех тягот, выпавших на долю влюбленным, и делали произведение почти радостным, несмотря на его сумрачное звучание, Тэлия бродила по одиноким тропам песенного «настоящего», где проклятие, тяготеющее над каждым из любящих, казалось, обрекло обоих вечно жить вдали друг от друга. Она была права, утверждая, что технически не столь искусна, как Крис, но она играла так же, как пела, — с чувством, которое доносила до слушателя. В ее исполнении «Солнце и Тень» могло бы разорвать сердце.

Лишь спустя несколько долгих мгновений после того, как в воздухе растаяли последние ноты, Крис смог справиться с голосом и что-то сказать.

— Я все время тебе твержу, — выговорил он наконец, — что ты себя недооцениваешь.

— Ты замечательно снисходительный слушатель, — ответила Тэлия. — Хочешь получить ее обратно, или мне загубить еще одну мелодию?

— Я бы хотел, чтобы ты сыграла еще, если ты не против.

Тэлия пожала плечами, но тайне была довольна, что он не потребовал Сударыню назад. Она пребывала в меланхолическом настроении, а забывшись, отдавшись музыке, можно было найти уединение, которое не удавалось обрести, когда Крис играл или она пела. Тэлия закрыла глаза и предоставила рукам самим играть все, что приходило на память; порой она пела, порой нет. Крис молча слушал, никак не комментируя. Те несколько раз, когда Тэлия поднимала глаза, его лицо находилось в тени, так что разглядеть выражение было невозможно. В конце концов, исчерпав все мелодии, отвечавшие ее настроению, она сняла руки со струн.

— Вот все, что я знаю, — сказала она в воцарившейся тишине.

— Тогда, — отозвался Крис, забирая у нее арфу, — на сегодня достаточно. Думаю, нам давно пора

ложиться.

Тэлия сомневалась, что сможет заснуть, но стоило ей расслабиться, как ее моментально сморил сон.

Три дня спустя казалось, что Приют вокруг сжался и начал давить на них, особенно на Тэлию, которая всегда имела некоторую склонность к клаустрофобии. Выдержка ее сошла почти на нет... и Тэлия боялась ее потерять. Ужасно боялась.

— Крис... — сказала она, когда не смогла больше выносить его расхаживания взад-вперед по комнате. — Выйди, а? Пожалуйста, уйди куда-нибудь!

Крис остановился на полушаге, повернулся и раздумчиво поглядел на нее.

— Я что, действую тебе на нервы?

— Дело не только в этом. Просто...

— То чувство, что за нами следят. Оно вернулось?

Тэлия обмякла, явно испытала облегчение.

— Ты тоже это чувствуешь?

— Не сейчас. Некоторое время назад.

— Я... что, свожу с ума нас обоих? — Тэлия с такой силой стиснула кулаки, что на ладонях остались отметины от ногтей.

Крис сел на пол у ее ног, взял ее руки в свои и заставил разжать руки.

— Не думаю. Если помнишь, Тантрис сказал мне, что лес наблюдает за нами.

— Но что же это?

— У меня есть только догадка: Проклятие Ваниэля. Оно каким-то образом наделило чувствительностью весь лес.

— По-моему, я ему не нравлюсь, — сказала Тэлия, закусив губу.

У Криса был «прислушивающийся» вид, как всегда, когда с ним мысленно говорил Тантрис.

— Тантрис говорит, что считает, что оно встревожено из-за тебя: ты — Герольд, но представляешь опасность для другого Герольда, то есть меня. Оно не знает точно, что с тобой делать.

— Так что, пока я держу себя в руках, оно не станет меня трогать...

— Думаю, да. — Крис поднялся на ноги. — А чтобы ты и дальше себя в них удержала, я лучше выйду.

Крис решил пройти по дороге в сторону Развилки в надежде встретить дорожную бригаду. Когда он возвратился в Приют, в ноздри ему совершенно неожиданно ударил аромат, от которого у него потекли слюнки.

— У меня галлюцинации, — сказал он, наполовину боясь, что на сей раз это правда. — Я чую запах свежего варящегося мяса.

— В таком случае у тебя очень осязаемые галлюцинации, поскольку тебе предстоит ими поужинать, — с серьезным видом ответила Тэлия. Потом, не в силах больше сдерживаться, вскочила, обхватила Криса за шею и радостно прижала к себе. — Две белки и кролик, Крис! Я подстрелила их! И будут и еще — их привлекает фураж! Я даже не потеряла и не сломала ни одной стрелы!

— Светлые Гавани... — сказал Крис и с маху сел, едва смея верить нежданной удаче.

Однако сомневаться в реальности тушеного мяса и бульона, который налила ему Тэлия, было невозможно. Они съели все до крошки, досуха высосали тоненькие косточки, а потом отпраздновали событие, безудержно предавшись любви. И впервые за много дней заснули со спокойным сердцем.

Наутро их разбудили очень рано: чирры беспокойно топтались, а оба Спутника, казалось, к чему-то

прислушивались.

Ролана переполняло облегчение и радость, и Тэлия погрузилась глубже, чтобы выяснить, отчего.

— Тантрис говорит... — начал Крис.

— Приближаются люди! — закончила Тэлия восторженно. — Крис, дорожная бригада!

— И с ними Герольд. Тантрис считает, что они доберутся до нас где-то после полудня — Они уже дошли до нашего указателя?

— Да. Найдя его, Герольд попросил своего Спутника передать нашим мысленный зов. Я мог бы даже повстречать их вчера, если б пошел не в ту сторону — дурак я, дурак!

— Откуда ты мог знать? А сколько их?

— Десять, не считая Герольда.

— Может, нам пойти и проложить тропу подальше, навстречу им?

— Нет, — твердо сказал Крис. — То небольшое, что мы сможем сделать, мало что изменит, а я все еще без сил. Мы уложим вещи, приведем здесь все в порядок и встретим их там, где тропа подходит к дороге.

Странно было видеть Приют без их пожитков, когда только пустые емкости, в которых прежде хранилось продовольствие, говорили о том, что они провели здесь весь последний месяц. На то, чтобы заново упаковать поклажу, ушло больше времени, чем ожидала Тэлия; они покинули Приют почти в полдень.

Когда они добрались до дороги, то увидели вдали новоприбывших. Крис и Тэлия замахали руками и закричали, и по возбужденным жестам маленьких фигурок вдалеке поняли, что их заметили. Бригада работников удвоила усилия, и спустя недолгое время — хотя для Тэлии и Криса оно тянулось очень долго — тропы встретились.

— Герольды Тэлия и Крис? — Одетый в белое человек, первым пробившийся к ним через проход, был незнаком обоим, хотя его безукоризненная, без единого пятнышка форма вызвала у них неуютное ощущение от сознания того, в каком жалком виде находится их собственная.

— Да, Герольд, — ответил за них обоих Крис.

— Хвала Владычице! Когда Страже стало известно, что вы не остались в Развилке и не прибыли в Ягодник и что выехали вы перед самым началом бурана, мы все начали бояться худшего. Если бы он застиг вас, сомневаюсь, чтобы вы пережили хотя бы одну ночь. Такой снежной бури не припомнят за всю историю здешних мест. О, меня зовут Тедрик. Как же вы спаслись?

— Чирры вовремя нас предупредили, так что мы успели добраться до Приюта, но сомневаюсь, что смогли бы сейчас приветствовать вас, если бы его укомплектовывала обычная команда из тех, что ведают снабжением, — ответил Крис. — Но, кто бы ни позаботился о припасах, он, похоже, имел невероятно четкое представление о том, сколько продовольствия нам понадобится и какого.

— Работа Погодной Ведьмы, — сказал один из работников дорожной команды, флегматичного вида крестьянин. — Нынешней осенью она не отстала от нас, пока мы не снарядили Приют по ее вкусу. Даже заставила, как выпал первый снег, вернуться туда и завезти кое-что еще — мед и постное масло, солонину да рыбу.

Хвала Керносу, у нас снеди хватало с избытком, а она еще ни разу не ошиблась, когда ей бывали видения, так что мы сделали, как она велела. Похоже, пригодилось.

— Действительно, хвала Керносу! Я вижу, снаряжение у вас с собой. Едем, и еще до темноты вы сможете обогреться, переодеться в сухое и поесть досыта. Я состою при Пункте Пополнения Припасов возле Ягодника. Для вас там найдется уйма места, если вы не возражаете против того, чтобы спать вдвоем в одной кровати.

— Нисколько, — очень серьезно сказал Крис, чувствуя, как Тэлия изо всех сил старается удержать свои щиты под напором пятнадцати сознаний. — Все это время мы спали на соломе возле очага — для тепла.

Сейчас походная койка показалась бы мне раем, даже если бы пришлось делить ее с Тантрисом.

— Хорошо. Отлично! — ответил Герольд Тедрик. — Я поеду с вами назад, покажу дорогу: эти добрые люди знают свое дело, и теперь, когда мы нашли вас, от меня им наверняка больше проку не будет.

Работники из вежливости шумно запротестовали, но явно держались того же мнения.

— Тут такое дело, Герольд, — шепнул Крису краснолицый крестьянин, — Наш Тедрик — славный малый, но ему тут не место. Слишком стар, да и сердце у него больно слабое. Пост при Пункте Пополнения придумали для отставников, ежели вы понимаете, о чем я. Тедрик не из тех, кто станет сидеть сложа руки, хотя на то, чтобы сектор объезжать, здоровьишка уже не хватает. Нам положено за ним приглядывать, следить, чтоб не переутомлялся, — работа устроена так, чтоб он мог чувствовать, что приносит пользу, но ничего особо трудного делать ему не приходилось. Все, что нужно, за него добывает и развозит Стража. Но тут с давешним бураном и прочим — Стража занята расчисткой дорог, помощью пострадавшим... а он, как узнал, что вы двое пропали, уперся — и ни в какую: должен идти с нами. Пару раз нагнал на нас страху — начинал задыхаться да синеть, когда мы думали, что вроде наткнулись на чьи-то тела. Хорошо, что вы оказались в порядке, не то, чаю, был бы у нас на руках и третий упокойник.

Его слова представили вещи в совершенно ином свете. Крис почувствовал, как его уважение к говорливому и казавшемуся бесполезным Герольду резко возросло. Присмотревшись повнимательнее, он понял, что Тедрик гораздо старше, чем показался на первый взгляд показался отчасти потому, что был лыс, как яйцо, а отчасти потому, что обладал по-детски пухлым лицом — на таких даже с возрастом не появляется морщин. Спутник старого Герольда нежно опекал его и наотрез отказался скакать сломя голову по дороге, чтобы Тедрик смог приготовить Пункт к приему гостей.

Тэлия и Крис по очереди рассказывали Тедрику, что стряслось после того, как они обнаружили в Развилке мор.

— Так вы — Королевский Герольд, тот, у которого Дар к переживаниям и Целительству души? — спросил Тедрик Тэлию, близоруко приглядываясь к ней. Даже сквозь щиты, которыми обеспечивал ее Ролан, она почувствовала неловкость, которую испытывал рядом с ней старый Герольд, и в душе вся съежилась. — Я вот думаю, не могли бы вы что-нибудь сделать для Погодной Ведьмы?

— Если учесть, что мы, очевидно, обязаны ей жизнью, я безусловно буду рада попытаться, — ответила Тэлия, стараясь не показать собственного беспокойства и настоящего смутения, охватившего ее при этой просьбе — применить ее своенравный Дар. — Но кто она, и почему вы зовете ее Погодной Ведьмой?

— Ах, это грустная история, — вздохнул Тедрик. — Несколько лет назад, когда меня еще только-только назначили сюда, в Ягоднике жила одна молодая женщина по имени Мэйвен, которая взяла да и завела «праздничного» ребенка — здесь так называют младенцев, которых никто не признает своим и матери которых не имеют ни малейшего представления, кто их отцы. Люди есть люди, так что о ней и шушукались, и показывали пальцами, пока бедная девочка от всего сердца не пожалела, что зачала ребенка, не говоря уж о том, что родила. Понимаете, это обстоятельство еще усугубило то, что с ней случилось. Знаете поговорку «думай, чего пожелать, а то ведь желание может и сбыться»? Я уверен, что она часто желала, чтобы ребенок исчез, и, когда случилось несчастье, она винила в нем себя. Была ее очередь работать на мельнице, и она оставила малыша одного дольше, чем следовало. Бедный кроха как раз начинал ползать, и ему удалось выбраться из корзины, в которой его оставила мать. Он пополз прямиком к мельничному ручью, упал в воду и утонул. Она сама и нашла тельце, и полностью потеряла рассудок.

— Но почему «Погодная Ведьма»? — спросил Крис.

— Она, должно быть, обладала Даром, и, когда сошла с ума, он полностью пробудился, поскольку она обрела способность предсказывать погоду. Обычно она вела себя как всегда, укачивала тряпичную куклу, которая ей заменяет младенца — и вдруг ни с того ни с сего начинала смотреть прямо сквозь вас и говорила, что вам-де лучше позаботиться о том, чтобы убрать бобы, потому что сегодня ночью выпадет град. Ну и, конечно, так и выходило. Народ в Ягоднике и ближайшей округе начал ходить к ней всякий раз, когда погода казалась неустойчивой. Сперва она могла Видеть погоду за несколько дней, потом — недель, потом — месяцев. Вот почему деревенские послушались ее, когда она велела им сделать в Приюте запасы

продовольствия. Надо было им мне сказать, я бы тогда еще много чего прибавил от себя.

— Вы очень хорошо его снабдили, и нам совершенно не к чему придраться, — заверил его Крис. — Но, боюсь, вы обнаружите, что мы извели почти все, что там имелось.

— Не беда, — сказал Тедрик весело. — Я буду рад, что появилось хоть какое-то дело. Большая часть моей работы выпадает на лето, и зима тянется для меня чуточку слишком долго.

Но мне сдается, что вам и самим не помешало бы полностью обновить снаряжение.

— Боюсь, что так, — сказала Тэлия, пока Тедрик качал головой, глядя, в каком состоянии находится их форма. — Думаю, наше теперь сгодится разве что на тряпки.

— У меня на Пункте Пополнения есть масса запасных комплектов, и я неплохо управляюсь с иглой, — отозвался Тедрик. — Думаю, нам удастся переобмундировать вас так, чтобы вы не походили на огородные пугала. У меня есть все необходимое для того, чтобы заново отбелить и размягчить ваши кожаные вещи, так что их заменять не понадобится, а плащи ваши вроде по-прежнему в сравнительно приличном состоянии — или будут в таковом, когда мы их почистим. Если вы не против ненадолго задержаться, я могу сделать так, чтобы, уезжая, вы выглядели почти так же, как в тот день, когда еще только выехали, чтобы принять наш сектор.

— Потрясающе! — сказал Крис с искренней признательностью.

— Я могу помочь перешивать вещи, сударь, — добавила Тэлия.

Старый Герольд подмигнул ей.

— Но кто же тогда будет обшивать портного? И вы ведь, конечно, не откажете старику в удовольствии помочь экипироваться хорошенькой молодой барышне, верно?

Тэлия покраснела и, чтобы скрыть смущение, чуть передвинула завернутую в одеяла Сударыню, которую держала перед собой на седле. Поскольку футляра, защищающего инструмент, теперь не было, Тэлия решила везти арфу сама.

— Что это? — спросил Тедрик и, услышав, что арфа, просиял.

— Который из вас музыкант? — спросил он с жадностью.

— Оба, сударь, — ответил Крис.

— Но на самом деле он играет гораздо лучше, чем я, — дополнила Тэлия. — И, Герольд Тедрик, мы были бы вам очень признательны, если бы вы помогли нам найти кого-нибудь, кто смастерил бы для нее новый походный футляр, пока мы здесь. Старый нам пришлось разломать, чтобы сделать лопаты для снега.

— Краснодеревщик будет горд возможностью услужить вам, — с уверенностью сказал Тедрик. — По существу, у него даже может найтись что-нибудь подходящее из уже готового. Через несколько недель в столице сектора будет ярмарка по случаю Середины Зимы, и он собрался туда везти несколько футляров для инструментов, помимо резных шкатулочек и тому подобных пустяковин. Он, знаете ли, славится как своей мебелью, так и мелкими поделками. Я возьму на заметку, чтобы отныне начать обеспечивать наши Приюты лопатами. Не у каждого Герольда есть футляр от арфы, которым он может пожертвовать.

Перед самым заходом солнца они миновали селение Ягодник — Тэлия порадовалась щитам, которые держал вокруг нее Ролан — и с наступлением темноты добрались до Пункта Пополнения Припасов Тэлия не ожидала, что постройка окажется такой большой.

— Светлые Гавани! — воскликнула она. — Да вы могли бы разместить тут пол-Коллегии!

— О, большую часть занимают нежилые помещения: основу составляют сенник, склад товаров и зернохранилище. У меня действительно имеется три лишние комнаты на случай, если какая-то нужда забросит так далеко на север сразу нескольких Герольдов, но только в одной из них есть кровать, так что всем, кроме двоих, пришлось бы стелить себе на полу. Но давайте все делать по порядку. Полагаю, вы оба не откажетесь от горячей ванны. Вам будет приятно узнать, что у меня есть настоящая умывальная комната, в точности такая же, как во дворце и в Коллегии. Пока вы моетесь, я подберу вам какую-нибудь

чистую одежду на то время, пока мы не подгоним на вас новую форму и не вычистим ваши кожаные вещи. Как только сочтете, что готовы, сядем ужинать. Ну, как вам такой план?

— Звучит чудесно — особенно в той части, где говорится про горячую ванну! — пылко ответила Тэлия, пока они спешили возле конюшни.

— Тогда ступайте напрямик вон в ту дверь — я позабочусь о ваших друзьях и о зверюшках. Подниметесь по лестнице и сразу направо. Котел нагрет. Я грел его каждый день в надежде, что мы вас найдем. Ваша комната — сразу налево.

Оба взяли по маленькому тюку, Тэлия подхватила арфу, и они с Крисом вошли в указанную им дверь. Тедрик не преувеличил: хотя бак в ней нашелся только один, во всем остальном его умывальная комната ничем не отличалась от умывальных во дворце.

— Кто первый? — спросила Тэлия, страстно мечтая о чистых волосах и о том, как будет долго, вдумчиво отмокать в горячей воде.

— Ты. Ты выглядишь полумертвой, — отозвался Крис.

— Напряжение немного чувствуется, — призналась она.

— Так иди и мойся. Я могу подождать.

Когда закаменевшие мышцы наконец размякли, а вьевавшаяся в кожу, несмотря на все усилия, грязь была безжалостно соскоблена, Тэлия завернулась в полотенца и отправилась в отведенную им комнату. Там она обнаружила, что Тедрик их опередил: на кровати лежали полотняные штаны и рубашки приблизительно их с Крисом размера.

Приближение, впрочем, оказалось очень далеким. Стало ясно, что если данные предметы одежды являются типичными образцами того, что хранится на складе, то работа им предстоит большая.

Тэлия на минутку прилегла на кровать... и мгновенно заснула.

Крис снова спустился вниз, чтобы переговорить с Тедриком с глазу на глаз. От него не ускользнула неловкость, которую поначалу испытывал старик рядом с Тэлией, равно как и тот факт, что Тедрик уже знал, что Тэлия — Королевский Герольд и в чем заключается ее Дар. Личности стажеров обычно не были общеизвестны, а Дар Королевского Герольда, как правило, не являлся достоянием широкой гласности даже в среде самих Герольдов.

Крис решил, что слишком устал, чтобы разводить дипломатию, и напрямик спросил старого Герольда, откуда тот почерпнул сведения о Тэлии.

— Ну как... главным образом из слухов, — изумленно ответил Тедрик. — Хотя я и половине их не поверил. Не могу себе представить, чтобы Герольд злоупотреблял своим Даром, и не могу поверить, чтобы Коллегия выпустила кого-то, столь плохо подготовленного. И так я всем и говорил. Но должен вам сказать, что здесь многие смотрят и думают по-другому... и, как ни грустно мне это говорить, некоторые из них надеются увидеть, как Герольд осрамится.

После заключительного обмена любезностями Крис с растревоженной душой поднялся по лестнице. Он обнаружил Тэлию спящей на кровати и взял свои полотенца, не разбудив ее.

Пока он отмокал в горячей ванне, ум его напряженно работал. Если кто-нибудь узнает, в каком состоянии находится Тэлия, то это не только погубит ее собственную репутацию, но и нанесет серьезный ущерб репутации Коллегии и Герольдов в целом. Вера самих Герольдов в Коллегию окажется подорвана, если они узнают, какую плохую подготовку она там получила.

По этой причине они не смеют прервать объезд сектора и отправиться назад: такой шаг 362 послужил бы доказательством провала, которого ждут некоторые недоброжелатели системы. И сам он не может сообщить ни одному из старших Герольдов об истинном положении дел, поскольку это приведет к сильному смятению в рядах самих Герольдов, которое может только докатиться обратно до Селенэй и Элспет — со всеми проблемами, которые перед ними поставит.

Именно он, Крис, и сама Тэлия должны снова довести ее до рабочего состояния, в котором она

находилась перед тем, как заварилась вся каша.

С такой отрезвляющей мыслью Крис вылез из ванны и отправился одеваться и будить Тэлию.

Тэлия очнулась от сна в довольно хорошем расположении духа, немного посмеиваясь над тем, как выглядит в принесенной Тедриком одежде, которая оказалась ей велика.

— Все дело в том, птичка, что две трети Герольдов — мужчины, — ответил Крис. — А все Пункты Пополнения снабжаются одинаково. Посему большая часть одежды на здешнем складе, наверно, сшита на мужчин. Думаю, когда у Тедрика появится возможность поискать, он подберет что-нибудь более подходящее тебе по росту. Если ты думаешь, что выглядишь по-дурацки, посмотри-ка на меня!

В поясе его штаны сидели лучше, чем у нее, но штанины оказались широки, мешковаты и слишком длинны, а рукава рубахи свисали чуть ли не до колен.

— Полагаю, большая часть того, что у него есть, делится на две категории: «большое» и «палатка». Так или иначе, лучше уж ушивать одежду, чем пытаться ее надставить.

Они спустились по лестнице и присоединились к хозяину — Крис босиком, а Тэлия в своих овчинных тапках, поскольку их сапоги так задубели оттого, что попеременно то промокали, то высыхали, что теперь для того, чтобы их натянуть, требовалось слишком много усилий. В любом случае, жилище очень хорошо отапливалось, и босые ноги не причиняли Крису никаких неудобств.

Старый Герольд хлопотал в комнате, которая, по-видимому, служила одновременно кухней и столовой. Увидев своих гостей, похожих на ребятишек, нарядившихся в родительские обноски, он хмыкнул.

— Я просто взял первое, что подвернулось под руку, — сказал он извиняющимся тоном. — Надеюсь, вы не в обиде.

— Все чистое, сухое и теплое, — улыбнулся Крис. — А на данный момент большего и желать нечего. Должен сказать, что ради запахов, которые до меня сейчас доносятся, я с радостью явился бы к столу хоть в мешке из-под зерна, если бы ничего другого не нашлось.

Тедрик казался очень польщенным и, видимо, напрочь забыл о недавних расспросах Криса.

— Когда живешь один, обзаводишься увлечениями. Мой конек — стряпня. Надеюсь, она понравится вам не меньше, чем то, к чему вы привыкли.

Тэлия рассмеялась.

— Сударь, «то, к чему мы привыкли» — каша, похлебка из сушеного мяса и старых кореньев, подгорелые лепешки и снова каша. Не сомневаюсь, что после месяца такой жизни ваша еда окажется не менее восхитительной, чем показалась нам горячая ванна!

Оленина с травами и грибами определенно заткнула за пояс их стряпню. Мысленная проверка подтвердила, что Тедрик столь же щедро позаботился о Ролане, Тантрисе и чиррах. Оба Спутника пребывали в полудреме, стоя в теплых стойлах с туго набитыми животами.

Когда гости как следует утолили голод, Крис помог Тедрику убрать со стола, а Тэлия сбегала наверх за Сударыней.

— Вы показались столь заинтересованным тем, кто из нас музыкант, что я подумал, что мы можем как-то отблагодарить вас за ваше гостеприимство, — сказал Крис, беря арфу и принимаясь ее настраивать.

— Здесь редко удастся послушать музыку, — сказал Тедрик, даже не пытаясь скрыть жадный блеск в глазах. — Думаю, музыка — единственное, чего мне по-настоящему не хватает с тех пор, как меня сюда назначили. Когда я объезжал сектор, то постоянно натывался на Бардов.

Они пели, а старый Герольд слушал с выражением тихого счастья на лице. Было совершенно ясно, что он тосковал по обществу других Герольдов, и так же очевидно, что он говорил чистую правду, что здесь, на Границе, ему не хватает музыки. Конечно, представлялось возможным, что скитающиеся Барды попросту не замечали маленького Пункта, плохо видного с дороги и находящегося чуть в стороне от Ягодника. Столь

же вероятным представлялось и то, что летом (единственная пора, когда здесь могли проходить странствующие Барды) Тедрик был настолько занят работой, что просто не мог выкроить время, чтобы отправиться в деревню, когда там появлялся Бард. Крис мысленно отметил, что нужно будет черкнуть несколько слов, когда они станут отправлять очередные отчеты. Если от него что-то зависит, старику Тедрику не придется больше обходиться без песен.

Когда гости наконец признались, что выдохлись, Тедрик моментально поднялся и стал настаивать, чтобы они отправлялись в постель.

— Не знаю, что на меня нашло: столько времени не давал вам спать, — сказал он. — В конце концов, вы пробудете здесь столько, сколько потребуется, чтобы вас экипировать. Возможно, я припрячу все иглы на неделю-другую!

Когда на следующее утро Крис с Тэлией встали — с некоторой неохотой, поскольку пуховая перина, на которой они вдвоем спали, оказалась такой теплой и мягкой, что ее не хотелось покидать, — то обнаружили, что Тедрик уже положил их кожаные вещи и сапоги отмокать в чаны с отбеливающим и размягчающим раствором. Тэлия помогла ему распороть часть их пришедшей в негодность одежды, чтобы использовать в качестве выкроек, и они принялись перешивать стандартную форму, хранившуюся на складе. Тедрик нисколько не погрешил против истины, говоря, что неплохо знает портняжное дело. К концу дня они уже далеко продвинулись на пути к обновлению их гардероба, и невозможно было заметить, что одежда сшита не в Коллегии; к концу недели они с Крисом оказались полностью экипированы.

Когда с подгонкой формы было покончено, они приступили к исполнению своего долга по отношению к населению Ягодника.

Отдых и покой чрезвычайно пригодились Тэлии, позволив укрепить вновь обретенный контроль над своим Даром. Теперь ее щитов хватало на то, чтобы самостоятельно сдерживать наиболее сильный напор извне: негусто, но лучше, чем ничего. И она чувствовала, что контроль над способностью передавать эмоции выдержит, если ее не напугают и не выведут из равновесия... и не нападут на нее. Тэлия не знала точно, что сделает, если произойдет одно из этих трех. Но что толку тревожиться раньше времени.

Когда они вступили в селение, хрупкие бастиионы Тэлии чуть не рухнули. Крис предупреждал ее, что слухи достигли даже этих далеких северных мест, но она все равно оказалась неподготовленной к действительному положению дел.

Когда они с Крисом обосновались в сельской ратуше, девушка заметила, что многие здешние жители бросают на нее косые боязливые взгляды. Но что еще хуже, первые просители приближались к ней, только увешавшись оберегами от порчи.

Тэлия старалась сохранить на лице приятное, спокойное выражение, но подозрительность и даже страх селян бились в ее тонкие щиты так, что ей хотелось расплакаться от огорчения.

Наконец она не смогла больше выносить напряжение.

— Крис... мне нужно пройти, — шепнула она. Крис бросил один взгляд на тени, залегающие вокруг ее глаз, как от боли, и кивнул. Может быть, он и не был эмпатом, но не требовалось обладать особым Даром, чтобы понять, что думают люди, надевая талисманы от дурного глаза, когда оказываются рядом с определенным Герольдом.

— Иди... и приходи, когда будешь готова, не раньше.

Они с Роланом выехали за окраину селения. Оказавшись вдали от чужих глаз, Тэлия ругалась, плакала и пинала глыбы смерзшегося снега, пока не ощутила опустошенность и ноги не покрылись кровоподтеками.

Тогда она возвратилась и снова включилась в работу.

На второй день напряженность уменьшилась. На третий обереги исчезли.

Но Тэлия гадала, какова будет реакция жителей деревни, когда на утро четвертого дня они отправились к Погодной Ведьме.

Атмосфера подавленности, окружавшая маленькую развалюху, в которой жила Погодная Ведьма, оказалась такой сильной, что Тэлии представлялась почти осязаемой, и идти сквозь нее было все равно что ощупью двигаться сквозь темное облако. Погодная Ведьма сидела в холодном, темном, затянутом паутиной углу, напевая про себя и укачивая замызганную тряпичную куклу. На троих людей, стоящих перед ней, она не обратила никакого внимания. Тедрик шепотом сказал, что жители селения носят ей еду и присматривают за хижинкой, и что она настолько плохо осознает окружающее, что едва понимает, когда перед ней ставят еду. Крис с жалостью покачал головой, думая, что Тэлия мало чем сможет тут помочь.

Тэлию одновременно и притягивало, и отталкивало помутившееся сознание женщины. Если бы их встреча состоялась год назад, она не усомнилась бы, что сможет что-то сделать, но сейчас?

Однако теперь, придя и почувствовав все сама, она не могла уйти просто так.

Согнувшись, Тэлия опустилась на колени на грязный деревянный пол на расстоянии вытянутой руки от женщины. Содрогнувшись от физически ощутимого возникновения контакта, сняла все свои хрупкие барьеры и позволила затянуть себя внутрь.

Крис сильно боялся за нее: ничего в сущности не зная о том, как действует ее Дар, он страшился того, что Тэлия может очень легко оказаться запертой в сознании сумасшедшей, как в западне, — и что ему делать тогда? Тэлия оставалась коленопреклоненной так долго, что, глядя на нее, Крис почувствовал, как у него самого заныли колени. Наконец ее дыхание стало выравниваться, глаза медленно открылись. Когда она подняла голову, Крис протянул ей руку и помог встать на ноги.

— Ну? — сказал Тедрик без особой надежды.

— Семья цыган, которая погибла от снежной лихорадки два месяца назад — та, о которой говорится в записи в кадастровой книге⁴; — там не остался живой ребенок? — спросила Тэлия со все еще немного затуманенным взглядом.

— Да, маленький мальчик, — ответил Крис, а Тедрик кивнул.

— У кого он?

— У Ифора Молотобойца; он не слишком обрадовался, но кто-то же должен был взять ребенка, — сказал Тедрик.

— Вы можете привезти его сюда? Ваш Молотобоец стал бы возражать, если бы вы нашли для малыша другой дом?

— Он-то не стал бы, но... сюда? Простите, но это звучит немного безумно.

— Оно и есть немного безумно, — сказала Тэлия, устало опускаясь наземь, так что Крис не мог разглядеть в тени ее лица, — но для того, чтобы излечить безумца, может потребоваться безумие.

Вы просто... привезите его сюда, пожалуйста. Получится ли то, что я задумала, — увидим.

Судя по виду Тедрика, он испытывал сильные сомнения, однако же уехал и меньше чем через час возвратился с тепло укутанным карапузом. У ребенка болел животик, и он тихонько хныкал.

— А теперь выманите ее из дома, все равно как, — устало сказала Тэлия Тедрику, беря у него ребенка и начиная укачивать; тот успокоился и затих. — Но позаботьтесь, чтобы куклу она оставила.

С помощью куска пряника Тедрик уговорил Погодную Ведьму следовать за ним, предварительно убедив ее оставить «младенца» в люльке возле дымного очага. Улучив момент, когда та отвернулась, Тэлия проскользнула внутрь. Спустя несколько секунд из хижины донесся детский плач, и умалишенная вздрогнула, как от удара.

Крису никогда еще не доводилось видеть такого невероятного преобразования. Полубезумное, дикое, звериное выражение исчезло из глаз Погодной Ведьмы, в них засветились сознание и ум. За несколько секунд она совершила превращение из «твари» в человека.

— Д-джетри? — запинаясь выговорила она. Ребенок снова заплакал, на сей раз громче.

— Джетри! — крикнула она снова и вбежала в дом.

В люльке лежал принесенный Тедриком ребенок, которому, вероятно, еще не исполнилось и года, и надрывался от голодного плача. Женщина подхватила ребенка и прижала его к груди, словно это была ее собственная, возвращенная ей душа, плача и смеясь одновременно.

Не успели еще ее руки коснуться ребенка, как произошло последнее, и, возможно, самое странное событие. Малыш мгновенно перестал плакать и начал что-то ворковать.

Тэлия даже не смотрела на них: она просто привалилась к косяку и терла виски. Двое других могли только в изумлении созерцать совершившееся перерождение.

Наконец женщина оторвала взгляд от младенца, которого держала на руках, и перевела его на Тэлию. Нерешительно двинулась к ней и, не доходя нескольких шагов, остановилась.

— Герольд, — сказала она с полной убежденностью, — это сделала ты... ты вернула мне моего ребенка. Он умер, но ты снова нашла его для меня!

Тэлия посмотрела на нее глазами, которые казались густыми тенями, залегшими на осунувшемся лице, и отрицательно покачала головой.

— Не я, госпожа. Если кто-то и вернул его, то вы сами. И именно вы показали мне, где найти его.

Женщина протянула руку и дотронулась до щеки Тэлии. Крис сделал движение, словно собирался вмешаться, но Тэлия махнула ему, чтобы он оставался в стороне, и показала, что ей не грозит опасность.

— Ты обретешь вновь то, что принадлежит тебе, — сказала Погодная Ведьма без выражения; глаза ее смотрели в никуда, словно видя что-то, чего никто, кроме нее, видеть не мог, — и никому больше никогда не удастся поколебать тебя и лишит его. То, чего желает твое сердце, сбудется, но после того лишь, как ты узришь Гавани. Гавани будут звать тебя, но долг и любовь встанут между тобой и ими. Любовь бросит вызов смерти, чтобы вернуть тебя. Твоей величайшей радости будет предшествовать величайшая скорбь, и тень горя будет сопутствовать исполнению твоих желаний.

— «Нет радости, что горя не отведала б сперва», — тихо, как бы про себя, процитировала Тэлия — так тихо, что Крис едва расслышал слова. Глаза женщины снова обрели фокус.

— Я что-то говорила? Я что-то видела? — спросила она; во взгляде явственно читалась растерянность. — Был ли то ответ, которого ты искала?

— Это был вполне достаточный ответ, — с улыбкой ответила Тэлия. — Но разве вам не нужно сейчас позаботиться о более важных вещах?

— Мой Джетри, родной мой, маленький! — воскликнула женщина, крепко прижимая к себе ребенка; глаза ее блестели от слез. — Мне столько всего нужно сделать и приготовить для тебя. О, Герольд, как я смогу отблагодарить вас?

— Любя и заботясь о Джетри так же, как сейчас, и не беспокоясь о том, что могут сказать другие, — сказала Тэлия, делая знак другим выйти и быстро выходя вслед за ними.

— Светлые Гавани! — воскликнул Тедрик немного нервно, когда они оказались на таком расстоянии от хижины, чтобы их невозможно было услышать. — Ну просто как в старинных сказках о ведовстве и снятии порчи! Какой необычной магией вы воспользовались там?

— По правде сказать, я и сама толком не знаю, — ответила Тэлия, потирая усталые глаза тыльной стороной руки. — Когда я коснулась ее сегодня утром, мне показалось, я увидела нечто вроде... нити? связи?... в общем, что-то в этом роде. Казалось, она связана с чем-то, и мне почудилось, что я вижу ту страницу с записью о цыганах. Я знала, что чужаков здесь не слишком жалуют, поэтому предположила, что выжившему нелегко будет найти новую семью. Вы подтвердили мою догадку, Тедрик. И мне просто показалось, что все, что ей нужно, — получить второй шанс, чтобы все исправить. Я говорю понятно?

— Даже понятнее, чем я мог надеяться. Вряд ли тот ребенок может быть... ее? Верно? — неуверенно сказал Крис.

— Крис, я же не священнослужитель! Как я могу ответить на такой вопрос? Я могу рассказать только то, что сама видела и чувствовала. Малыш примерно того возраста, какого был бы ее собственный, и они явно узнали друг друга, пусть даже только как два потерянных существа, нуждающихся в любви. Я не рискну высказывать никаких догадок.

— Я понимаю, что спрашивать об этом ужасно бессердечно, — сказал Тедрик, выглядящий гораздо менее встревоженным теперь, когда «магия» получила рациональное объяснение и оказалась простым здравым смыслом. — Но... теперь, когда рассудок к ней вернулся, она не потеряет свои силы, а?

— Забудьте свои страхи: думаю, вы и жители Ягодника по-прежнему можете рассчитывать на Погодную Ведьму, — ответила Тэлия. — Говорю вам исходя из собственного опыта, что подобные Дары, раз пробудившись, редко исчезают. Послушайте, что она сказала мне! «Любовь бросит вызов смерти, чтобы вернуть тебя», — процитировал Крис. — Странно... и довольно двусмысленно, мне кажется.

— Пророчества имеют обыкновение быть двусмысленными, — лукаво сказал Тедрик. — Хорошо, что, когда дело касается предупреждений о погоде, она в состоянии высказываться более определенно. Ну, поехали; вы с Роланом оба устали и проголодались, Тэлия. Вы заслужили хороший ужин и хороший ночной отдых, прежде чем снова пуститесь в дорогу.

— И, в противоречие пророчеству, мое сердечное желание сейчас — получить один из ваших пирогов с олениной, а потом тихий вечер в кругу друзей и хороший сон на вашей перине, и, думаю, мне едва ли понадобится отправляться в Гавани, чтобы обрести это! — устало засмеялась Тэлия, беря под руки Тедрика и Криса; Ролан шел позади.

Что же, она выдержала. Теперь все, что нужно, — продолжать стараться выжить.

Глава 11

Ну что ж, птичка, — лениво сказал Крис, — уже почти Середина Лета. Половина стажировки позади. Оценку, пожалуйста.

Тэлия бесцельно срывала растущие рядом травинки.

— Ты серьезно или шутишь?

— Вполне серьезно. Солнце подошло к зениту, и теплое пятно, возникшее, когда слепяще-золотые лучи нашли просвет в листве над их головами, оказалось точно на правой лопатке Тэлии. В высокой траве гудели насекомые; иногда сонно покрякивала какая-то птица. Тэлия с Крисом находились у Путевого Приюта в дальней части своего сектора, там, где они впервые въехали в него прошлой осенью. Сегодня или завтра с ними должен был встретиться курьер-Герольд и сообщить последние законы и новости; а до тех пор они сами распоряжались своим временем. И проводили его в непривычной праздности. Тэлия размышляла долго и напряженно;

Крис жевал травинку, лежа в тени на спине, сощутив глаза так, что они превратились в щелочки.

— Было ужасно, — сказала Тэлия наконец, ложась на спину и подкладывая руку под голову. — Я бы хотела, чтобы последних девяти месяцев вообще не существовало. Было жутко, особенно когда мы еще только въезжаем в город, а они уже слышали обо мне, но...

— Ну? — напомнил Крис, когда молчание слишком затянулось.

— Но... что если бы... то, что мой Дар сорвался с цепи... случилось при дворе? Было бы еще хуже.

— Там ты смогла бы получить помощь, — заметил Крис, — большую, чем получила от меня.

— Только после того, как я бы что-нибудь расколошматила. Боги, даже думать не хочется — выпустить на волю тот шквал при дворе, где полным-полно народу... — Тэлия содрогнулась. — По крайней мере, теперь я контролирую передачу сознательно, а не инстинктивно. Даже если щиты восстановились еще не полностью.

— По-прежнему проблемы с блокированием?

— Ты сам знаешь, ты же видел меня в толпе. Бывают минуты, когда я ненавижу тебя за то, что ты держишь меня здесь, но потом понимаю, что просто не могу вернуться, пока не восстановлю защиту. И мы не можем никому рассказать об этом безобразии, пока все не исправим — даже Герольдам.

— Значит, ты и сама сообразила.

— Большого ума тут не потребовалось: если бы люди узнали, что слухи хотя бы отчасти правдивы, они поверили бы и всему остальному. Я видела, как ты прикрывал меня всякий раз, как мы встречали другого Герольда. И еще одно. Я не могу возвращаться, пока не выясню кое-что.

— Что именно?

— Не только «как» работает мой Дар, но и «почему» и «когда». Это не дает мне покоя, потому что слухи о том, что я манипулировала людьми, очень близки к истине. Я и в самом деле использовала Дар для того, чтобы оценить Советников, и в самом деле действовала на основе полученных сведений. С какого момента мои действия становятся манипуляцией?

— Не знаю...

— Теперь я попросту боюсь использовать свой Дар.

— О черт! — Крис перекатился на бок, волосы упали ему на глаза. — А вот это уже меня беспокоит. Пламя ада, ведь ничего подобного бы не случилось, если бы я держал рот на замке.

— И вполне могло случиться в более неподходящий момент...

— А могло и не случиться. — Взгляд синих глаз впился в Тэлию. — В том, что произошло, я виноват не меньше твоего.

Тэлия не нашлась, что ответить.

— Ну что ж, дела пошли наперекося, но, по-моему, мы смогли изменить положение, — сказал Крис наконец.

— Надеюсь. Думаю, да.

— Ну а со всем остальным ты справляешься отлично.

За его словами пряталась какая-то неловкость; сейчас Тэлия была достаточно восприимчива, чтобы определить, что она связана с ней лично, а не с ней как с Герольдом.

О Боги. Тэлия изо всех сил постаралась скрыть смущение. Со своей стороны она из кожи вон лезла, чтобы их отношения и дальше строились по типу «друзья-любовники», стараясь не позволить своему Дару повлиять на Криса так, чтобы тот влюбился в нее или еще чего похуже. По большей части Тэлии казалось, что ей это удастся — но бывали моменты вроде нынешнего, когда на лицо Криса, когда он смотрел на нее, набегала тень. Тэлия уже знала, что ей не нужно от него ничего большего, поскольку по мере того, как ее зависимость от Криса уменьшалась, ее чувства к нему улеглись и стали очень напоминать те, что связывали ее со Скифом.

Но что же он сам?

— Интересно, что сейчас поделывает Дирк, — ни с того ни с сего сказал Крис. — В нынешнем сезоне он тоже объезжает сектор.

— Если у него есть хоть капля здравого смысла — радуется, что ему не приходится есть твою стряпню. — Тэлия швырнула в него пучком травы; Крис ухмыльнулся. — Скажи-ка, почему ты все время называешь меня птичкой «?

— Хороший вопрос; тебя так прозвал Дирк. Ты напоминаешь ему лесного жаворонка.

— Что такое лесной жаворонек? — с любопытством спросила Тэлия. — Ни разу не видела.

— А их обычно и не видно — только слышно. Лесные жаворонки очень пугливы, и если хочешь разглядеть его, надо совершенно точно знать, что ты ищешь. Они очень маленькие, коричневого цвета, и совершенно сливаются с кустарниками. Хотя они и не бросаются в глаза, они очень красивы на собственный спокойный лад. Но, когда Дирк назвал тебя так, он думал о другом: у лесных жаворонков самый красивый голос из всех лесных птиц.

— О, — сказала Тэлия, удивленная комплиментом и не очень зная, как на него отреагировать.

— Я даже могу сказать тебе, когда он сказал это впервые. Сразу после того, как ты потеряла сознание и он поднял тебя на руки, чтобы отнести к тебе в комнату. «Светлые Гавани, — сказал он, — да она весит не больше пичужки». Потом в ту праздничную ночь, когда мы пели все вместе, я поймал его за тем, что он смотрел на тебя не отрываясь, пока ты наблюдала за танцующими, и бормотал про себя:

Лесной жаворонек. Пугливый лесной жаворонек!» Потом заметил, что я за ним слежу, рассвирепел и заявил: «Да, жаворонек!» Не желая получить по фингалу под каждый глаз, я согласился. Я согласился бы в любом случае: всегда с ним соглашаюсь, когда он прав.

— Вы оба, — сказала Тэлия, — чокнутые.

— Нет, сударыня, мы Герольды. Близко, но до настоящего сумасшествия все-таки не дотягивает.

— Значит, я тоже чокнутая.

— Сама сказала, — заявил Крис — Я не говорил.

Прежде чем Тэлия смогла придумать достойный ответ, они услышали оклик с тропы, ведущей к Приюту, и вскочили на ноги. Прибыл их курьер — и курьером оказался Скиф собственной персоной.

— Вот так так! — сказал он, спешиваясь, когда они подбежали к нему. — Вы двое явно выглядите здоровыми и бодрыми! Даже чересчур, для людей, которые, как предполагалось, едва не погибли в той пурге в Середину Зимы. Дирк чертовски тревожился, когда я с ним разговаривал.

— Если увидишь его в скором времени или сможешь найти Барда, чтобы передал весточку, то сообщи ему, что мы оба в полном порядке и худшее, что нас постигло, — утрата футляра от арфы Тэлии, — со

смехом сказал Крис.

— Если? Светлые Гавани, да у меня нет никакого выбора! Мне категорически приказано разыскать его, когда закончу вас инструктировать, под угрозой пытки, какой — не сказано. Судя по тому, как он себя вел, можно подумать, что ни у одного из вас не хватит мозгов, чтобы не сыграть в ящик, даже если слегка промочите ноги, а не то что угодив в пургу.

Крис бросил на Тэлию еще один странный косой взгляд.

— Давай-ка лучше тащи своего Спутника и все, что нам привез, в Приют, — сказала она. — На то, чтобы все передать и убедиться, что мы все уразумели, уйдет некоторое время.

— Некоторое время, о скромница Тэлия? С тобой-то я не боюсь, что процедура затянется надолго, — ухмыльнулся Скиф. — Я отлично знаю, что ты запоминаешь быстрее, чем я, а Крис был моим преподавателем Дальновидения, так что мне известно, что он схватывает так же быстро. Я отпущу Симри — пусть немного прошвырнется; мула с поклажей я могу вести и под уздцы.

— Возьмем ее сбрую, — предложил Крис. — Какой смысл тебе тащить все, когда мы идем налегке.

Скиф с радостью принял предложение, и они вместе зашагали по тропинке, ведущей к Приюту — Крис с седлом и потником на плече, Тэлия — с уздечкой, Скиф — с седельными сумками.

— Я доставил вам двоим настоящий ворох, — сказал он, когда они подошли к Приюту. — как вещей, так и новостей. Надеюсь, вы готовы.

— Более чем готовы, — заверила его Тэлия. — Мне изрядно поднадоело рассказывать изо дня в день одно и то же.

— Можно подумать, я не знаю! Ну, у меня куча новостей, личных и общественных, больше, чем вы можете себе представить. Что желаете сначала — новости или вьюки?

— И то и другое, — сказал Крис с очаровательной улыбкой ребенка. — Ты можешь рассказывать новости личного характера, пока мы будем радоваться конфеткам.

— Почему бы и нет? — со смешком сказал Скиф. — Начну с Коллегии, а потом буду расширять охват.

Первая новость состояла в том, что Гэйта и Мери поразили почти всех, неожиданно решив пожениться. Они обручились как раз перед отъездом Скифа и собирались сыграть свадьбу осенью. При этом известии у Криса отвисла челюсть, но Тэлия, припомнив кое-что из того, что она видела во время каникул, еще в студенческую пору, кивнула, не слишком удивленная.

Минувшей зимой Керен сломала бедро. Она поскользнулась и неудачно упала, пытаясь вызволить жеребенка-Спутника из-под упавшего дерева (жеребенок перепугался до одури, но в остальном вышел из испытания невредимым. Чего явно нельзя сказать о Керен). Шерил взяла на себя обязанности Керен в качестве преподавателя верховой езды в дополнение к собственной нагрузке. Когда кости Керен срослись, та решила, что в любом случае приближается пора подумать о подготовке преемника, поэтому в настоящее время они ведут занятия вместе.

Альберих наконец-то почти оставил преподавание — теперь он занимается только с наиболее одаренными учащимися; на свое место он назначил Джери, что никого не удивило.

Нынешней весной Спутники Избрали двадцать юнцов — рекордно большое число. Впервые за много лет Коллегия оказалась заполненной до отказа. Никто не знает, радоваться ли такому внезапному наплыву Избранных или же мучиться дурными предчувствиями: последний раз Коллегия была полна во времена отца Селенэй; тогда вскоре на восточной границе разразилась Тедрельская война с Карсом, и, когда она закончилась, то потребовались все до одного студенты, чтобы заменить Герольдов, которые ушли в Гавани.

Элспет показывала неожиданно хорошие успехи в учебе; Тэлия очень обрадовалась, услышав это. Элкарт пересмотрел очень напряженное расписание девочки и значительно разгрузил его, а Элспет ответила тем, что на оставшихся занятиях стала вкалывать, как сущий дьявол. Похоже, она полна решимости доказать, что благодарна за передышку и что не собирается отлынивать от обязанностей.

О дворе известий было мало, но все плохое. Жернова слухов вращались без устали, перемалывая главным образом все, что относилось к Элспет и отсутствующей Тэлии. Примерно половину составляли

вариации сплетен, которые Крис и Тэлия уже слышали, остальное касалось предполагаемой непригодности Элспет для трона — она-де чересчур доверчива, у нее слишком мальчишеские повадки, она недостаточно умна... и чрезмерно зависит от Герольдов вообще и Тэлии в частности, которая и принимает за нее все решения.

Крис заметил тень боли, которая пробежала по лицу Тэлии, но ничего не сказал.

— Но я твердил всем, кто брал на себя труд поднять сей вопрос, что, кто бы ни распускал такие байки, у него не все дома. Элспет — просто-напросто сорвиголова, вроде Джери, а им ведь страшно хочется считать Джери Наследницей престола! И еще я им сказал, что никому из тех, кто тебя знает, даже в голову не придет, что ты можешь злоупотребить своим Даром! Вот так-то. Ладно, теперь ваша очередь, — распорядился Скиф. — Вы должны рассказать мне всю историю с метелью. Половина Круга строго-настрого наказала мне разузнать все подробности. Если вы хоть что-то пропустите, я не уверен в своей безопасности по возвращении.

Крис рассказал большую часть, начиная с мора в Развилке и до появления Тедрика, умолчав об утрате Тэлией контроля над Даром.

— Звучит мрачновато, — сказал Скиф, когда он закончил. — Странно, что вы не перегрызли друг другу глотки — хотя бы от скуки, если не от чего другого. Но, впрочем, вы были слишком заняты, чтобы соскучиться, — вы ведь раскапывали снег.

Пытаясь удержаться от смеха, Крис поперхнулся вином и едва не задохнулся насмерть.

Тэлия скрыла румянец смущения, принявшись колотить его по спине, а затем вступила в беседу, метнув в его сторону суровый взгляд, от которого с Крисом чуть не приключился новый припадок.

— Хорошо, что у нас была с собой арфа, — сказала она, решительно подавляя настойчивое желание вцепиться Крису обеими руками в горло и придушить. — Музыка очень нас поддержала. И мы выяснили одну очень странную вещь, Скиф. Знаешь ли ты, что вечные рассказы северян о том, что чирры поют, правда?

— Ты слишком долго объезжала свой сектор, — ответил тот с недоверчивой усмешкой.

— Она говорит правду, Скиф, — подтвердил Крис. — Чирры действительно поют... ну, их пение больше похоже на мычание или пение без слов. Но они это делают осознанно, и мне приходилось слышать, как человеческое горло издавало менее мелодичные звуки.

— Доказать можете? Иначе мне нелегко будет убедить остальных, а тем более себя.

— Ты как, собираешься здесь заночевать?

— Если не помешаю.

— Можешь остаться, если вымоешь посуду после ужина, — поддразнила его Тэлия. — Еду мы для тебя приготовим, но тебе не худо бы тоже сделать что-нибудь полезное.

— Пожалуйста; хуже, чем есть мою собственную стряпню, ничего быть не может! — ответил Скиф с тяжелым вздохом. — Во время моей стажировки Дирк наотрез отказался позволять мне готовить после первых двух раз, когда я только испортил продукты. Я его не виню. Я единственный из всех известных мне людей, который может час варить яйцо, а потом оказывается, что оно наполовину подгорело, наполовину сырое!

— Ну, тогда после ужина получишь свои доказательства.

Когда они покончили с вечерней трапезой, Тэлия подозвала чирр от озера, возле которого те паслись, к Приюту, и предъявила доказательства, которых требовал Скиф. Когда из глоток длинношеих выючных животных полились первые звуки, глаза Скифа недоверчиво расширились. Однако, быстро оглядевшись по сторонам, он убедился, что никакого подвоха нет. После первых двух песен он расслабился и признал, что находит странное пение чирр довольно приятным, хотя поначалу и ошеломляющим.

Устав петь, они принялись рассказывать дорожные байки. У Скифа оказался гораздо больший запас

хотел, поскольку благодаря тому, что его назначили курьером, он сталкивался с самыми разнообразными ситуациями (однажды ему пришлось спасти своего связника на месте встречи от некой любвеобильной и не в меру восторженной коровы). Однако посредине истории, которую Скиф считал одной из самых забавных в своем репертуаре, Тэлия внезапно извинилась и весьма поспешно вышла наружу, в ночь.

— Я что, что-нибудь не то сказал? — спросил ошарашенный Скиф, поскольку до того момента Тэлия, судя по всему, наслаждалась рассказом. — Что с ней?

— Я знаю не больше твоего... — начал Крис. Тут ему кое-что пришло в голову. — Погоди-ка минутку. — Он закрыл глаза и мысленно окликнул Тантриса. Получив ответ, слегка улыбнулся, хотя и почувствовал прилив жалости к Тэлии.

— Она скоро вернется, — сказал он озадаченному Скифу. — Когда будет испытывать меньшую... неловкость, скажем так.

— И что сие должно означать? — рассердился Скиф.

— Скиф, твоя Симри — кобыла.

— Что вполне очевидно.

— А Ролан — жеребец, причем жеребец, который не видел Спутника-кобылы несколько месяцев. На случай если ты забыл, Дар Тэлии — эмпатия, и она говорит, что, в отличие от всех нас, ее Спутник всегда с ней — «на заднем плане сознания», как она выражается.

— Что? — Скиф был сбит с толку; потом до него дошло. — Ого. Я и забыл про тот маленький эксперимент, который она провела. Когда между тобой и Спутником такая тесная связь, то заблокироваться невозможно, так?

— Вот именно, невозможно, во всяком случае, на таком уровне. А поскольку тут задействован ее Дар, проблема даже еще более... непреодолима. Насколько я припоминаю, ты только немного Мыслеговоришь, верно? Ну так ты защищен от развлечений Симри. Незачем говорить, что к Тэлии это не относится.

Смешок Скифа прозвучал лишь самую чуточку бессердечно.

— Жаль, что твой Тантрис не кобыла.

— Меня и самого иногда посещала такая мысль, — признал Крис, присоединяясь к его смеху.

Скиф резко посерьезнел.

— Послушай... Крис, я знаю, что это меня не касается, но вы с Тэлией... ну, ты понимаешь?..

— Чертовски верно, не касается, — спокойно сказал Крис. Он предвидел вопрос, предполагая, что Скиф ждет только момента, когда они останутся одни. — Так зачем же ты спрашиваешь?

— Крис, замечать всякое — часть моей работы. И я заметил, что, хотя вы и не льнете друг к другу, как влюбленные голубки, вы оба держитесь друг с другом гораздо непринужденнее, чем любой из вас с кем-либо другим, сколько я помню. — Скиф остановился и помолчал.

— Ты явно собирался сказать больше, продолжай.

— Я в долгу перед Дирком. Я обязан ему жизнью: по всем правилам он должен был бросить нас, когда Симри и я свалились в тот овраг во время моей стажировки. Он не мог знать, что мы все еще живы, а тропу под его ногами с каждой минутой все больше размывало. Но Дирк не ушел. Он шарил под проливным дождем, пока не нашел нас, и, если бы он этого не сделал, я бы сейчас здесь не сидел. Так вот. Всякий раз, как кто-нибудь упоминает Тэлию, он держится очень странно. Он уже начинал чудесить, когда вы уезжали, а с тех пор стало еще хуже. Старый добрый «равнодушный к женщинам» Дирк чуть не вырвал мне сердце и не скормил его мне же, когда я не смог рассказать о вас ничего, кроме слухов, — и я готов прозакладывать свою надежду на Гавани, что беспокоился он не из-за твоего благополучия. Поэтому если вы двое больше, чем друзья, мне нужно знать. Может быть, мне удастся как-нибудь мягко сказать ему об этом.

— О Боги, — слабым голосом сказал Крис, — о Боги. Не знаю, Скиф... Я имею в виду, я знаю, что чувствую сам — а именно, что она мне очень нравится, и все — но не знаю, что чувствует она. И боюсь

выяснять.

— У меня есть подозрение, что ты очень многого недоговариваешь, — заметил Скиф. — Не хочешь сделать полное признание?

— Боги... лучше начать с того, что произошло несколько лет назад... Слушай, причина того, что Дирк притворяется равнодушным к женщинам, в том, что одна из них однажды причинила ему такую боль, что он оказался на волосок от самоубийства. Та сука, леди Нарил. Нас с Дирком тогда только что назначили ко двору. Она хотела заполучить меня, а я не обращал на нее внимания. Поэтому она использовала Дирка, чтобы подобраться ко мне.

— Можешь мне не рассказывать — она изображала с ним милую, бесхитростную девочку. Она и со мной пробовала тот же трюк, но я уже знал что к чему.

— Жаль, что Дирк не знал. К тому времени, как я выяснил, что происходит, было уже слишком поздно. Он бился, как выброшенная на берег рыба. Она воспользовалась им, чтобы устроить со мной встречу, а на ней предъявила мне ультиматум: или я становлюсь ее комнатной собачонкой, или она превратит жизнь Дирка в ад. К сожалению, она упустила из виду тот факт, что Дирк был не только увлечен ею, но и ревновал. Он остался неподалеку и все слышал.

— Боги Милостивые! — только и смог выговорить Скиф.

— Вот именно.

Крис закрыл глаза, пытаясь отогнать от себя воспоминание о том, как выглядел Дирк, появившись перед ними. Зрелище было страшное. У него даже глаза казались мертвыми. Но то, что затем последовало, оказалось еще хуже. Крис поспешно ретировался, а когда он ушел, Нарил смешала Дирка с грязью. Если бы он только знал, ни за что не оставил бы их одних...

— Но...

— Он был раздавлен, совершенно раздавлен. Думаю, только Ахроди удержала его от того, чтобы броситься в реку той же ночью. А теперь ты говоришь, что он ведет себя словно...

— Словно человек, почуввавший любовь-судьбу, если хочешь знать правду. Он близок к одержимости.

— Тэлия выказывала те же признаки, но сейчас... я просто не знаю, Скиф. Мы... начали спать вместе во время того бурана. Было еще множество других осложнений, в подробности которых я не буду вдаваться, и сейчас я не знаю, что она чувствует. Но я до смерти боюсь, что она зациклилась на мне.

А ведь он — лучший друг Дирка. Боги, Боги, все повторяется снова...

— Ну и что же ты намерен предпринять? — спросил Скиф.

— Собираюсь порвать, только и всего, прежде, чем дело пойдет слишком далеко. Если между ними действительно любовь-судьба, то, когда увлечение будет подавлено в зародыше, Тэлия снова повернется к Дирку, словно стрелка компаса. Но ради Богов, не рассказывай Дирку ничего. — Крис потер лоб: он чувствовал себя почти больным от угрызений совести.

— Можешь не бояться... — Скиф осекся и многозначительно кивнул на дверь за спиной у Криса.

Вошла Тэлия и села на свое прежнее место; выглядела она гораздо спокойнее и уравновешеннее.

— Лучше? — вполголоса сочувственно спросил Крис.

— Гораздо, — вздохнула она, потом повернулась к Скифу:

— А что до тебя, вредитель, надеюсь, ты готов к тому, что через парочку месяцев тебе придется нянчиться с беременным Спутником!

— Ну, Тэлия, — бессердечно фыркнул тот, — Симри развлекалась с каждым жеребцом, с которым мы встречались, и ничего такого пока не случилось.

— Ролан тебе не «каждый» жеребец, — сообщила Тэлия, ехидно скривив губы. — Так тебе и надо за то, что не предупредил меня, самодовольный садист. Разве ты забыл уроки истории и необычайную плодовитость рожденных Рощей жеребцов — а в особенности Спутника Королевского Герольда?

— Копье Керноса! Я и не подумал об этом! Оба, Крис и Тэлия, рассмеялись, увидев физиономию Скифа.

— Готов поспорить на полный мех вина, что Симри тоже не подумала, — прибавил Крис.

— Ты только что выиграл, — сказал Скиф, шаря за спиной в куче своих пожитков и перебрасывая Крису кожаную флягу. — Ну да ладно... нет худа без добра. Я не смогу разъезжать, как прежде, зато избавлюсь от необходимости самому себе стряпать. Пожалуй, надо подумать, как я смогу пригодиться при дворе и Коллегии. Надеюсь, Терену нравится быть курьером — он сейчас единственный, кто свободен: курс Ориентации для новой малышни уже закончился.

Он залез в свою походную постель с довольно задумчивым выражением на лице.

Следующий день Крис и Тэлия посвятили запоминанию того, что сообщал им Скиф. Вскоре после полудня, когда оба выучили все назубок, Скиф уложил то небольшое, что составляло его собственные пожитки и снаряжение, и пустился в обратный путь.

— Как много ты ему рассказал? — спросила Тэлия, глядя ему вслед.

— Только то, что у нас были осложнения, в подробности которых я вдаваться не буду, сказать пришлось — он заметил, что ты не слишком хорошо выглядишь. Больше ничего. — Но он искоса бросил на Тэлию очередной странный взгляд.

— Господи... бедная Элспет, одна против своры проклятых сплетников! Боги, мне так нужно быть там, а я не могу...

— Точно. Не можешь. Тебе сейчас от возвращения пользы не будет, а ей может даже повредить.

— Знаю, но все равно хочется...

— Посмотри на дело так: за всеми слухами, что должны пойти о нас с тобой, теперешние, возможно, позабудутся.

— О, Боги, — Тэлия залилась краской, — неужели я не имею права на личную жизнь?

— Будучи Герольдом — нет.

Они пошли обратно к Приюту; Крис размышлял о чем-то — Тэлия видела это по замкнутому выражению его лица, чувствовала по смятению и озабоченности, которые таились под поверхностью его мыслей.

Озабоченность Тэлия разделяла. Она не знала точно, что беспокоит Крису, за исключением того, что это как-то связано с ней — и Дирком. И гадала, не является ли его состояние признаком того, что ее худшие опасения верны и чувство Крису к ней действительно стало гораздо серьезнее, чем он планировал.

Тэлии не хотелось ранить его чувства, но, пропади все пропадом, ей нужен не он! Если бы только он поговорил с ней...

Они читали пачки писем в молчании. Тэлия получила в основном короткие записки, да и то немного. Однако последнее письмо совершенно поставило ее в тупик: судя по толщине пакета, оно было огромным, и, однако, почерк показался Тэлии незнакомым. Она нахмурилась, на миг припомнив злые времена, когда ей каждый день приходили гнусные анонимные письма. Потом заставила себя успокоиться и сломала печать, говоря себе, что ничто не помешает ей швырнуть письмо в огонь, если оно окажется того же сорта.

К ее потрясению и радости, пакет пришел от Дирка.

Само письмо было не очень длинным, выражения — ходульными и казенными, и все же от одного сознания того, что его написал Дирк, Тэлию охватила радостная дрожь. Содержание оказалось довольно простым: он писал, что надеется, что ее тесное сотрудничество с его напарником приведет к более тесной дружбе между ними троими, поскольку их объединяет общий интерес к музыке. Именно в свете этого общего интереса он, Дирк, и взял на себя смелость написать ей. Его назначили в сектор, где находится большинство бумажных мануфактур и книгопечатен королевства, сектор, считающийся столицей Гильдий Печатников и Граверов. Что означает, что ноты и книги, которые в других местах достать трудно, здесь

считаются вещью сравнительно обычной. Он, Дирк, купил себе очень много новых песенников и подумал, что Тэлия и Крис тоже должны получить по экземпляру.

Взволновало и одновременно обеспокоило Тэлию то, чего Дирк не написал. Письмо было настолько учтивым, что могло либо отражать вежливое безразличие к ней, либо являться попыткой скрыть навязчивую мысль того же рода, что владела и Тэлией.

И все же то, что он послал ноты Тэлии, а не Крису, представлялось определенно странным.

Крис смущенно кашлянул; Тэлия подняла голову и встретила его взгляд.

— В чем дело? — спросила она.

— В письме от Дирка, — отвечал Крис. — Обычно я получаю хорошо если страничку, ну, может, две — но сие размерами опасно приближается к эпосу!

— Странно.

— Еще мягко сказано. Он треплется о пустяках, достойных бабкиных ярмарочных сплетен, и самое интересное — то, о чем он умалчивает. Он выписывает всевозможные словесные выкрутасы, изо всех сил стараясь ни словечком не обмолвиться о моем стажере. Для письма таких размеров задача непростая! О тебе он упоминает только в самом конце, и затем лишь, чтобы сообщить, что послал тебе ноты кое-каких песен, которые мы все, может быть, захотим когда-нибудь попробовать исполнить вместе. Можно подумать, он боится написать твое имя из страха, что что-то выдаст.

Тэлия проглотила внезапно вставший в горле комок.

— Вот ноты, которые он прислал, — сказала она, отдавая Крису пакет.

— Светлые Гавани, они, должно быть, обошлись ему в целое состояние! — Крис принялся раскладывать ноты на две стопки — одну для себя, другую для Тэлии, — и тут из пачки что-то выпало.

— Хм, а это что такое? — Он поднял упавший предмет, оказавшийся тонкой книжечкой в переплете из коричневой кожи. Крис пролистал ее.

— Она, вне всякого сомнения, предназначалась для тебя, — серьезно сказал он, вручая книжку Тэлии.

Книга была сборником баллад, среди которых имелся и длинный вариант «Солнца и Тени».

— Откуда ты знаешь, что он не купил ее для себя? — с сомнением спросила Тэлия. — Или для тебя?

— Потому что случайно знаю, что у него есть два экземпляра этой книги, оба в синем переплете — кстати, синий — его любимый цвет. Один он хранит у себя в комнате, другой путешествует вместе с ним. И Дирк знает, что у меня такой сборник есть, поскольку именно я ему его показал. Нет, он оказалась среди нот не случайно — и это, несомненно, и есть та причина, по которой Дирк послал их тебе, а не мне.

— Но...

— Тэлия, у меня есть к тебе разговор. Серьезный.

Боги... вот оно, началось.

— Я... — начал Крис с таким страдальческим видом, словно его растянули на дыбе. — Слушай, ты мне очень нравишься. Я считаю, что ты одна из самых милых дам из всех, носящих Белое. И мне, вероятно, ни в коем случае не следовало позволять тебе увлечься мной.

— Что? — переспросила Тэлия, не в силах сразу понять, что именно он пытался ей сказать.

— Дирк стоит двадцати таких, как я, — упрямо продолжал Крис, — и если ты остановишься и поразмыслишь, то поймешь, что я прав. В наших с тобой отношениях ты видишь больше, чем есть... чем может быть. Я просто не могу дать тебе ничего, кроме дружбы, Тэлия. И не могу позволить тебе загубить собственную жизнь и жизнь Дирка, позволив думать, что...

— Ну-ка, черт побери, погоди минутку, — перебила его Тэлия. — Ты что, думаешь, что я влюбилась в тебя?

Ее реакция, похоже, удивила Криса.

— Конечно, — ответил он. Оскорбительно будничным тоном.

Копившееся внутри Тэлии напряжение наконец дошло до предела. Она мирилась с порой прорывавшейся покровительственностью Криса, слегка снисходительным видом, который он напускал на себя всякий раз, когда дальнейшие события показывали, что какое-то его решение, против которого Тэлия возражала, было правильным. Туда же прибавилось и подспудное неприятие невысказанного убеждения Криса, что установление контроля над ее Даром является теперь в основном вопросом «воли», а не медленного восстановления того, что было исковеркано до неузнаваемости.

И именно словечко «конечно» стало искрой, от которой вспыхнул пожар. Тэлия гневно повернулась к Крису, бессознательно сжимая кулаки.

— Конечно? Только потому, что все остальные женщины падают, изнывая от страсти, к твоим ногам? Ты что, думаешь, у меня своего ума нет?

— Ну... — ответил пораженный Крис, явно намереваясь сказать что-то, чтобы утихомирить ее.

— Ты... ты...

Тэлия не могла подобрать слов. Все последнее время она изводилась, беспокоясь о нем, о том, как бы не ранить его чувства. А он пребывал в блаженной уверенности, что уже только потому, что она спит с ним, она наверняка в него втрескается. Даже сейчас он все еще ошеломлен, совершенные черты лица отражают столь же совершенное изумление.

Тэлия отвела назад правую руку и совершенно замечательно заехала кулаком точно в его замечательный подбородок.

Крис обнаружил, что таращится на Тэлию снизу вверх, сидя на земле перед дверью в Приют, причем по ощущениям похоже, что у него вывихнута челюсть.

— Ах ты самодовольный павлин, уважь-ка меня, встань, сделай милость! По крайней мере, — прорычала Тэлия, — на сей раз ты не можешь обвинить меня в том, что я злоупотребила своим Даром!

Крис поднял руку и пощупал челюсть, чувствуя легкое головокружение.

— Нет. Удар был физический, определенно...

Но к тому времени, как он договорил, Тэлия уже развернулась на каблуках и канула в темноту по направлению к крошечному озерцу. Когда Крис очухался и бросился вдогонку, ее уже и след простыл, только рядом с одеялами, которые они расстелили на берегу днем, лежала кучка одежды.

Теперь Крис начал злиться — в конце концов, он не хотел ее оскорбить! — и к тому же немного беспокоиться. Он принялся торопливо сбрасывать с себя одежду, чтобы плыть за Тэлией. Уже бредя по мелководью, увидел, что через озерцо по направлению к нему что-то движется. Прежде, чем Крис догадался, что она задумала, Тэлия выдернула из-под него ноги, и он ухнул под воду. Кашляя и отплевываясь, Крис вынырнул на поверхность и увидел, что она покачивается на волнах неподалеку, но как раз вне пределов досягаемости.

Она смеялась над ним.

— Паршивка! — заорал он и яростно бросился в воду вдогонку за ней. Однако когда он достиг того места, где находилась Тэлия, ее там уже не оказалось, и поверхность пруда была спокойной. Крис озираясь в тусклом вечернем свете, пытаясь обнаружить ее, когда ухватившие его за лодыжки руки послужили своевременным предупреждением, чтобы он задержал дыхание. Его снова утанули под воду, и снова Тэлия ускользнула прежде, чем он успел коснуться ее хоть пальцем.

На сей раз, вынырнув и отдуваясь, Крис не стал сразу бросаться за ней. Когда он не сдвинулся с места, Тэлия насмешливо крикнула:

«Это тебя, знаешь ли, не спасет», нырнула и исчезла из виду.

Крис ждал, когда она появится на поверхности, готовый схватить ее, прежде чем она точно определит, где он находится. Когда Тэлия не появилась, он стал ждать токов воды, которые укажут ему, что

она где-то поблизости.

Но ничего не происходило, и он начал немного беспокоиться. Тэлия оставалась под водой страшно долго. Крис бросился туда, где видел ее в последний раз.

Не успел он сдвинуться в места, как Тэлия вынырнула прямо у него за спиной. Надавив ему на плечи, она увлекла его под воду. Он вырвался, молотя руками и ногами, вынырнул на поверхность и обнаружил, что Тэлия находится на какой-то вершок дальше, чем он может дотянуться.

— Значит, я влюбленная дура, да? Клуша, да? Так почему же ты не можешь меня поймать?

Крис ринулся к ней, энергично молотя руками по поверхности пруда. Тэлия, казалось, не прилагала и половины таких усилий, и все же стремительно рассекала воду, с раздражающей легкостью оставаясь вне пределов досягаемости. Время от времени она скрывалась из виду, что служило Крису сигналом, что ему лучше задержать дыхание, поскольку вскоре после ее исчезновения он обычно снова оказывался под водой в результате толчка или рывка.

И как он ни старался, даже тут ему не удавалось схватить ее.

Наконец он спасся бегством на мелководье и стал ждать, когда Тэлия последует за ним. Теперь зол был он; зол, унижен и готов разорвать ее на клочки.

Тэлия, роняя капли воды, поднялась из озера как раз на таком расстоянии, чтобы он не мог ее достать. Крис свирепо поглядел на нее...

И вдруг понял, что поставил себя в еще худшее положение, чем раньше. Он совершенно обнажен... он, вероятно, может вбить Тэлию в землю, как колышек от палатки, если ему удастся ее схватить, но если у нее появится хоть малейшая возможность ударить коленом...

О, она сможет сделать ему больно.

Злость, досада и смущение бушевали, сменяясь, внутри Криса, пока его не затрясло си-противоречивых чувств — а Тэлия яростно смотрела на него, такая же злая, как он сам. И тут она восприняла часть его внутреннего смятения — и рухнула на колени, безудержно хохоча.

Гнев из Криса вытек, словно вода из горсти.

Он совершенно выдохся; он понял это, когда гнев перестал придавать ему сил. Он повернулся к Тэлии спиной, вылез из воды и рухнул на разостланное на берегу одеяло, не потрудившись даже дотянуться до полотенца или одежды.

Лежа лицом вниз и хватая ртом воздух, он услышал за спиной шаги.

— Хватит... пожалуйста! — простонал он. — Ты победила; я проиграл. Я идиот. И хам. Перемирие!

— Слишком легко сдаешься. — Тэлия засмеялась горловым смехом, похожим на кошачье мурлыканье. — И получил ты по заслугам. Керен права: по временам ты начинаешь воображать, что все должно быть по-твоему, и тебя следует проучить.

Она уселась рядом с ним, и Крис повернул голову настолько, чтобы увидеть, что она надела свою короткую нижнюю сорочку и яростно вытирает голову полотенцем.

— Где ты научилась так плавать?

— У Шерил, — ответила Тэлия. — О, плавать я умела сизмальства, но тогда это сильно походило на то, что делаешь ты: много махания руками и мало толку. После того случая, когда меня бросили в реку, Альберих отрядил Шерил, чтобы та научила меня более путному способу плавания, а также тому, как не утонуть почти ни при каких обстоятельствах. На следующую зиму она устроила мне «выпускной экзамен», столкнув меня с моста в полном обмундировании. По всей очевидности, экзамен я выдержала, хотя сапоги мои, вероятно, и по сей день покоятся где-то на дне реки. Хорошо, что к тому времени я из них уже почти выросла.

— Напомни мне никогда не злить ни тебя, ни ее, находясь вблизи воды.

— Включи сюда же и Керен. Она плавает не хуже. Бедный обиженный Крис. — Крис почти видел, как

ее глаза искрятся озорством. — Ты что, наполовину захлебнулся?

— На три четверти. И совершенно выдохся.

— Прости, но в последнем я сомневаюсь. — Тэлия легонько провела пальцем вдоль его позвоночника.

Крис заскрипел зубами и остался недвижим, изо всех сил стараясь игнорировать до дрожи приятные ощущения, которые вызвало ее прикосновение. Когда он не откликнулся ничем, кроме пупырышек на коже, Тэлия просто снова рассмеялась и начала легонько поглаживать его от шеи до колен.

Крис решил не сдаваться и силился сохранять спокойствие.

— Упрямисься, да? — хмыкнула Тэлия. Прежде, чем Крис догадался, что у нее на уме, она начала ласкать его так, что все его первоначальные намерения разлетелись в прах.

— Ведьма! — свирепо сказал он и перевернулся так быстро, что ему удалось подмять Тэлию под себя.

— Я думала, что тебе полагается быть совершенно выдохшимся.

— Я тебе покажу, как я выдохся, — пробормотал Крис и начал в свою очередь мучить ее, дразня и играя с каждым клочком ее тела, до которого мог дотянуться. Тэлия только посмеивалась воркующе и платила ему той же монетой. Крис держался так долго, как только физически мог, но развязка была предreshена. Когда все кончилось, с обоих капал пот; оба насытились и устали.

— Владыка Огней, — сказал Крис, когда снова оказался в состоянии говорить. — Если это пример того, что делает с тобой Ролан, то я рад, что Тантрис не кобыла! Иначе к тому времени, как мы закончили бы объезжать сектор, от меня осталась бы одна тень!

Вместо ответа Тэлия вздохнула, поднялась, сделала несколько шагов к краю пруда и грациозно бросилась в воду.

Когда она возвратилась, чистая, усеянная сбегающими капельками воды, к ней, похоже, уже вернулось более спокойное настроение. Крис наскоро окунулся сам, и к тому времени, как он вышел на берег, Тэлия уже снова вытерлась насухо и надела безрукавку, чтобы защититься от прохладного ветерка. Крис растерся полотенцем и вручил ей флягу, которую оставил им Скиф. Тэлия сделала длинный глоток и вернула ее.

— Значит, сегодня Канун Середины Лета, да? Мы в Усадьбах никогда не праздновали Середину Лета, — сказала она. — А после того, как меня Избрали, я всегда оставалась на каникулы в Коллегии.

— Не праздновали Середину Лета? Но почему? — удивленно спросил Крис.

— Потому что, по словам Старейшин, она не имеет религиозного значения и является не более чем легкомысленным и бесстыдным оправданием распутства. Кстати, это цитата. А что обычно делают в Канун Середины Лета?

— Ваши Старейшины не совсем не правы. — Крис не смог сдержать улыбку. — На закате в Канун Середины Лета в лесах устраивают пирушки. Поначалу люди всегда собираются большими группами, но к этому часу обычно уже разбиваются на парочки. Оправданием желанию спать под открытым небом служит то, что для того, чтобы утром найти самые свежие цветы, надо ночевать в лесу. Хочешь верь, хочешь не верь, но, когда наступает утро, многим действительно удастся набрать цветов. Тэлия сделала большой глоток из фляги.

— Для сердечной подружки? — Вероятно, она не хотела, чтобы ее слова прозвучали цинично, но вышло именно так.

Крис слишком устал, чтобы обидеться.

— Нет, для любой женщины, неважно, для кого. Нет ни одной девочки, женщины или старухи, которая не получила бы венка или букета; тем, у кого нет родственников, их дарит любой, кто может претендовать хотя бы на самое отдаленное с ними знакомство. Не обходят никого, ни старых, ни малых. Женщины-матери или те, кто собирается ими стать, получают к тому же корзины фруктов. На второй день в лесах снова происходят пикники — на сей раз семейные, несколько более благопристойные, а вечером

начинаются музыка и рассказы. Барды обожают праздник Середины Лета: они-то уж точно уходят с полными карманами монет, цветами в волосах и под ручку с юными барышнями или молодыми людьми. Все очень похоже на празднование Дня Рождения, но в большем масштабе.

— Крепковеры и Дней Рождения не отмечают — только читают наставление об обязанностях, — без выражения сказала Тэлия.

— А когда твой День Рождения? — любопытствовал Крис.

— В Канун Середины Лета. Сегодня. Чем, вне всякого сомнения, и объясняется, почему я такое исчадие дьявола: дурной вкус — родиться в столь развратную ночь.

— Так вот почему ты так странно себя вела! — Крис ухватился за повод изменить ее настроение. — Надо было мне сказать!

— Я веду себя, как изрядная мерзавка, не правда ли? Прости. Сначала сатанею и сбиваю тебя с ног, потом делаю из тебя дурака, превосходно зная, что могла бы, наверно, плавать вокруг тебя кругами, пока ты за мной гоняешься, потом наполовину тебя топлю, а в заключение делаю все от меня зависящее, чтобы испортить остаток вечера, начав киснуть. Я веду себя отвратительно и прошу прощения.

— Ты достаточно часто терпела мои перепады настроения. Тебе положено и самой иногда отвести душу.

— Ну что ж, думаю, я свое наверстала лет на сто вперед, а то и с гаком.

— Мне жаль, что я не поговорил с тобой о... нас с тобой... раньше, — сказал Крис, пока фляга переходила из рук в руки.

— И мне жаль. Я бродила в потемках — я ведь боялась, что повлияла на тебя, заставила в меня влюбиться. Не могла понять, чего ради ты стал бы заниматься со мной любовью, если не потому, что твои чувства искажил мой Дар. Я ведь не то чтобы дар богов для мужчин. И в нашей поездке я в основном была тебе обузой.

— О Боги... — Крис долго не мог подобрать слов Наконец он протянул Тэлии флягу и перехватил ее руку, когда она сделала движение, чтобы взять ее.

— Тэлия, ты в высшей степени милый и очаровательный человек; я неравнодушен к тебе, потому что ты этого заслуживаешь, а не потому, что попал под воздействие твоего Дара. Очень может быть, что Дирк полюбил тебя на всю жизнь — и если так и есть, я буду страшно рад. Сбудется одно из моих заветных желаний — чтобы вы оба нашли себе достойных партнеров. А если бы оказалось, что вы подошли друг другу, я вообще стал бы одним из счастливейших людей в королевстве.

— Я... — нерешительно сказала Тэлия, — я просто не знаю, что сказать.

— Только не бей меня больше. Вот результат нехватки слов, с которым я бы предпочел больше не сталкиваться. Ну, что еще тебя беспокоит?

— Я устала. Устала от того, что мне приходится бороться за то, что всем остальным, по-видимому, дается легко. Устала от того, что ответственность за все это чертово королевство висит у меня на шее. Устала быть одна и сражаться в одиночку.

— Ну...

— Слушай, я знаю, что так и должно быть, но я не обязана улыбаться и притворяться, что мне это нравится! И наконец, я чувствую себя отвратительно, потому что никто никогда не дарил мне венков на Середину Лета и подарков на День Рождения.

— Имеет смысл.

Фляга опустела уже более чем наполовину, пили они поровну, и Крису все начинало видаться в очень приятном тумане.

— Какой такой смысл? — раздраженно осведомилась Тэлия.

— Потому что если бы ты могла получить то, чего тебе хочется, ты бы не расстраивалась, но ты не

можешь и поэтому расстраиваешься. — Крису это показалось блистательным умозаключением, и он с наслаждением посмаковал свое высказывание.

Тэлия потрясла головой, пытаясь уразуметь смысл последнего заявления.

— До меня почему-то не доходит, — пожаловалась она.

— Дойдет, когда выпьешь еще. — Крис передал ей флягу.

Вместе с последней каплей напитка исчезло и плохое настроение.

— Я осень... очень... рад, что у нас здесь есть на чем шпа... спать, — выговорил Крис. — Так гура... гораздо лучше, и звезды видны, а я все равно больше ходить не могу.

— Звезды — это хорошо, — согласилась Тэлия. — А не ходить — еще лучше.

— Видишь Телегу?

— Кого?

— Телегу — во-он те жвезды, прямо над той высокой сосной. Пять жвезд — кузов и ось, две — колеса, три — дышло.

— Погоди минутку. — Тэлия уставилась на звезды, стараясь сложить их в нужную форму, и очень обрадовалась, когда это наконец удалось. — А остальные — что?

— Сразу за Телегой — Охотник. Там две малюсенькие звездочки — пояс, еще две — плечи, четыре — ноги... — Тут по ровному дыханию Тэлии стало ясно, что она уснула.

Крис дотянулся до второго одеяла и укрыл их обоих, не слишком потревожив свою голову, в которой все кружилось. Улегся, собираясь немного подумать, — но подумать удалось именно немного, поскольку вскоре и он погрузился в сон.

На следующее утро Крис проснулся раньше Тэлии и вспомнил вчерашний разговор. Очень осторожно вылез из-под одеяла, стараясь ее не разбудить, и отправился в лес с целью предпринять тайный розыск.

Тэлию разбудил витающий вокруг невероятно тонкий аромат. Она открыла затуманенные сном глаза, чтобы выяснить, откуда он исходит, и обнаружила, что кто-то положил у нее в головах букет цветов.

— Что? — сонно сказала она, пытаясь понять, с чего вдруг возле нее взялись цветам. — Кто?

— Радостной Середины Лета тебе, Герольд Тэлия, и чудесного Дня Рождения к тому же, — весело сказал Крис откуда-то сзади. — Жаль, что другие твои друзья не смогли принести тебе скромные подарки, но ты должна признать, что мы и вправду находимся далековато от большинства из них. Надеюсь, ты примешь цветы как знак моих глубочайших извинений за то, что оскорбил тебя вчера вечером. Я не хотел.

— Крис! — воскликнула она, садясь, беря букет и жадно вдыхая изысканное благоухание. — Тебе не нужно было этого делать...

— А вот и нужно. Что же была бы за Середина Лета, если бы я не собрал хотя бы одного букета. Кроме того, запах, которым ты так наслаждаешься, считается могучим средством от похмелья.

— В самом деле? — рассмеялась Тэлия.

— Понятия не имею, — сознался Крис. — Мое похмелье всегда включает в себя в качестве составной части заложенный нос. А что же ты не взглянешь на стебли?

Букет скрепляло серебряное кольцо в форме двух встретившихся в пожатии рук. Такой знак Герольды дарили только самым близким друзьям.

— Крис... Не знаю, что и сказать...

— Тогда скажи: «Спасибо, Крис, я принимаю твои извинения».

— Спасибо тебе, милый, и я действительно принимаю твои извинения — если ты принимаешь мои.

— С превеликим удовольствием, — сказал Крис, одаривая ее веселой ухмылкой. — Сердечко мое, я собирался подарить тебе его на Середину Зимы, но поскольку ты сказала, что никогда не получала

подарков на День Рождения, я не мог упустить такого случая. И, черт побери, лучше, чтобы оно пришлось тебе впору — ты не поверишь, как трудно выяснить размер кольца для человека так, чтобы он о том не узнал! Носить его положено на правой руке, птичка; левая предназначена для других целей.

Тэлия надела кольцо, поклявшись про себя выяснить, когда День Рождения Криса, чтобы вернуть ему подарок с лихвой.

— Как раз, — сказала она, когда Крис уселся рядом с очень довольным видом.

Тэлия обняла его, впервые за много месяцев чувствуя себя совершенно счастливой, и нарочно приоткрыла узенький канал эмоционального контакта между ними, чтобы Крис узнал то, чего она не могла выразить словами.

— Ух ты... такое опьяняет еще почище того, что мы пили вчера, маленькая птичка!

Тэлия поняла намек и снова перекрыла канал, но ей ясно было, что Крис получил большое удовольствие от неожиданной короткой встряски.

— Что это за цветы? В жизни не встречала такого замечательного запаха! Мне кажется, я могла бы жить, питаясь только их ароматом.

— Маленький северный цветок, растущий далеко в лесу, он цветет только в это время года. Называется «девичья надежда». Я подумал, что тебе он может понравиться.

— Страшно нравится. — Тэлия продолжала с полужакрытыми глазами вдыхать аромат букета. Крис, развеселившись, подумал, что она сильно смахивает на молодую кошечку, впервые повстречавшуюся с кошачьей мятой, о чем ей и сказал.

— Не могу объяснить... они пахнут, как восход солнца, как чудесный весенний день, как заветное желание...

— Как насчет «как завтрак»? — шутливо отозвался Крис.

— Завтрак? Ах вот оно что, значит, таково твое заветное желание... — Тэлия рассмеялась и поднялась на ноги. — Сегодня моя очередь, так что, полагаю, мне лучше вознаградить тебя за то, что ты так потрясающе мил со мной после того, как я пыталась убить тебя вчера вечером.

— А поскольку ты, похоже, влюбилась в эти цветы, я прослежу, чтобы они были в твоём свадебном венке, даже если мне придется лично вырастить их в теплице.

— Я думала, ты на такое не способен. — Тэлия выдернула из букета один из кремово-белых цветов и заткнула его за ухо.

— Ради тебя, птичка, я готов на все. Я никогда не нарушаю обещаний, если могу, а нынешнее обещание определенно намерен сдержать.

— Тогда мне лучше сдержать свое обещание приготовить завтрак. Где я возьму цветы, если позволю тебе загнуться от голода?

Они собрали разбросанные вещи и рука об руку вернулись к Приюту.

Глава 12

Над головой кричали улетающие на юг гуси. Стоял редкостный, великолепный день золотой осени — слишком чудесный, чтобы сидеть в четырех стенах, и поэтому Тэлия и Крис выслушивали ходатайства и жалобы, расположившись за выставленным перед дверью трактира деревянным столом. Последним просителем оказался маленький мальчик, державший под уздцы здорового тяжеловоза; он передал Герольдам послание.

Тэлия пробежала письмо глазами и, не говоря ни слова, передала его Крису. Пока тот молча читал, запыленный мальчишка-посланец беспокойно ворошил ногами кучу золотой палой листвы.

Крис вернул послание Тэлии; та облокотилась о шероховатую деревянную столешницу и положила подбородок на руку.

— Как давно это случилось? — спросил Крис мальчика.

— Дня два как, — ответил тот, пятерней отбрасывая с глаз непослушные темные волосы. — Но распря, та уж сколько лет тянется. Все бы ничего, кабы не отравленный колодец. Потому батяня меня и послал. Думает, лучше замиришься сейчас, покуда никого насмерть не уходили.

Тэлия взглянула, на какой высоте стоит солнце; и сделала мысленную прикидку.

— Я за то, чтобы выехать сейчас же, — сказала она наконец. — Твой совет?

Крис смахнул со стола налетевшие листья и глянул через плечо на трактир.

— Больше никаких жалоб и прошений выслушивать не надо, но если мы поедем туда, в глухомань, на дорогу уйдет весь остаток дня. Чтобы наверстать время, нам придется ехать полночи, и у нас не будет возможности пополнить запасы продовольствия до самой Умниковой Переправы.

Щиты Тэлии выбрали именно этот момент, чтобы рухнуть; она с такой силой ощутила тревогу мальчика, что ей пришлось бороться с тошнотой, силясь водрузить блоки на место. Однако заставить защиту работать больше, чем вполсилы, ей не удалось: даже когда щиты обступили ее вновь, Тэлия все еще чувствовала волнение малыша.

— Насколько я понимаю, твои слова значат, что ты считаешь, что нам нужно сейчас пополнить запасы продовольствия и подождать до утра.

— Более или менее.

— Ну а я не согласна; давай закругляться здесь и трогаться в путь.

Они ехали следом за мальчишкой, который казался игрушечным на огромном толстоногом битюге, больше привыкшем тянуть плуг, чем ходить под седлом, и Тэлия отчетливо чувствовала неодобрение напарника.

— Ты позволила мальчику повлиять на тебя, — сказал Крис наконец, глядя, как вокруг ног Спутников и чирр закручиваются маленькие смерчи палой листвы.

— Нет. В здешних местах отравленный колодец — дело серьезное. Факт указывает на то, что ситуация вышла из-под контроля. Ты что, хочешь, чтобы на твоей совести оказались чьи-то смерти из-за того, что мы промедлили день, закупая провизию? — Тэлия говорила шепотом, но сердито.

Крис пожал плечами.

— Мое мнение не имеет значения. Приказы отдаешь ты.

Тэлия вскипела. Последнее время они часто спорили... а нередко спор перерастал в нечто более серьезное. Порой ей казалось, что Крис занимает противоположную позицию из чистого упрямства.

— Ах ты ублюдок, — сказала Тэлия, когда до нее вдруг дошла причина его поведения. Мальчик в изумлении оглянулся на нее. Тэлия понизила голос. — Ты возражаешь мне лишь затем, чтобы узнать, можно ли мной манипулировать, верно?

Крис виновато ухмыльнулся.

— Прости, милая. Это входило в полученные мной указания. Включая и фабрикацию эмоций, поскольку ты можешь их улавливать. Посуди сама, если кто и может повлиять на твои решения, то твой руководитель. Но раз ты теперь знаешь...

— Ты можешь прекратить устраивать мне головную боль, — резко ответила Тэлия. — А теперь займемся делом.

— Ты вполне могла бы применить там свой Дар, — сказал Крис, когда они наконец улеглись в постель. Оба устали и замерзли: им пришлось долго ехать холодной безлунной ночью, чтобы добраться до Приюта после того, как распря наконец была прекращена. И много сил и переговоров ушло на то, чтобы прекратить ее.

— Я... я все еще не уяснила себе этики его использования, — медленно ответила Тэлия — Мало того, что я им обладаю и что эмоциональное состояние людей так и тычется мне под нос. Я по-прежнему не знаю по-настоящему, когда его использование оправдано.

— Черт. А что, если бы это был единственный способ решения проблемы? Как бы ты поступила тогда? — Криса тревожила такая перспектива: он боялся, что, если возникнет чрезвычайная ситуация и единственным выходом будет применить ее Дар, Тэлия вполне может окаменеть. А если дойдет до использования его в качестве оружия, то шансов на то, что она окаменеет, окажется еще больше.

— Не знаю. — Тэлия долго молчала, положив голову ему на плечо. — Единственные известные мне люди, которые тоже обладают эмпатией, — Целители, а они никогда не столкнутся с ситуациями, с которыми приходится иметь дело мне. Где же границы?

Крис вздохнул и обнял ее — единственное утешение, которое он мог предложить.

— Я тоже не знаю, птичка. Просто не знаю.

Крис прижался раскалывающейся от боли головой к холодному камню, облицовке очага Приюта. День определенно не относился к числу удачных. Слухи о Тэлии уже распространились повсюду, куда бы они ни приезжали. Хотя нынешнее их посещение Дальногополя было не первым, здешние жители встретили Тэлию с беспокойством и некоторым страхом, а многие — увешавшись талисманами от дурного глаза; они явно не слишком доверяли ее суждениям и способностям.

Тэлия производила исключительно впечатление уверенности, сообразительности и полнейшей надежности, хотя Крис знал, что внутренне она вся дрожала с того самого момента, как они въехали в ворота деревни.

С такой ситуацией ей приходилось сталкиваться снова и снова, каждый раз, когда они въезжали в очередное селение.

Крис почувствовал, как на его плечо легла рука Тэлии.

— Это у меня должна болеть голова, — мягко сказала она, — а не у тебя.

— Черт возьми, хотел бы я, чтобы ты позволила мне что-нибудь сделать...

— Что? Что ты можешь сделать? Прочесть им лекцию? Я должна завоевать их доверие, и завоевать настолько прочно, чтобы недоверие стало выглядеть глупо в их собственных глазах.

— Я мог бы сделать вид, что всем руковожу я.

— О, отличная идея. Тогда они всего лишь станут гадать, не управляю ли я тобой, как марионеткой, — язвительно отпаривала Тэлия.

— Тогда я мог бы поддержать тебя, черт побери! — Крис ответил на злость злостью. Они свирепо палились друг на друга, как пара разъяренных котлов, пока Тэлия не опустила глаза, разрядив таким образом напряжение. Крис проследил направление ее взгляда и увидел, что ее руки крепко сжаты в кулаки.

— Черт. Я уже совсем было собралась наградить тебя еще одним дружеским тычком, верно? —

сказала она огорченно. — Я... Боги, мои щиты не в порядке, а приходится снова и снова сталкиваться с одной и той же картиной... Я дребезжу, как струна арфы, которую слишком сильно натянули.

Сделав усилие, Крис заставил расслабиться собственные мышцы, в том числе и сжатые кулаки.

— У меня должно хватать ума тебя не провоцировать. Рассудком я все понимаю. Ты должна вступить в бой и выиграть его в одиночку. Но эмоционально... мы оба в напряжении, и я не могу избавиться от желания помочь тебе.

— Вот за это я тебя и люблю, павлин ты несчастный, — сказала Тэлия, беря его лицо в обе руки и целуя. — И... Гавани! Подожди-ка здесь... день выдался такой отвратительный, что я совершенно забыла!

Крис озадаченно смотрел ей вслед; она выскочила за дверь Приюта и вернулась, смахивая с плеч снег.

— Я оставила его в седельном кармане, чтобы не забыть, а потом взяла и забыла! — Она сунула ему в руку маленький сверток. — Счастливого Дня Рождения.

— Откуда ты... — Крис искренне удивился.

— Я...

— Разверни, глупый. — Тэлия казалась необычайно довольной собой.

В свертке оказалось кольцо, такое же, как то, что Крис подарил ей много месяцев назад.

— Я... — Крис проглотил вставший в горле комок. — Я его не заслуживаю.

— Черта лысого! Ты заслужил его раз десять и даже больше, пусть даже раз в неделю и вводишь меня в искушение тебя укокошить.

— Всего один раз в неделю? — Крису удалось ухмыльнуться ей в ответ.

— Ты исправляешься... или я исправляюсь. И я не забыла все-таки раздобыть парочку отличных свежих куропаток, медовую ковригу и бутылку очень хорошего вина. — Тэлия обняла его, привстала на цыпочки и поцеловала в кончик носа. — Ну, так мы будем как следует отмечать День Рождения, или как?

И вот пришел черед остановки, которой Тэлия боялась больше всех остальных, — в Вышнезове.

За всю их поездку не выдавалось еще такого приятного зимнего дня: холодный, прозрачный как хрусталь воздух, солнечный свет столь чистый, что казался белым, безоблачное, голубое небо над лишенными листьев белыми ветвями березовой рощи, через которую ехали Герольды. Под ногами искрился снег; воздух был таким чистым и бодрящим, что казалось, будто пьешь охлажденное вино. Тэлия позволила радости дня поднять ей настроение: в конце концов, нет причин думать, что люди в Вышнезове окажутся сколько-нибудь хуже, чем другие, с которыми она имела дело. В высшей степени маловероятно, чтобы кто-нибудь, кроме старого скряги и его жены, помнил ее или то, как она едва не позволила собственным неприятностям отвлечь себя от дела, которое грозило стать серьезным.

Они находились в нескольких милях от Вышнезова, когда в Тэлию внезапно врезалась стена страха, боли и ярости. Она покачнулась в седле, по-настоящему теряя сознание. Крис подхватил ее. Очнувшись Тэлия с ощущением, словно ее ударили боевым молотом.

Крис все еще поддерживал ее, не давая упасть с Ролана.

— Крис... — задыхаясь, выговорила Тэлия, — твое Дальновидение... Посмотри, что в Вышнезове...

Теперь настал ее черед поддерживать его, поскольку Крис усилием воли ввел себя в глубокий транс. В голове у Тэлии все еще звенело от мучительной боли, вызванной эмоциями, с которыми она столкнулась; она полной грудью вдыхала бодрящий воздух, стараясь прояснить сознание и восстанавливая щиты, — и на сей раз, для разнообразия, они заработали, причем в полную силу.

Казалось, Крис едва успел погрузиться в транс, как уже начал силиться выйти из него, заморгал глазами, пытаясь вернуть потерянную ориентацию.

— Северяне... набег... — проговорил он с трудом, все еще не вынырнув из тумана транса, — хотя как

они миновали Печали...

— Проклятие! И никакой помощи ближе, чем в двух днях пути. Сколько их?

— Пятнадцать, может быть, двадцать.

— Думаю, не так много, чтобы мы не смогли справиться...

— Я надеялся, что ты закончишь стажировку, не повидав ни одной стычки, — неуверенно сказал Крис.

Тэлия спрыгнула с Ролана и направилась к чиррам; под ногами у нее скрипел снег.

— Ну, выбора у нас нет: беда пришла, и нам лучше заняться делом.

— Тэлия, я обычный Герольд, но ты-то — единственный Королевский Герольд, который у нас есть...

— И, кроме того, я стреляю лучше тебя, — решительно сказала Тэлия, вытаскивая из выюка Криса его меч и кинжал и подавая ему через мохнатую спину чирры. — Если тебе от этого станет легче, обещаю не сходить с ними врукопашную, если не буду вынуждена. Но ты передал руководство мне, и я говорю, что еду туда, если только ты мне не помешаешь. Десять — пятнадцать для нас двоих не слишком много... вот на одного — может быть.

— Ладно. — Крис принялся пристегивать оружие, пока Тэлия отводила чирр в сторону от дороги. Шагая по поскрипывающему снегу, она завела животных вглубь густой поросли вечнозеленых деревьев, так, чтобы с дороги их не было видно. Там она их не очень крепко привязала, вбирая ноздрями острый запах раздавленной хвои, и, пятась, вышла обратно на дорогу, замечая следы сломанной веткой.

— Скажи им, чтобы оставались здесь до темноты, миленький, — шепнула она, легонько положив руку в перчатке на шею Ролана, чье дыхание вырывалось в морозном воздухе облачками пара. — Если к тому времени мы не вернемся, они могут потянуть за привязь, освободиться и отправляться обратно в последнюю деревню.

Ролан фыркнул, так что перед носом зависли султанчики пара, и пристально посмотрел на заросли.

— Готово?

Он покивал головой.

— А ты как? — Тэлия взглянула на Криса; тот был бледен, губы угрюмо сжаты.

— Нам лучше поторопиться. Они должны были вот-вот выломать ворота.

Тэлия оборвала бубенчики с уздечек обоих Спутников и запихнула в скрипнувшую кожей седельную сумку.

— Поехали.

Они не старались приблизиться потихоньку, просто пустили Спутников карьером и вцепились в них изо всех сил, чтобы не снесло. Мимо проносились белые пригорки и черные стволы; дважды Спутники перемахивали через поваленные деревья, которые местные жители еще не успели оттащить с дороги. Когда они галопом взлетели на последнюю горку, солнце безжалостно осветило во всех подробностях то, что творилось в городке: черный пепел, красная кровь, рыжее пламя — все ярко выделялось на фоне истоптанного снега.

Когда они подскакали, нападающие как раз прорывались сквозь ворота в частоколе. Огромные железные топоры взлетали высоко над головами, с тупым стуком ударяя в неподатливый железный дуб, из которого были сделаны створки. Шум, который производили бандиты, стуча топорами по дереву и испуская воинственные клики, совершенно заглушил цокот копыт. Трое или четверо нападавших лежали мертвыми у частокола; снег под ними пропитался кровью. Ворота рухнули как раз в тот момент, когда два Герольда подскакали на расстояние выстрела из лука, и большинство уцелевших бандитов хлынуло в селение. Однако несколько грабителей еще оставались снаружи; к своему облегчению, Тэлия заметила, что они вооружены только для рукопашного боя — ни луков, ни самострелов у них не было.

Ролан резко остановился, взметнув копытами тучу снега, когда Тэлия не глядя вытянула из колчана, висевшего у луки седла, стрелу и наложила на тетиву. Прицелилась, глядя вдоль древка, чувствуя странное

спокойствие и уверенность в руках, и крикнула — ее звонкий молодой голос перекрыл басистый рык бандитов. Те обернулись; Тэлия, почти не думая, выбрала цель — взблеск бледной кожи над косматой темной шкурой — и выстрелила.

Стрела угодила одному из грабителей прямо в горло. Он схватился за древко; между пальцев заструилась алая кровь, пятная снег под ногами. Потом он упал, а Тэлия уже выбирала следующую мишень: думать было некогда, оставалось только действовать, доверившись интуиции.

Две следующие стрелы отскочили от кожаного нагрудника и иссеченного деревянного щита двоих нападавших, не причинив им никакого вреда. Крис не остановился одновременно с Тэлией, а очертя голову послал Тантриса дальше, влетев в зияющий на месте ворот пролом, пока грабители отвлеклись, защищаясь от стрел прикрывающей его Тэлии. Что, по-видимому, положило конец колебаниям тех, кто еще оставался снаружи: они бросились к девушке.

Она выстрелила еще раз и свалила второго человека, вогнав ему стрелу в правый глаз. Он упал; тут Ролан предупредил ее, что собирается двигаться. Тэлия крепко сжала ногами бока Спутника, он развернулся и, утопая в месиве грязи и снега, поскакал вдоль частокола. Находясь по-прежнему на расстоянии выстрела из лука, развернулся снова, слегка занеся в сторону круп, хлестнув гривой Тэлию по груди. Стрела уже лежала на тетиве; Тэлия прицелилась и уложила третьего, послав ему стрелу прямо в грудь, туда, где от брони отвалилась пластинка.

Порыв ветра перенес через частокол облако едкого дыма; протягивая руку за новой стрелой, Тэлия закашлялась, глаза наполнились слезами. Трое оставшихся нападавших с воем приближались, на бородах и губах белела слюна. Пальцы Тэлии нащупали в быстро пустеющем колчане древко очередной стрелы.

Ближайший, закутанный в засаленные медвежьи шкуры, остановился и размахнулся, чтобы метнуть топор. Мгновенной заминки хватило Тэлии, чтобы прицелиться и отпустить тетиву. Стрела угодила бандиту в горло; падая, он бешено швырнул топор, но попал только в частокол. Тут Ролан бросился на двоих оставшихся.

Тэлия уцепилась за него сведенными до боли ногами и держащей лук рукой. Спутник во весь рост поднялся на дыбы и с огромной силой ударил первого, оказавшегося у него на пути, копытом по голове. Раздался ужасный звук, словно раскололась дыня; Тэлия почувствовала толчок, когда копыта Ролана попали в цель, услышала, как человек тихо, удивленно хрюкнул. Ноздри забил запах крови, страха и застарелая вонь жира и пота. Последний из нападавших находился слишком близко, чтобы стрелять. Тэлия нащупала на поясе метательный нож, выхватила и бросила с близкого расстояния. На разбойнике не оказалось латного нагрудника. Он остановился как вкопанный, с удивлением в глазах, выронив меч и схватившись свободной рукой за грудь. Тупо посмотрел вниз, на торчащую между ребер рукоятку кинжала; потом взгляд его помутнел, и он упал.

Тэлия с Роланом бросились к воротам; она оглянулась посмотреть, не осталось ли позади врагов, и увидела, что за ними тянется красный след.

Городок встретил их сумятицей горящих домов и кричащих людей; они ворвались внутрь и остановились, ослепленные на минуту страхом и дымом. Тэлия скорее почувствовала, чем увидела, что по единственной улице селения несется обезумевший от страха бык, и краем глаза заметила ребенка, бегущего прямо ему под копыта. Ролан ответил на ее мысленный сигнал, крутанувшись так резко, что затрещали суставы, и прыгнув вперед; Тэлия, держась за луку, свесилась с седла и подхватила ребенка, а Ролан плечом оттер в сторону набежавшее животное. Потом сделал еще один скачок, дав Тэлии возможность поставить малыша на крыльцо дома. Криса нигде не было видно — но и бандитов тоже.

Тэлия спрыгнула со спины Ролана и стала перехватывать охваченных паникой горожан; не раздумывая, она принялась насильно успокаивать их с помощью своего Дара и сколачивать из них пожарную команду. Все время она боролась с острым желанием убежать куда-нибудь, где темно и тихо, чтобы ее стошнило. Ей постоянно виделись удивленные глаза умирающего бандита, она чувствовала страх и боль у самой кромки своих щитов.

Однако на раздумья времени не было — требовалось действовать. И молиться, чтобы щиты выстояли и дальше, или... Тэлия понятия не имела, что могло бы произойти, навались на нее такой груз.

Крис появился, когда пожары уже почти потушили, — с закопченным лицом, в щедро забрызганном кровью Белом, с потухшими глазами. Рядом с ним, спотыкаясь, шел Тантрис. Тэлия предоставила своей пожарной команде справляться дальше самостоятельно в тот самый момент, когда следом за ним появились кричащие от радости жители Вышнезова, размахивающие покрытыми запекшейся кровью косами и мотыгами. Тэлия, хромая, пошла к напарнику: только сейчас она заметила, что растянула левую лодыжку и вывихнула правое плечо, когда хватала ребенка. Крис поднял глаза, встретился с ней взглядом, и Тэлия увидела на его лице отражение собственной тяжелой душевной муки.

Она вынула из его безвольной руки окровавленный меч, поборола отвращение и дотронулась до его липких пальцев, надеясь дать Крису облегчение, которого не могла пока почувствовать сама.

Крис вздохнул, пошатнулся и прислонился к Тантрису, чтобы устоять на ногах. Тантрис был так же испятнан кровью, как и Ролан, на плече у него виднелся неглубокий порез.

— Они не захотели сдаваться и не захотели бежать, — сказал Крис охрипшим от дыма и крика голосом.

— Не знаю почему. Целитель мертв, та бедная сумасшедшая девушка тоже. Убито еще около десяти человек и вдвое больше ранено. Слава Богам, слава Богам, детей среди них нет. Та пара сгорела заживо, пытаюсь спасти своих проклятых кур. На том конце селения сгорели дотла три дома... — Он посмотрел на кричащих, смеющихся от радости, неуклюже пляшущих на кровавом снегу и перемешанной ногами грязи людей. — Они думают, бой позади. Богиня, это только начало... уничтожены запасы продовольствия, сожжены дома, а самая лютая часть зимы еще впереди...

— Это... это непохоже на то, как это описывается в балладах, верно?

— Да. — Крис вздохнул, потер грязной рукой глаза. — Похоже не бывает никогда... и нас ждет работа.

— Тогда давай заберем чирр и приступим.

Их второе посещение Развилки по контрасту вызвало у Герольдов почти неловкость, поскольку Криса приветствовали как местного героя за то, что он оставался ухаживать за больными, пока Тэлия ездила за помощью. Пришлось напомнить благодарным жителям правила, регулирующие поведение Герольдов, объезжающих округ, не то Тэлия и Крис пировали бы каждый вечер в новом доме, спали бы в лучших кроватях во всей деревне и уехали бы, нагруженные большим количеством подарков, чем могли унести чирры.

Зато такая остановка немало сделала для подъема их духа. Подъема духа обоих — поскольку в Развилке ни на ком не видно было талисманов от дурного глаза, никто украдкой не бросал на Тэлию косых взглядов. И ее щиты держались... все еще держались...

В Ягоднике они остановились у Тедрика, который явно был очень рад их видеть, и двухдневный отдых у него в доме — а также возможность выплакать свою душевную боль на плече у кого-то, кто по-настоящему тебя поймет, — довершили их исцеление.

Когда гости вновь оказались в состоянии вести нормальный разговор, Тедрик с удовольствием ребенка, получившего новую игрушку, упомянул, что со времени их прошлого приезда странствующие Барды стали нередко останавливаться у него на ночлег, и теперь обычно не проходит и месяца без того, чтобы к нему не поступался хотя бы один.

Крис вспомнил свой рапорт и улыбнулся про себя.

Мэйвен Погодная Ведьма и ее приемный сын процветали. Ее способность Предвидения даже возросла. Благодарные жители Ягодника решили выделять ей часть от своих урожаев, чтобы ей не грозило потерять свой Дар от голода или какого-то несчастного случая на полях. И, что лучше всего, местная жрица Астеры начала обучать ее, готовя себе в приемницы.

А щиты Тэлии все держались.

Последние несколько остановок своего объезда они ехали среди молодой весенней листвы (едва-едва проклюнувшейся из почек). Когда настанет Весеннее Равноденствие, до которого осталось меньше месяца, они передадут чирр следующему Герольду, назначенному в их сектор, и пустятся в обратный путь в сторону столицы и Коллегии.

Вот и все... почти все. Тэлия чувствовала, что вновь обрела контроль над Даром и он стал надежнее, чем раньше. Ее щиты восстановились и стали крепче. Если бы только теперь...

Если бы только она могла разрешить точащие ее изнутри сомнения... понять, что правильно, а что нет...

Бесконечные вопросы без ответов не давали ей уснуть по ночам; она смотрела в темноту подолгу, после того как засыпал лежащий рядом Крис. Потому что если она не сможет сама найти ответ, как осмелится она когда-либо еще воспользоваться своим врожденным Даром, кроме как в крайне жестко ограниченных обстоятельствах?

Со всех сторон в усыпанных почками кустах распевали только недавно вернувшиеся с юга птицы; деревья казались окутанными зеленой дымкой. Тэлия не ждала беды, и поэтому, когда Крис попросил ее намеренно опустить щиты и потянуться чувствами вперед, к Западной Веже, то, с чем она там столкнулась, застало ее совершенно врасплох. Сила воспринятой ею эмоции бросила ее вперед, на шею Ролана, словно удар по голове. Крис направил Тантриса вплотную к ней и поддержал ее в седле, пока Тэлия трясла головой, стараясь прояснить мысли.

— Что такое? — встревоженно спросил Крис. — Не может быть, чтобы...

— Не набег, но все равно плохо. Там смерть, и будет и еще, если я не окажусь там как можно скорее, — сказала Тэлия. — Ты води чирр, а я поскачу вперед.

Она послала Ролана карьером, оставив Криса и вьючных животных далеко позади. Они мчались сквозь пробивающиеся через кроны деревьев лучи света, словно духи зимы, явившиеся, чтобы сразиться с весной. Тэлия щурилась от хлещущих по глазам весеннего ветра и Ролановой гривы, пытаясь разобраться в воспринятых ею образах. Она соприкоснулась с ужасной, бездумной яростью толпы и двумя источниками страха: одного — страха преследуемого, второго — страха человека, лишенного надежды. А глубже, словно тонкая струйка гнусной зловонной дряни, таился источник подлинного и торжествующего зла.

Приближаясь к внешней стене Западной Вежи, добротной и умело сложенной из кирпича, тускло-красного на фоне бледно-зеленой дымки распускающейся листвы, Тэлия даже сквозь стук Ролановых копыт расслышала шум толпы. Рык, от которого зашевелились волосы на голове, донесся до нее задолго до того, как она завидела саму толпу. Тэлии незачем было входить в транс, чтобы ощутить бушующую здесь бурю эмоций, хотя, по милости Владычицы, жертву еще не нашли. Тэлия почти физически чувствовала вкус страха прячущегося человека, но он еще не превратился в панику пойманного существа.

Когда она приблизилась к толпе на расстояние видимости, из-под прикрытия ворот выскочила одинокая фигурка и со всех ног бросилась прямо к ней, поднимая клубы желтой дорожной пыли. Завидев бегущего, преследователи взвыли и ринулись вдогонку, за ворота.

Беглец, похоже, решил, если надо, броситься под копыта Ролана, чтобы добраться до Тэлии. Призвав все свое умение, накрепко вколоченное в них Керен, Герольд и Спутник увернулись от столкновения и, описав головокружительно крутую дугу, встали так, что корпус Ролана заслонил беглеца от его преследователей.

Незнакомец мертвой хваткой вцепился в луку седла, так что побелели костяшки пальцев, и, задыхаясь, выдавил:

— Правосудия...

Тэлия осталась сидеть в седле, уверенная в том, что, если другого выхода не будет, она успеет посадить беглеца себе за спину и ускакать, прежде чем кто-либо из толпы что-то сообразит. Однако при виде Спутника и ее одеяния Герольда, которое невозможно было перепутать ни с чем, люди замедлили

бег, начали неуверенно переговариваться и наконец, не доходя нескольких шагов, остановились.

Когда Тэлия заговорила, воцарилась тишина.

— Почему вы травите этого человека насмерть? — требовательно спросила она, возвысив голос так, чтобы он прозвучал отчетливо и чисто, как зов трубы.

Сгрудившаяся перед ней толпа, теперь, когда угас запал, уже переставшая быть обезумевшей сворой гончих, беспокойно зашевелилась. Наконец вперед выступил один — судя по дорогой одежде из крашеной умброй шерсти и полотна, человек преуспевающий и не крестьянин.

— Этот торговец — убийца, Герольд, — сказал он. — Чужак и убийца. Мы хотим, чтобы он получил по заслугам.

— Нет... — выдохнул человек, цепляющийся за седло Тэлии; его оливковая кожа пожелтела от заливающей лицо бледности, большие черные глаза были расширены от страха. — Торговец — да, иноземец — тоже. Но не убийца. Клянусь.

При его словах поднялся гневный шум.

— Стойте! — повелительно возвысив голос, крикнула Тэлия, прежде чем люди успели вновь сплотиться в разъяренную толпу.

— Быть чужеземцем — не преступление, и по слову королевы правосудие Герольдов даруется в пределах нашего королевства каждому, кто его попросит. Этот человек попросил правосудия у меня, и я дам ему то, чего он просит. Вы, называющие его убийцей, — видел ли кто-нибудь из вас, как он убивал?

— Тело нашли в его фургоне, и оно еще не остыло! — возразил обвинитель торговца, беспокойно теребя ус.

— Вот как? Значит, фургон так хорошо охранялся, что никто, кроме него, проникнуть туда не мог? Нет? Тогда как вы можете быть уверены, что тело не подложили туда, чтобы бросить подозрение на хозяина — который подозрителен уже и так, просто потому, что он иноземец?

Смятение собравшихся, которое ощутила Тэлия, сказало ей, что такая возможность им в голову не приходила. Стоявшие перед ней люди не были злыми — та ниточка порочности и злобы, на которую она наткнулась раньше, не тянулась ни к одному из них — они всего лишь действовали бездумно и легковерно, пока ими владел стадный дух толпы. Встретив же кого-то, кто заставил их задуматься, они растеряли свою кровожадность.

— Все будет сделано по закону или не сделано вовсе, — сказала Тэлия твердо. — Пусть мужчины, женщины и дети, все, кроме тех, кто прикован к постели, соберутся на площади. Сейчас среди вас нет ни одного, кто был бы чист от подозрений. И пусть принесут туда тело.

К цепляющемуся за луку ее седла человеку медленно возвращались мужество и дыхание.

— Я слышал о таких, как вы, госпожа Герольд, — сказал он, явно нервничая, судя по поту, который только сейчас начал выступать на его высоком лбу, но так же явно стремясь доверять Тэлии. — Клянусь вам, что я не совершал этого злодеяния. Можете подвергнуть меня испытанию, если желаете.

— Никакого «испытания» не будет, и вам нечего бояться, если вы действительно невиновны, — спокойно ответила Тэлия. — Не знаю, что вы слышали о нас, но уверяю, что вы получите именно то, чего просили, — правосудие.

Торговец шел рядом с ней, когда она верхом на Ролане въехала в ворота городка, миновала прочные кирпичные дома и оказалась на вымощенной булыжником площади. В точности как она и приказывала, там собрались все способные передвигаться жители Западной Вежи. Для Тэлии оставили свободное место в середине, и там же лежал длинный, завернутый в темное сверток — очевидно, труп жертвы.

Тэлия отобрала две дюжины крепких, заляпанных известковым раствором горожан и, опросив их с использованием своего Дара, удостоверилась, что они не могли иметь никакого отношения к преступлению, поскольку все вместе трудились над расширением окружающих селение стен. Велев им вооружиться дубинками, она поставила их охранять выходы с площади, поскольку знала, что как только убийца поймет, что его вот-вот разоблачат, он может попытаться скрыться, а Тэлия не собиралась

предоставлять ему такую возможность.

Затем она откинула одеяло. Молодую женщину — почти девочку — жестоко избили и сломали шею. При жизни убитая была красива; одежда на ней казалась хорошо сшитой и не слишком поношенной, но во многих местах была разорвана. Кто бы ни совершил преступление, он был вспыльчив и зверски жесток, а ничто из того, что ощущала Тэлия в торговце, не соответствовало душевному типу человека, способного до смерти забить молодую девушку. Однако такой поступок очень сочетался с той жилкой зла, которую она почувствовала до встречи с толпой.

— Кем была девочка? — спросила Тэлия, дав собственным нервам мгновение, чтобы успокоиться.

— Моей падчерицей. — Вперед выступил бородатый человек с квадратной челюстью, жестким лицом и непроницаемыми темными глазами. Тэлия заметила, что он обратился к ней без уважительного «Герольд». Это могло означать многое — или ничего.

— Когда и кто ее нашел?

— Около часа назад, Герольд, — заговорила худая, сидящая женщина в обсыпанном мукой переднике. — Ее нашел мой мальчик. Я послала его с деньгами к торговцу за кой-какими вещами, которые просила отложить для меня. — Она вытолкнула вперед долговязого белокурого парнишку лет пятнадцати. Он явно чувствовал себя скверно: лицо покрывала зеленоватая бледность.

— Расскажи мне, что увидел, так точно, как только можешь вспомнить, — приказала Тэлия; жалость заставила ее передвинуться так, чтобы заслонить от него труп.

— Ма... — Паренек сглотнул, не сводя глаз с ее лица, — Как ма уже сказала, она дала мне денег и послала за всякими безделками, что просила для нее придержать. Когда я подошел, торговца в фургоне не было, но он нам много раз говорил, — входить и ждать его, ежели его нет, ну, я и вошел. Внутри было вроде как темно, и я обо что-то спотыкнулся. Распахнул дверь, посмотреть, через что чуть не полетел. А это Карли... — Он изо всех сил сглотнул, лицо еще больше позеленело. — Я подумал, может, ей худо, может, даже пьяная, и потряс ее. А ее голова так смешно замоталась... — Он вытер руки о куртку, бессознательно пытаясь избавиться от гадливости, которую ощутил, дотронувшись до трупа.

— Достаточно, — мягко сказала Тэлия. Бедный малыш никогда раньше не видел насильственной смерти, а тем более не прикасался к убитому. Она вспомнила, как чувствовала себя после боя в Вышнезове, и постаралась взглядом передать ему свое сочувствие. — Кто-нибудь из вас прежде видел девушку с торговцем?

Нашлось несколько человек, заявивших, что она тайком шепталась с торговцем, замолкая, стоило кому-то оказаться поблизости. Люди беспокойно переминались с ноги на ногу, пока Тэлия продолжала опрашивать свидетелей так дотошно и терпеливо, как только могла; по краям толпы слышалось тихое шushingанье. Тэлия жалела, что не может расслышать слов: перешептывания могли многое сказать.

Человек, который назвался отчимом убитой девушки, сердито сплюнул и вмешался в допрос:

— Мы зря теряем время! Каждый, кто не глухой и не слепой, знает, что мерзавец убил ее! Он хотел ее, нет сомнения, а потом убил, когда она ему отказала... а коли не отказала — так из страха, что она после заставит его на себе жениться.

Глаза Тэлии сузились. Сказанное не очень походило на речи убитого горем родителя.

— Орудием Королевского Правосудия являюсь я, и я, и никто другой, буду решать, теряем мы время или нет, — сказала она холодно. — Пока что я не увидела ничего, что указывало бы на вину этого человека, кроме его разговоров с девушкой. Я уверена, что разговаривала она со многими. Разве не разговаривала она каждый день вот хотя бы с вами? Разве это бросает на вас подозрение?

Ей померещилось или он слегка побледнел?

— Что скажешь ты, торговец?

— Могу я рассказать всю правду? — спросил тот.

А вот уж действительно странный способ отвечать.

— Зачем ты спрашиваешь?

— Потому что я не хотел бы чернить умершую перед ее родными и близкими, но то, что я должен рассказать, может вызвать неодобрение тех, кто здесь собрался.

— Погоди минуту, торговец, — ответила Тэлия и закрыла глаза. Ей потребовался миг, чтобы войти в глубокий транс и снова вызвать Заклятие Правды. У заклинания имелось два уровня. Первый мог наложить любой Герольд, даже тот, кто обладал лишь крохой Дара. Заклятие состояло в том, что вокруг головы и плеч спрашиваемого появлялось мерцание, невидимое для него, но отлично заметное для всех остальных. Стоило ему дать лживый ответ, как мерцание пропадало. Заклятие же второго уровня (требовавшее не просто Дара, а очень мощного Дара «коммуникационного» типа) могло заставить человека, на которого его накладывали, говорить только правду, вне зависимости от его намерений. Дар Тэлии был достаточно силен, чтобы позволить ей задействовать обе ступени Заклятия Правды, и она прибегла к нему сейчас. Когда вокруг головы торговца возникло голубое свечение, она услышала, как люди внезапно затаили дыхание; потом раздались вздохи облегчения. Возможно, здешние люди никогда в жизни не видели Заклятия Правды в действии, но знали, что оно из себя представляет, и доверяли мощи Заклятия и честности того, кто им владел.

— Говори всю правду свободно. Ты не можешь повредить той, кто ушла в Гавани, и ты защищаешь собственную жизнь.

— Да, она приходила ко мне несколько раз, — сказал торговец. — Она хотела, чтобы я взял ее с собой, когда уеду отсюда.

— Почему? — спросила Тэлия.

— Потому что она хотела убежать, а отчего и почему, говорить не желала. Говорила, что ей никто не поверит, если она скажет, в чем дело. Сначала она предложила мне денег, но я не хотел рисковать: если бы люди разозлились, моя торговля бы пострадала. Но она все равно не отступалась. Наконец она согласилась «исчезнуть» за день до того, как уеду я, так, чтобы решили, что я не имею к ее пропаже никакого отношения, а в качестве платы предложила себя. — Он вздохнул. — Конечно, это нехорошо, но я всего лишь человек из плоти и крови, а она была привлекательна. Мне не показалось очень дурным, что я получу от нее удовольствие в обмен на бегство, к которому она так стремилась. Я должен был встретить ее на дороге за городом завтра вечером, как стемнеет. После того, как мы с ней поговорили сегодня утром, в живых я ее больше не видел.

Мерцание не исчезло, а Тэлия не ощутила оттока энергии, который указывал бы на то, что торговец говорит правду под принуждением. Толпа, напряженно следившая за свечением, вздохнула снова. Теперь каждому стало ясно, что торговец не может быть виновен — но тогда кто же?

— Ложь! Все ложь!

Отчим убитой вырвался из рук соседей и бросился вперед, явно намереваясь задушить торговца голыми руками. Ролан попятился, прижав уши, и ощерился на него, не подпуская близко, в то время как сама Тэлия с тихим шелестом вытащила из ножен кинжал, и в вспышке злости и... да, и страха... отпрянувшего человека увидела сцену, которую несли в себе его эмоции, и узнала правду.

— Держите его! — приказала она, и несколько сильных мужчин бросились на напавшего и прижали ему руки к бокам, невзирая на сопротивление.

Несмотря на то что она узнала, Тэлия не могла обвинить человека только на основании того, что Увидела. Но, судя по тому, что еще она восприняла, возможно, этого и не понадобится.

— Сестра Карли — где она? — спросила Тэлия, и множество рук вытолкнуло вперед бледную, съевшуюся девочку лет четырнадцати с миловидным робким личиком, темноволосую и темноглазую.

— Я не хочу принуждать тебя говорить, — сказала ей Тэлия тихо, так что никто другой не расслышал, — но если придется, заставлю. Хочешь ли ты рассказать нам правду о человеке, называющем себя вашим отцом, и освободиться?

Когда девочку пихнули к Тэлии, она сжалась от страха, но ласковый голос Герольда и участие, которое Тэлия старалась ей выказать, оживили ее, а последнее слово, «освободиться», казалось, вдохнуло в нее

новое мужество. Она выпрямилась и с ненавистью посмотрела на отчима.

— Да. Да! — пронзительно, с вызовом сказала она — Я скажу правду. Это от него, от нашего добренького папочки, хотела убежать Карли! А почему? Да потому что каждую ночь с тех пор, как умерла мама, он заставлял нас ложиться с ним!

Обличающие слова прозвенели во внезапно повисшем молчании. Жители селения, оцепенев, ошеломленно смотрели на девочку и ее отчима.

— Лживая сучка! — заорал он в потрясенной тишине, пытаясь вырваться из держащих его рук.

— Я говорю чистую правду! — прокричала она в ответ, с глазами, расширенными от страха... и чего-то еще, чего-то, похожего на злость, ярость и стыд. — Когда мы плакали, когда сопротивлялись, он бил нас, а потом насиловал. Карли поклялась, что как-нибудь да убежит, но он прознал и сказал, что покажет ей, где раки зимуют.

— Она врет!

— Да ну? Тогда поддержите его шесть месяцев и увидите. — Девочка дико расхохоталась. — Вы все знаете, что он с прошлой зимы не подпускал ко мне ни одного мужика старше пяти лет от роду. Я б уехала с Карли, но как бы я смогла заработать хоть медяк, когда меня разносит, потому что я жду ребенка? Его ребенка... его ублюдка!

Она истерически разрыдалась, и одна из женщин без колебаний бросилась вперед и защитным материнским жестом накинула на нее шаль; за ней последовали другие, образовав вокруг девочки кольцо, утешая ее, заслоняя от мучителя и бросая на него полные ненависти и отвращения взгляды.

Тэлия повернулась к нему, дрожа от возмущения, но как-то сдерживая наплыв собственных чувств.

— Ты отправился на поиски девочки и увидел ее с торговцем. Ты решил разобраться с ней, проучить ее. Ты разозлился, когда она открыто оказала неповиновение, думая, что она в безопасности, потому что находится в общественном месте. Ты набросился на нее, убил, а потом спрятал тело в фургоне торговца, зная, что обвинят его, зная, что, если бы его убили до того, как появилась я, никто никогда не стал бы искать настоящего убийцу.

Обвиняя преступника, Тэлия одновременно переносила на него Заклятие Правды, заставляя его высказать свои подлинные мысли, когда он снова заговорит.

Заклятие подействовало даже сильнее, чем она ожидала.

— Да! А почему бы и нет? Разве я не кормлю их и не одеваю? Разве не я их хозяин? Они мои, так же как и их сучка-мать! Она умерла, не окупив моих денег, и, клянусь Богами, их долг — занять ее место!

От ощущения мерзости сознания, продиктовавшего его слова, Тэлию замутило. Ни одно наказание не казалось ей достаточной карой за то, что сотворил этот подонок. Какой-то странный, беспристрастный уголок ее «я» взвесил все факты — и выдал холодное, продуманное, логичное решение.

Ее возмущение и гнев все росли, пока Тэлия не оказалась уже не в силах больше держать их в себе, а потом нашли выход, который соответствовал принятому ею решению. Тэлия насильно установила мысленный контакт с преступником — это был не ласковый обмен чувствами, как у них с Крисом, а жестокое изнасилование психики, на которое она и не представляла, что способна. Затем, крутнувшись в сторону, она втянула в контакт падчерицу — и вогнала ее воспоминания в мозг убийцы, заставила его быть девочкой во всех ее полных боли и ужаса переживаниях.

Он издал один-единственный захлебывающийся вой, застыл, потом рухнул на колени. Те, кто держал убийцу, от изумления отпустили его, но пленник был уже не в состоянии воспользоваться ситуацией. Когда его подняли на ноги, с отвисшей нижней губы у него капала слюна, а в глазах не осталось ни проблеска разума. Тэлия замкнула его рассудок в кольцо, и он переживал, снова и снова, каждое мгновение, которое его падчерица провела в качестве его жертвы.

Жители поселка невольно сделали шаг назад, отодвигаясь от Тэлии.

Ну что же, она ведь только что показала им, на что способна.

— Герольд? — робко сказал один из мужчин, глядя на нее с почтением, смешанным со страхом. Они поняли, что Тэлия сама покарала преступника, даже если и не представляли как. — Что нам с ним делать?

— Что хотите, — устало ответила Тэлия, — и в согласии с вашими собственными обычаями. Будет ли он жить или умрет, он уже получил по заслугам.

Когда его увели, к Тэлии обратилась одна из женщин.

— Герольд, мы слышали, что вы умеете магией лечить души. Не могли бы вы что-нибудь сделать для бедной девочки? И еще... я повивальная бабка. Вы не рассердились бы, если б случилось так, что она «потеряла» бы ребенка? Хотя у меня и нет Дара, своему ремеслу я обучалась у Целителей. Это можно сделать, не причинив ей вреда.

« Семь бед... » — подумала Тэлия и кивнула.

Люди расходились, слишком потрясенные и подавленные, чтобы хотя бы перешептываться. Тэлия устало проковыляла к кучке женщин и опустилась на колени возле дрожащей, всхлипывающей девочки. Вошла в транс и начала прощупывать, как научила ее Керитвин. Тэлия могла «читать», хоть и не могла действовать на основе прочтенного. Все оказалось так, как и подозревала Тэлия: девочка была слишком юна, плод развивался не правильно. Она перенесла внимание на сознание девочки и принялась закладывать фундамент исцеления, которое время и мужество смогут завершить и без дальнейшего вмешательства с ее, Тэлии, стороны — изо всех сил внушая, что в том, что произошло, никакой вины самой девочки нет. И, наконец, погрузила девочку в полутранс, который должен был продлиться несколько дней, в течение которых можно будет исправить хотя бы вред, нанесенный ее телу.

Тэлия встала, вконец обессиленная, и повернулась к акушерке.

— То, что вы предлагаете, рано или поздно все равно случится, и для ее тела будет легче, если это произойдет сейчас. Она ненавидит плод, который носит, так же сильно, как ненавидит его отца, и очищение тела может принести некоторое облегчение ее душе. И... повторяйте ей, что никакой ее вины в случившемся не было. Повторяйте до тех пор, пока она не поверит.

Женщина молча кивнула и вместе с другими повела находящуюся с полубессознательном состоянии девочку к своему дому.

Остался только торговец. В его глазах блеснули слезы благодарности; близость его чистого, нормального сознания была для Тэлии бесконечным утешением. После сточной канавы, какую представлял собой отчим девочек, торговец виделся ей прозрачным искрящимся ручьем.

— Госпожа Герольд... — запинаясь, выговорил он наконец, — моя жизнь принадлежит вам.

— Так возьми же ее и распорядись ею по-хорошему, торговец, — ответила Тэлия, утыкаясь лицом в шею Ролана и чувствуя, как ласковое прикосновение Спутника медленно очищает ее от скверны минувшего дня.

Шаги торговца стихли.

И послышался приближающийся стук копыт трех скакунов. Этот звук невозможно было перепутать ни с чем — копыта звенели о камни словно колокольчики, так, как могли звенеть только копыта Спутников, — и им вторил тихий перезвон подуздных бубенцов.

« О, Богиня, помоги мне! — подумала Тэлия. — Хватит... я больше, не выдержу «.

Но стук копыт все приближался, а потом она услышала шаги и почувствовала, как на ее плечи легли чьи-то руки. Тэлия подняла глаза. Рядом стоял Крис.

— Я видел конец и узнал все остальное от повивальной бабки, — сказал он спокойно. — Но...

— Но — ты вынесла приговор и привела его в исполнение, Герольд, — сказал чужой голос, женский, огрубевший от возраста, но сильный.

Тэлия посмотрела через плечо Криса и увидела два незнакомых лица: женщины приблизительно того же возраста, что Керен, но крепко сложенной и коренастой, и русоволосого молодого человека, возможно, на год-два старше, чем Крис. На руках у обоих виднелись стрелы — эмблемы Специальных Курьеров.

Специальные Курьеры... должно быть, их Спутники почуяли беду и принесли их сюда, на помощь.

И оба были старшими Герольдами.

— Ты действительно применила свой Дар к тому человеку, не так ли? — сумрачно спросил Герольд помоложе.

— Да, — ответила Тэлия, встречаясь с ними глазами. — Применила. И поступила бы так снова, если бы того потребовали обстоятельства.

— Считаешь ли ты, что использовать таким образом свой Дар этично?

— А использовать свои руки, чтобы стрелять в разбойников, этично? — возразила Тэлия. — Он — часть меня; он находится всецело под моим контролем, он мной не управляет. Я приняла обоснованное и продуманное решение — если этот человек когда-нибудь примет собственную вину и тот факт, что то, что он совершил, не правильно, он освободится от уз, которые я на него наложила. До тех пор он будет переживать в точности то же самое, что он заставлял переживать свои жертвы. Мне показалось, что такое наказание гораздо более соразмерно его преступлению, нежели заключение или казнь. Так я решила и привела приговор в исполнение; я стою на том, что это правильно — и поступила бы так снова.

Она посмотрела на обоих Герольдов с некоторым вызовом, но, к ее удивлению, оба кивнули с долей удовлетворения.

— Тогда, я думаю, мы здесь больше не нужны, — сказала женщина. — Прямых дорог вам, брат... сестра...

Они развернули своих Спутников и выехали за ворота поселка, ни разу не оглянувшись.

Остался один Крис.

— Ты справилась очень хорошо, Герольд Тэлия, — ласково сказал он.

Усталая Тэлия стояла, чувствуя на плечах крепкую хватку его рук, слыша, как голос Криса призывает ее вернуться к исполнению обязанностей. Ей страстно, невыразимо хотелось переложить свои обязанности на него, и она знала, что, если она попросит, Крис согласится.

Но если она переложит свой долг на кого-то другого, она окажется недостойной своего призвания. Совершая она обычный объезд сектора, то рядом не оказалось бы Криса, который взял бы на себя бремя ее задач, потому что она, Тэлия, видите ли, чувствует себя слишком выдохшейся, слишком больной, слишком измотанной... и, да, слишком трусливой, чтобы встретиться лицом к лицу с людьми и снова доказать им, что они не ошиблись, доверяя ей, доказать, что Герольд может нести не только кару, но и исцеление. Им нужно снова показать, что, хотя Герольд обладает силами, которых должен бояться виновный, они никогда не будут направлены против невинного. Она должна встретить страх на их лицах и вновь превратить его в доверие. Крис не может сделать этого за нее, и, не будь его здесь, она, Тэлия, не смогла бы даже позволить себе роскоши на миг вообразить, что такое возможно.

Тэлия вздохнула, и, услышав в этом вздохе усталость и боль, Крис почти захотел, чтобы она попросила подменить ее. У него душа болела за Тэлию, но сейчас шло то испытание огнем, через которое рано или поздно должен пройти каждый Герольд, а она — в особенности. Долг для Герольда всегда должен стоять на первом месте, чего бы это ни стоило ему лично. Тэлия доказала, что контролирует свой Дар. Доказала, что готова принять этическую и моральную ответственность, которую ее особый Дар на нее накладывает. Теперь она должна доказать, что обладает достаточной силой ума и духа, чтобы довести до конца любое дело, за которое возьмется.

У Тэлии не было выбора, у Криса — тоже. Они приняли на себя ответственность наряду со всеми остальными сторонами жизни Герольда. Но... Крису было больно за нее.

Тэлия подняла голову и, должно быть, ясно прочла эти мысли в его глазах.

— Пойду-ка я лучше разыщу городской Совет, мэра и писца, — сказала она, выпрямляясь и придавая лицу спокойное выражение. — Надо работать.

Глядя на то, как она удаляется, высоко подняв голову, уверенной походкой, ничем не выдавая своих

внутренних страданий, Крис почувствовал прилив гордости.

Теперь она стала настоящим Герольдом.

Крис отправился к ближайшему Путевому Приюту первым и уже закончил все приготовления, когда, сгорбившись от усталости, подъехала Тэлия. Правила, которым они оба подчинялись, разрешали ему сделать для нее хотя бы такую малость. Тэлия легла задолго до него, и к тому времени, когда Крис присоединился к ней, казалось, уже спала, но он почувствовал в темноте, что она вздрагивает от беззвучных рыданий, и привлек к себе, чтобы она смогла выплакаться у него на плече и заснуть.

На второй день Тэлия выслушала отчеты и новости и занялась рассмотрением жалоб. Криса коробило, когда он видел, как настороженно смотрят на нее горожане, словно она какое-то существо из легенды — могучее, но совсем не обязательно заслуживающее доверия. Хорошо, что населенный пункт был таким большим: после того, что сделала Тэлия накануне, могло оказаться нелегко найти доедающих, чтобы решение по их делу выносила она — кроме разве что тех, кто оказался в совершенно безвыходном положении. Но в поселениях такого размера каждому, кто хотел подать жалобу на рассмотрение Герольда, полагалось заранее представить письменное заявление; ввиду наличия такого свидетельства не нашлось ни одного жалобщика, настолько смелого, чтобы отрицать свое первоначальное намерение.

Тэлия имела право определять порядок рассмотрения тяжб; обычно она им не пользовалась, но на сей раз поступила иначе. Она сделала мудрый шаг, выбрав для первоочередного рассмотрения дела, решение которых требовало такта, понимания и чуткости. Постепенно жители поселка стали свободнее чувствовать себя в ее присутствии, страх перед ней начал проходить. На третий день они уже смеялись над меткими шутками, которые она порой вставляла в свои замечания, страх был позабыт. На четвертый же день, когда Тэлия распрощалась с горожанами, доверие к Герольдам ее трудами было восстановлено и даже упрочено. Крис так гордился ею, что, когда они поехали дальше, к следующей остановке, буквально сиял.

Боги, должно быть, разделяли его чувства, поскольку наконец-то стали к Тэлии благосклонны. Остаток срока ее службы в секторе прошел без каких-либо новых испытаний.

— Не могу поверить, что все позади.

— Лучше поверь, — рассмеялся Крис, — потому что перед нами как раз точка рандеву. И если глаза меня не обманывают...

— Не обманывают. Там пасется Спутник, и я, кажется, вижу двух мулов.

— Значит, сегодня мы в последний раз ночуем в Путевом Приюте. Жалеешь?

— Что не буду есть твою или свою стряпню и спать на соломе? Шутишь!

Крис хмыкнул и сощурился от лучей клонящегося к западу солнца.

— Чу! — воскликнул он патетически. — Мнится мне, избавитель наш услышал копытец наших Спутников серебристый звон.

— Или то, как гремят в твоей пустой башке скудные мысли, — Тэлия сжала ногами бока Ролана, и он поднялся в галоп. — Это Гриффон!

И точно, встречавший их Герольд оказался однокурсником Тэлии. Он получил Белое одновременно с ней, но, очевидно, рано закончил свою стажировку. Тэлия соскользнула со спины Ролана, когда они со стуком копыт и звяканьем бубенцов затормозили возле Гриффона, и сердечно обняла и поцеловала старинного приятеля, отчего тот зарделся, как маков цвет. Он с таким явным облегчением приветствовал Криса, что они с Тэлией с трудом удержались от смеха при виде смущения бедного парня.

— Всего в получасе езды по дороге отсюда трактир, — сказал Гриффон, слегка запинаясь. — Вас там ждут. Я подумал, что вы, вероятно, предпочтете сегодня спать на мягких постелях, поэтому, когда мой Фарист поймал краешек послания Ролана, я съездил туда и предупредил их.

— Здорово, спасибо! — ответил Крис за них обоих, тронутый неожиданной любезностью.

— Кажется, целая вечность прошла с тех пор, как мы спали на настоящих кроватях.

— Не правда, — перебила его Тэлия, — мы спали в настоящей постели чуть больше четырех месяцев назад, у Тедрика.

— Совершенно верно, но все равно кажется, что прошла вечность. Однако ты мне напомнила: первый мой тебе совет, Гриффон, — всегда старайся останавливаться на самом северном Пункте Пополнения Припасов, возле самого Ягодника. Тедрик — хороший хозяин, любит общество, а уж его стряпня!... — Крис в шутовском экстазе закатил глаза.

— А мой первый совет — берегись еще одного северного сюрприза... — Тэлия кратко обрисовала симптомы мора и описала, как обезлюдела Развилка.

Они по очереди рассказывали об опасностях и ловушках, подстерегающих того, кто объезжает здешний сектор, потом передали Гриффону чирр и остатки продовольствия и снаряжения. Он помог им погрузить их собственные пожитки на мулов, и к сумеркам уже расположился в Приюте, а они отправились в путь.

Когда во тьме перед ними засветились огни трактира, Крис почувствовал, что Тэлию охватила невольная дрожь.

— Знаю, — сказал он ей тихо. — Теперь все позади — и именно теперь начинает становиться по-настоящему трудно. Но ты готова. Поверь мне, птичка, ты действительно готова.

— Ты уверен? — тихо, с сомнением откликнулась Тэлия.

— Как никогда в жизни. Ты готова с самой Западной Вежи. Если ты смогла справиться с тем, справишься с чем угодно: с обидчивыми вельможами, с наследниками престола, мучимыми подростковыми заморочками, с Герольдами с разбитыми сердцами...

— Мечтательными Герольдами, обуреваемыми любовью-судьбой... — подхватила она с оттенком сарказма.

— Даже с ними. Особенно с ними. Ты еще не позволяла своим чувствам помешать делу, не позволишь и теперь. Ты готова, маленькая. И если ты посмеешь выставить меня лжецом...

— То что?

— То я... найму Барда, чтобы он вывел тебя в каких-нибудь едких куплетах.

— Великая Богиня! — Тэлия покачнулась в седле, театрально схватившись за сердце, словно ее ударили кинжалом; к ней вернулось хорошее настроение. — Вот участь горше смерти!

— Так что смотри, веди себя как следует, — ухмыльнулся Крис. — А теперь едем: нас ждут обед и мягкие перины; а потом...

— Да, — вздохнула Тэлия, глядя вдоль дороги на юг. — Дом. Наконец-то.

Примечания

1

Инвеститура — церемония торжественной, при свидетелях, передачи власти или возведения в сан

2

Табард — подобие накидки или камзола без рукавов, носившееся рыцарями поверх доспехов, украшался гербом владельца

3

Нотабли — представители высшего духовенства, дворянства и зажиточных горожан.

4

Кадастр — список лиц, подлежащих подушному обложению налогом